

84(ЧВел)
1161

ОН КОЛФЕР

АВТОЕЩЕ...

АВТОСТОПОМ ПО ГАЛАКТИКЕ

ДЭЙЛОС АДАМС

ПРОДОЛЖЕНИЕ
«АВТОСТОПОМ
ПО ГАЛАКТИКЕ»
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«АРТЕМИСА
ФАУЛА»

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ
ТРИЛОГИИ

АВТОСТОПОМ ПО ГАЛАКТИКЕ

84(ЧВел)
ИОН КОЛФЕР К61

А ВОТ ЕЩЕ...

168555/1

2012
Астрель
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
К61

Eoin Colfer
AND ANOTHER THING

Перевод с английского Н.К. Кудряшева

Компьютерный дизайн А.Б. Ткаченко

Печатается с разрешения автора,
компании Completely Unexpected Productions Ltd
и литературных агентств Ed Victor Limited и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 28.03.12. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1882.

Колфер, Й.

К61 А в от ещ... : [роман] / Йон Колфер; пер. с англ. Н.К. Кудряшева. — М.: Астрель, 2012. — 349, [3] с.

ISBN 978-5-271-41716-0

Дуглас Адамс мечтал написать шестую часть «Автостопом по Галактике» — но, увы, не успел.

Продолжение культового сериала хотели создать многие писатели — но наследники Адамса предложили сделать это Й. Колферу — давнему поклоннику «Автостопом по Галактике» и автору не менее культового сериала о приключениях Артемиса Фаула.

Своеобразный выбор? Или все-таки — Идеальный выбор?

Вселенная велика — и в ней может случиться все что угодно. А иногда и то, что не может случиться в принципе.

Пантеон безработных богов, любимый всеми нами Галактический президент, влюбленный пришелец, компьютер со странностями и, конечно, неподражаемый А. Дент... и многое, многое другое.

Что именно?

Прочитайте — и узнаете!

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Eoin Colfer, 2009

© Перевод. Н.К. Кудряшев, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

*Посвящается Джеки, Финну и Шину,
которые скучаю по мне,
когда я уезжаю —
но не так сильно,
как я по ним*

С. С.
С. С.
С. С.
С. С.
С. С.

С. С.
С. С.
С. С.
С. С.
С. С.

Мне хотелось бы поблагодарить Дугласа Адамса за то, что он помог мне видеть яснее и в новом измерении. И Джеки — с любовью! — за все ее идеи, наставления, поиски и находки, имевшие место в процессе написания этой книги, да и всех других книг за последние десять лет. Я благодарен также Софи и Эду за то, что они свели этот проект в единое целое, а еще Полли и Джейн — за их помощь и поддержку. Спасибо Алексу и Лесли, моим издателям, орлиный взгляд которых наверняка не обойдет вниманием этой благодарности. И, наконец, моему старому другу Теду Роучу, который познакомил меня не только с «Автостопом», но и с «Уайтснейком». Я перед ними в неоплатном долгу.

Гроza окончательно стихла, только эхо грама отдавалось еще от далеких холмов — так человек произносит: «А вот еще...» минут через двадцать после того, как спор закончился не в его пользу.

Дуглас Адамс

Мы одолели пространство и время, чтоб снова встряхнуть этот дом до основания.

Упорный Д.

Предисловие

Если у вас на руках имеется экземпляр Путеводителя «Автостопом по Галактике», вам вряд ли захочется набрать на его кла-ВИ-атуре название этого издания для поиска в субэта-сети, поскольку, раз у вас есть экземпляр, вы и так уже наверняка знаете все об этой книге — самой замечательной из всех, издававшихся когда-либо крупнейшими издательствами Малой Медведицы. Тем не менее нужно признать, что на протяжении нескольких последних тысячелетий в рейтинге «Источников межгалактических конфликтов» первое место прочно принадлежит «Алчным ублюдкам-захватчикам с большими пушками», а за третье спорят «Вожделение представителей одних разумных видов представителями других» и «Неверное истолкование простейших намеков и жестов». Ну да, как говорится на Бетельгейзе, на бетельгейзианский вкус, на бетельгейзианский цвет...

И все-таки допустим на мгновение, что вас забросило в Порт-Брасту, до рейса у вас восемь часов, а на имплантированной кредитке не наберется даже на одну стопку «Пангалактического грызлодера», и что вы по какой-то причине не знаете ничего о той предположительно восхитительной книге, которую вы держите в руках, и вот вы — исключительно

от скуки, разумеется — набираете в строке поиска Путеводителя «Автостопом по Галактике» слова «путеводитель «автостопом по галактике», и что вы в результате всей этой фигни увидите?

Первым делом на дисплее появляется в ряби пикселей анимированная иконка, сообщающая вам, что по запросу имеются три результата, что само по себе не может не вызвать замешательства, поскольку ниже вы видите целых пять, пронумерованных в надлежащем порядке.

Необходимое пояснение. На всякий случай напоминаем, что в общепринятой системе исчисления числа расставлены в порядке возрастания, а не по творческому вдохновению. Фальфанганские слизни, например, оценивают величину числа по изяществу его очертания. В результате кассовые чеки фальфангансских супермаркетов можно использовать в качестве разноцветных лент для украшения, но их экономика обрушивается с частотой примерно раз в неделю.

Каждому из этих пяти результатов соответствует объемистая статья, сопровождаемая многочисленными аудио- и видеофайлами, включая инсценировки с участием знаменитых артистов.

Так вот, эту книгу ни одна из пяти статей не описывает.

Однако если вы, игнорируя всплывающие баннеры с предложениями продать свою почку или нарастить свое достоинство, домотаете до конца последнюю, пятую статью, вы доберетесь до набранной самым мелким шрифтом строчки: «...и если вам все это понравилось, возможно, вы были бы не против прочитать...» И если вы потретесь своей персональной иконкой по этой строчке, вам откроется чисто текстовое приложение... Ну, не совсем все-таки текстовое: аудио в нем действительно нет, а видео все-таки есть — любительское, снятое каким-то студентом-режиссером у себя в спальне, причем занятые актеры получили свой гонорар сандвичами.

Вот история этого приложения.

Введение

Насколько нам известно...

В один прекрасный (или не совсем — это как посмотреть) день Правительство Галактической Империи, собравшись за ведерком радужных крабов, решило, что в одном не слишком популярном уголке Западного Спирального Отростка Галактики необходимо проложить гиперпространственную магистраль. Обосновывалось это решение преимущественно гипотетическими транспортными проблемами далекого будущего, но на самом-то деле имело целью трудоустроить нескольких министерских кузенов, вечно ошивающихся вокруг правительенного квартала. К сожалению, на пути прокладки магистрали случилась Земля, и на ее уничтожение с помощью хирургически точного термоядерного воздействия была послана флотилия лишенных фантазии и сострадания вогонов.

Спастись, попав на борт вогонского корабля, удалось только двоим: Артуру Денту, молодому англичанину, сотруднику местной радиостанции, никак не рассчитывавшему на то, что его родную планету разнесут в пыль прямо у него под ногами. И то правда — случись человечеству провести референдум, Артура Дента с высокой степенью вероятности признали бы наименее пригодным для того, чтобы представлять

человеческую расу в космосе. Университетский табель Артура предсказывал ему «конец жизни где-нибудь в холмах Шотландии без гроша в кармане». К счастью для Артура, его приятель Форд Префект, уроженец Бетельгейзе, работавший обозревателем для замечательного межзвездного альманаха «Путеводитель «Автостопом по Галактике», отличался более оптимистичным взглядом на жизнь. Форд, так сказать, видел серебряное шитье там, где Артур видел всего лишь хмурые тучи, так что на пару они составили замечательную компанию космических странников. Конечно, судьба могла бы их занести и на планету Юнипеллу, где облака действительно оторочены серебряным шитьем. Артур, несомненно, ухитрился бы загнать корабль в самое грозовое скопление, а Форд почти наверняка попытался бы спи... украдь серебро, что неминуемо привело бы к взрыву содержавшегося в серебряном шитье газа. Взрыв вышел бы весьма живописный, но для героического окончания эпопеи это, пожалуй, не сгодилось бы в связи с нехваткой существенной детали, а именно: героя в более или менее целостном состоянии.

Помимо них, спастись удалось еще только одному землянину, Трише Мак-Миллан, или Триллиан, как ее обыкновенно звали на просторах космоса. Триллиан начинала карьеру чертовски многообещающим астрофизиком, а продолжила начинаяющим репортером, но всегда верила в то, что жизнь не ограничивается пределами планеты Земля. Впрочем, даже эта вера не спасла ее от сильнейшего потрясения, когда Зафод Библброкс, непутевый двухголовый президент Галактики, выдернул ее с Земли к звездам.

Что можно сказать о президенте Библброксе такого, что не напечатано уже на продаваемых по всей Галактике футболках?

Самой популярной из таких надписей является, конечно: «ЗАФОД ГОВОРИТ «ДА» ЗАФОДУ», хотя даже личные психиатры президента не знают точно, что бы это значило. Второй же по популярности надписью является, пожалуй: «БИБЛБРОКС. РАДУЙСЯ, ДУРАК, ЧТО ОН НЕ ЗДЕСЬ!»

Если принять за аксиому то, что раз кто-то тратит силы и деньги на то, чтобы напечатать что-то на футболке, в этом что-нибудь, да есть, тогда и суть этой надписи не может быть совсем уже неправдой. А следовательно, мы можем сделать вывод, что когда Зафод Библброкс прилетал на ту или иную планету, местное население отвечало на любой его вопрос утвердительно, но что когда он с нее улетал, оно было счастливо тому, что он уже где-то «там», а не «здесь».

Этих более чем нетрадиционных героев неминуемо пришло потоком событий друг к другу и мотало от приключения к приключению в пространстве и времени — они сиживали на квантовых диванах, беседовали с газообразными компьютерами... ну, в общем, никак не могли найти ни толка, ни смысла, в каком бы уголке Вселенной ни пытались это сделать.

В конце концов Артур Дент вернулся в ту дыру в пространстве, где полагалось находиться Земле, и обнаружил, что дыра эта занята планетой размером с Землю, которая выглядела и вела себя на удивление похоже на Землю. Собственно, эта планета и являлась Землей, только не Артуровой. По крайней мере не *того* Артура. Видите ли, его родной планете повезло оказаться в самом что ни на есть центре плюральной зоны, в результате чего интересующий нас Артур обнаружил себя съехавшим вдоль пространственных осей на той Земле, которую вогоны не уничтожили. Это открытие заметно ободрило *нашего* Артура, а его обычно пессимистическое настроение стало более оптимистическим, когда он познакомился с Фенчёрч, абсолютно родственной ему душой. Ему еще сильно повезло, что эту идиллию не оборвала до срока встреча с кем-либо из *альтернативных* Артуров; должно быть, те не обретались в это время в Англии, а перебрались куда-нибудь в Лос-Анджелес корреспондентами Би-Би-Си.

Артур с возлюбленной путешествовали от звезды к звезде до тех пор, пока Фенчёрч не исчезла во время гиперпространственного прыжка. Вот так и исчезла — сидела рядом с Артуром и пропала, не договорив слова. Артур обшарил в ее поисках всю Вселенную, оплачивая билеты сдачей разнообразных жидкостей, которых в человеческом теле хватает с избытком.

Однако поиски эти были прерваны катастрофой звездолета, забросившей его на глухую планету Лемюэллу, где он неожиданно нашел свое призвание, став изготовителем сандвичей для отсталого туземного племени, которое вдруг исполнилось любви к сандвичам.

Эта идиллия была нарушена прибытием заказной бандероли от Форда Префекта, содержавшей в себе экземпляр «Путеводителя «Автостопом по Галактике, мод. II» в виде вкрадчивой транспространственной черной птицы. Триллиан, сделавшаяся к этому времени преуспевающим репортером, тоже подготовила Артуру подарочек в лице Рэндом Дент, его дочери, родившейся из материала, которым он расплатился за кресло первого класса на рейсе от Альфы Центавра.

Артур без восторга принял на себя родительские обязанности, но злобный подросток оказался ему явно не по зубам. Рэндом стырила у него «Путеводитель мод. II» и отправилась на Землю в надежде на то, что хоть там почувствует себя дома. Артур и Форд отправились следом за ней, а уже на Земле встретились с прибывшей чуть раньше Триллиан.

Только тут открылось истинное назначение «мод. II». Вогоны, раздраженные упрямым нежеланием Земли разлетаться на элементарные частицы, запрограммировали милую птичку так, чтобы она заманила беглецов обратно аккурат к тому моменту, когда они, вогоны, уничтожат ее, Землю, во всех пространственно-временных измерениях, исполнив тем самым данное им поручение.

Оказавшись на Земле, Артур с Фордом очертя голову понеслись в лондонский «Бета-клуб», задержавшись по дороге только для того, чтобы прикупить фуа-гра и синие замшевые ботинки. Благодаря старой добréй пространственной оси и плюральной зоне они встретились с Триллиан и Тришой Мак-Миллан, сосуществующими в одном пространстве-времени, и на обеих орала благим матом эмоциональная Рэндом.

Сказать, что Артур находился в смятении? Находился, конечно, но недолго. Стоило ему заметить в нижних слоях атмосферы пульсирующие зеленые лучи смерти, как все прочие проблемы разом утратили свою актуальность — в конце

концов, если ему предстояло разлететься на миллион обугленных клочков, то никак не от смятения.

Вогон по имени Простатник Джельц постарался на славу. Он не только заманил Артура, Форда и Триллиан обратно на Землю; он и уничтожил планету не сам, а руками, так сказать, обманутого им капитана грибулонского корабля. Так вышло менее хлопотно, и к тому же позволило ему и его команде обойтись без нескольких сотен вогонских часов возни с отчетами и накладными.

Артур с друзьями беспомощно сидели в лондонском «Бета-клубе» и наблюдали за последней битвой на Земле — не имея возможности принять в ней участие... если только не считать участием непроизвольные спазмы и разжжение костных тканей. В этой конкретной ситуации орудием разрушения служили не вогонские торпеды, а лучи смерти — впрочем, если подумать, не так уж и много разницы между различными средствами уничтожения планет, если нацелены они на тебя...

1

Если верить помощнику уборщика в Максимегалонском университете, который часто ошивается под дверью лектория, Вселенной около шестидесяти миллионов лет. Правда, эта цифра оспаривается компанией поэтов-битников с Бетельгейзе, утверждающих, что их молескиновые подкладки и того старей (ей-же-ей!). Семнадцать миллиардов, утверждают они, никак не меньше, если верить имеющемуся у них экземпляру Хроник Большого Взрыва. Какой-то гений-подросток с Земли назвал раз цифру в четырнадцать миллиардов лет, основанную на сложных расчетах, в которых учитывалась плотность лунных пород и расстояние между двумя половозрелыми самками на горизонте событий. Один из младших богов Асгарда обмолвился как-то о том, что где-то когда-то читал о крупном космическом событии, имевшем место восемнадцать миллиардов лет назад, но такими откровениями свыше сейчас не убедить почти никого, особенно после эпического провала фильма «Рождение богов», или «Торгейта», как его прозвали в прессе.

Так или иначе, речь идет о миллиардах лет, а миллиарды — это вам не миллионы какие-нибудь, и судя по внешности сидевшего на пляже старика, он лично отсчитал на пальцах

по меньшей мере один из этих миллионов миллионов. Кожа его напоминала пожелтевший пергамент, а в профиль он сильно смахивал на трясущуюся заглавную «S».

Человек вспоминал, как когда-то давно у него, кажется, была кошка. Если, конечно, можно доверять памяти — сложному сочетанию триллионов нейронных связей. Память не пощупать пальцами, и ногами тоже не потрогать — в отличие от прибоя, лениво плескавшего о его изуродованные артритом ступни. Впрочем, что такое физические ощущения, если не те же передаваемые в мозг электрические сигналы? Могноли верить и им? Есть ли во Вселенной вообще что-либо такое, чему можно верить, что можно обнять и подержать в разгар смерча из бабочек? Или же верить можно только ровно дующему гавалузианскому ветру?

Чертовы бабочки, подумал человек. Стоило им раз сообразить, что маxая крылышками, можно вызвать глобальную катастрофу, и миллионы злобных чешуекрылых, сбиваясь в стаи, начали претворять эту идею в жизнь.

Но ведь этого не может быть, нет? — подумал он. Бабочковый смерч?

Тут новые нервные клетки у него послали сигналы, принятые другими нервными клетками, и образовавшиеся связи нашептали ему основные положения теории невероятности. В частности: что если какому-либо явлению не положено произойти, оно приложит все усилия, отказываясь не произойти, причем как можно скорее.

Бабочковые смерчи. Дай срок, будут и такие.

Старик с трудом отвлекся от этого феномена, и тут же в мысли его закралась и начала медленно пробивать себе дорогу к материализации новая катастрофа.

Можно ли вообще чему-нибудь доверять? Чем-либо утешаться?

Заходящие солнца играли на волнах, окрашивали в разные цвета низ облаков, серебрили пальмовые листья, отражались зайчиками от фарфорового чайника на веранде...

Ах да, подумал старик. Чай. В центре всей ненадежной и, возможно, иллюзорной Вселенной всегда остается чай.

Тростью, сделанной из ноги списанного робота, стариk начертил на песке две цифры и смотрел, как волны смывают их.

Только что на песке виднелись «сорок два», и вот их уже нет. Может, их и не было вовсе, а может, они и не нужны никому.

От этой мысли стариk почему-то начал хихикать, встал и похромал, опираясь на ногу робота, на веранду. Скрипя суставами и деревом, он опустился в плетеное кресло, такое же дряхлое, как и все вокруг, и кликнул андроида принести печенье.

Андроид подал чай «Рич».

Хороший выбор.

Не прошло и нескольких секунд, как внезапное появление парящей в воздухе металлической птицы нарушило священный процесс обмакивания печенья, и стариk уронил большой кусок в чашку.

— Ради бога, — возмутился стариk. — Ты хоть знаешь, сколько я трудился над этой технологией? Макания печенья, да еще изготовления сандвичей? Если ничего другого человеку не осталось?

Птицу его слова, похоже, не возмутили.

— Невозмутимая птица, — мягко произнес стариk; звучание этих слов, кажется, нравилось ему самому. Он закрыл большой глаз — тот функционировал так себе с тех пор, как он еще безмозглым пацаном свалился с дерева — и внимательнее рассмотрел парящую тварь.

Птица висела в воздухе. Металлические перья отсвечивали красным в закатных лучах. Металлические крылья взбивали в воздухе маленькие вихри.

— Батарейка, — произнесла птица голосом, напомнившим старику актера, которого он видел когда-то в роли Отелло в лондонском «Глобусе». Просто удивительно, сколько может напомнить одно-единственное слово.

— Ты сказала «батарейка»? — переспросил стариk — просто так, для верности. Ведь птица могла сказать и «лотерейка», или даже «сельдерейка». Слух у него был не тот, что

прежде, особенно в том, что касалось открывающих слово согласных.

— Батарейка, — повторила птица, и реальность вдруг треснула и начала осыпаться, как разбитое зеркало. Пляж исчез, волны застыли, хрустнули и испарились. Последним исчез чай «Рич».

— Вот блин, — пробормотал старик, когда последние крошки испарились из его пальцев, и откинулся на подушку в помещении, стены и потолок которого состояли из неба. Кто-то должен был появиться, и очень скоро — старик в этом не сомневался. Откуда-то из самых глубоких пещер старых воспоминаний серыми летучими мышами вылетели имена «Форд» и «Префект», верные предвестники надвигающейся катастрофы.

И так всегда: стоило Вселенной начать разваливаться к чертовой матери, и Форд Префект обязательно оказывался где-нибудь поблизости. Он и эта его проклятая книжонка. Как там ее? Ах, да. «Пятновыводитель «Гоп-стоп» в Гадючнике».

Так... или, во всяком случае, как-то очень похоже.

Старик совершенно точно знал, что скажет Форд Префект.

Посмотри на это с другой стороны, старина. По крайней мере ты не лежишь на земле перед бульдозером, правда? По крайней мере нас не вышвыривают из шлюзовой камеры вагонного корабля. И небесная комната у тебя не то чтобы очень уж ветхая. Все могло быть хуже, гораздо хуже.

— Все будет гораздо хуже, — со скорбной убежденностью произнес старик. Жизненный опыт говорил ему, что все вообще имеет тенденцию становиться хуже, а в тех редких случаях, когда что-то на первый взгляд становится лучше, это всего лишь увертюра к катастрофическому ухудшению.

Ну да, небесная комната казалась достаточно безобидной, но какие ужасы таились за ее хрупкими стенами? Наверняка самые разужасные — в чем в чем, а в этом старик не сомневался.

Он потыкал пальцем в стену, и та подалась. Податливость напомнила ему пудинг из тапиоки, и он почти улыбнулся этой

мысли, но тут же вспомнил, что ненавидит тапиоку с тех пор, как старший по палате в начальной школе Итон-хаус наложил этой гадости ему в шлепанцы.

— Прыщавый Смит, говнюк скользкий, — прошептал он.

Палец его проделал на мгновение дырку в облаках, и в эту дырку старик успел увидеть высокое, вдвое больше обычного окно, а за ним... уж не луч ли смерти?

Старик боялся, что так оно и есть.

И так все время, подумал он. И так все время, и хоть бы что-нибудь поменялось...

Форд Префект жил в мечте. В такой, которая включала в себя квартиру на одном из супер-ультра-люксовых, пяти-сверхновозвездочных, изначально порочных гедонистических курортов Хэй-Виляя. Те часы, в которые иному полагалось бы просыпаться к началу нового рабочего дня, он заполнял обыкновенно причинением непоправимого ущерба своему здоровью путем потребления чрезмерного объема экзотических коктейлей и связями с экзотическими представительницами различных видов и рас.

И — что самое приятное — все расходы на ведение этого саморазрушительного образа жизни полностью брала на себя его кредитная карточка «Обед-при-Исполнении» с безлимитным кредитом, который он открыл сам себе при последнем посещении штаб-квартиры «Путеводителя».

Если бы много лет назад перед юным Фордом Префектом положили чистый лист бумаги и предложили написать один-единственный абзац с перечислением самых сокровенных желаний на будущее, единственным словом, которое он смог бы подобрать из своего словарного запаса, стало бы «возможно». Вероятно, так.

Курорты Хэй-Виляя отличала столь непристойная роскошь, что, как говорится, самец-брекинданн мать бы родную продал за одну только ночь в печально известном вибромономере отеля «Замок из песка». На самом деле это не настолько отвратительно, как звучит, поскольку родители служат на Брекинде законным платежным средством, и на хорошо

увлажненного септюгенарианца со здоровыми зубами можно купить мотовоз на семью среднего размера.

Возможно, Форд не стал бы продавать кого-либо из своих родителей ради развлечений «Замка из песка»; впрочем, у него имелся двуглавый двоюродный брат, от которого в случае его продажи была бы хоть какая-то польза семье.

Каждый вечер... точнее, каждое утро Форд поднимался по кишке-подъемнику к себе в пентхаус, с трудом ворочая языком, приказывал двери открыться, бросал взгляд на свое отражение в зеркале — опухшая физиономия с налитыми кровью глазами — и падал лицом вниз в ванну.

По-последний вечер, обещал он себе каждый раз. Есть ведь предел, после которого мое тело взбунтуется и развалится на части, да?

Как бы выглядел его некролог в «Путеводителе»? Как-нибудь очень лаконично наверняка. Всего два слова. Или три? Возможно, те самые три слова, которые остались там от его описания Земли.

В основном безвредна.

Земля... Уж не случилось ли на ней чего-то такого, нехорошего, о чем стоило бы подумать? И вообще, почему одни вещи вспоминаются ему без труда, а другие — не яснее туманного утра на вечно окутанных туманами Туманных Равнинах Смогологии?

Впрочем, все это относилось преимущественно к той полной слез и соплей стадии, когда третья порция «Пангалактического грызлодера» вышибала из нас kvозь пропитанных алкоголем мозгов Форда последнюю каплю сознания, и тот, икнув, издавал боевой вопль дебютанта на rodeo и с почти идеальной точностью рушился головой в писсуар.

И все же каждое утро, выныривая из ванны у себя в номере (если ему повезло до него добраться, конечно), Форд обнаруживал себя волшебным образом воскрешенным. Никакого бодуна, никакого огненного выхлопа, даже ни одного лопнувшего сосуда в белках глаз — никаких свидетельств давешних эксцессов.

— Ты крутой оболтус, Форд Префект, — неизменно говорил он себе. — Да, именно так — крутой!

Что-то здесь скользкое происходит, изредка просыпалось и было тревогу его подсознание.

Скользкое? Как рыба?

Всего хорошего и спасибо за...

Что-то там про дельфинов? Ну, если честно, они, конечно, не рыбы, но у них с теми общая... среда обитания, да.

Думай, болван! Думай! Тебе полагалось уже сто раз сдохнуть. Ты выжрал столько отравы, что ее хватило бы на то, чтобы замариновать не только тебя, но и на несколько твоих альтернативных воплощений. Как получается, что ты до сих пор жив?

— И не просто жив, а все по кайфу, — отвечал подсознанию Форд, а иногда и подмигивал при этом своему отражению в зеркале. Очень уж его восхищало то, какой ослепительно яркой сделалась его рыжая шевелюра, как рельефно обозначились скулы. И еще — у него, похоже, вытянулся подбородок. Хороший такой, точеный.

— Это место идет мне на пользу, — сообщал он своему отражению. — Все эти маски из фото-пиявок и лемминговые ванны замечательно укрепляют организм. Пожалуй, это просто мой долг по отношению к моему телу — задержаться здесь еще ненадолго.

Что он и делал.

В последний день Форд оплатил своей волшебной кредиткой подводный массаж. Массажистом работал дамогранянский головоногий моллюск пом-пом с одиннадцатью шупальцами и тысячей миниатюрных присосок, которые разминали Форду спину, очищая при этом поры. Моллюски пом-пом высоко ценятся в банно-массажной индустрии, однако их обычно переманивают из нее в музикальный бизнес — высокими гонорарами, богатыми планктоном водами и возможностью массировать ищущих звезд импресарио, — а значит, и возможностью записаться в звезды самому.

— А ты, дружище, случайно, не ищешь звезд? — поинтересовался моллюск, хотя особой надежды в его голосе не ощущалось.

— Не, — отозвался Форд, выпустив из плексигласовой маски струйку пузырьков; лицо его в свечении фосфоресци-

рующих камней приобрело оранжевый оттенок. — Зато у меня была как-то пара синих замшевых туфель, а это что-нибудь да значит. У меня такие до сих пор... вторая пара, скорее лиловая — не иначе, липовая подделка.

Разговаривая, моллюск то и дело отвлекался на проплыавшие мимо облачка планктона, из-за чего беседа носила несколько дерганый характер.

— Не знаю, верно ли...

— Что?

— Я не договорил.

— Ты просто оборвал разговор.

— Там был глинт. Я подумал, может, уже ленч.

— Ты ешь глинтов?

— Нет. Настоящих глинтов не ем.

— Это хорошо. Ведь глинты — это маленькие глунты, а они ядовиты.

— Я знаю. Я говорил только, что...

— Что, снова глинты?

— Совершенно верно. Так ты уверен, что не импресарио?

И не агент?

— Угу.

— Ох, заарктурь твою медь, — выругался моллюск (немного непрофессионально для сотрудника такого дорогого учреждения, не правда ли?). — Два года корячусь здесь как проклятый. Мне обещали, что здесь импресарио и агентов что твоих присосок. Так ведь ни одного. Ни одного, мать его. А я-то ускоренно обучался игре на казу..

Мимо такого Форд пройти никак не мог.

— Ускоренные курсы казу? Как их можно ускорить?

Моллюск казался оскорбленным.

— Еще как можно, если играть разом на тысяче. Я играл в квартете. Представляешь?

Форд не стал спорить. Он блаженно закрыл глаза, наслаждаясь хлюпаньем присосок по спине и пытаясь представить себе четыре тысячи казу, играющих в безупречной подводной гармонии.

Чуть позже моллюск обвил Форда полудюжиной щупалец и осторожно перевернул на спину. Форд приоткрыл один глаз, чтобы прочесть надпись на бэджике у моллюска.

Меня зовут Барзу, гласила надпись. Пользуйся мной по своему усмотрению.

И ниже, совсем мелким шрифтом:

У меня аллергия на резину.

— Ладно, Барзу. А что ты исполнял?

— В основном старое. Кавер-версии. Сыпал когда-нибудь о Хотблэке Дезиато?

«А ведь я слышал это имя», — сообразил Форд, но никак не мог вспомнить, где именно. Все вообще делалось с каждым днем все туманнее.

— Хотблэк Дезиато. Разве он не умер уже?

Барзу склонил голову набок, обдумывая это, и приоткрыл клюв, не обращая внимания на проплывавшие мимо сгустки планктона.

— Эй, не можешь вспомнить — не переживай. У меня здесь тоже проблемы с памятью. С мелочами вроде того, как давно я здесь, или в чем смысл моей жизни, или на какую ногу надевать туфли. Ну, типа того.

Моллюск не ответил, и щупальца его тяжелыми канатами давили на торс Форда.

Форд надеялся только, что Барзу не умер, ибо что будет, если тот действительно перейдет в другое энергетическое состояние? Его присоски перестанут присасываться? Или, наоборот, присосутся насмерть? У Форда не имелось ни малейшего желания провести остаток отпуска на операционном столе, пока щупальца будут удалять хирургическим путем.

Тут Барзу заморгал.

— Эй, приятель, — вздохнул Форд, выпустив из шлема новую струю пузырьков. — Добро пожаловать. А мне-то на мгновение показалось...

— Батарейка, — произнес моллюск, прищелкнув клювом на букве «Т». — Батарейка.

«Как же я не замечал прежде, — подумал Форд, — что этот кальмар здорово похож на птицу».

А потом пещера для подводного массажа как-то рассосалась, и Форд Префект оказался в комнате, сложенной из синего неба.

В противоположном углу комнаты сидела знакомая фигура.

— Ох, — произнес Форд, вспомнив все.

Необходимое пояснение. Процесс, в результате которого вы вспоминаете что-либо, как правило, происходит в две стадии, и участвуют в нем сознание и подсознание вашего мозга. Открывает его подсознание, вбрасывая в мозг косвенно относящееся к делу воспоминание — процесс, сопровождающийся всплеском довольных собой эндорфинов.

— Отменно проделано, дружище, — комментирует сознание. — Это воспоминание как раз сейчас может оказаться чертовски кстати, а я не помнило, куда его засунуло.

— Ты и я, чувак, — отзыается подсознание, явно польщенное тем, что его вклад хоть раз отмечен. — Мы одна команда!

Затем сознание внимательнее изучает подброщенное ему воспоминание и посыпает по нервным пучкам депешу анусу, советуя ему подготовиться к худшему.

— Кой черт ты напомнило мне именно это? — обрушивается оно на подсознание. — Это же ужасно. Чудовищно. Я не желаю этого помнить. Кой черт, заарктурь твою медь, я вообще поместило тебя к себе в мозги... пусть даже на задворки?

— Чтоб я тебе хоть раз еще помогало, — обиженно бурчит подсознание и убирается в самый темный угол себя самого, где гнездятся жутко противные мысли. — Ты мне не нужно, — заявляет оно самому себе. — Я вполне могу сложить личность и из тех штук, что ты выбросило на свалку. — Собственно, именно так в мозгу поселяются первые зародыши шизофрении, сложенные из детских обид, унижений, заниженной самооценки и предубеждений.

К счастью, подсознания у уроженцев Бетельгейзе не так уж много, так что в данном случае все происходило проще.

— Ох, — повторил Форд и почти сразу же добавил: — Блин.

Он потрогал ногой пол из неба и не без удивления заметил, что нога его при этом слегка замерцала искрами.

Я не настоящий, сообразил он, и одного этого хватило, чтобы засадить занозу в его неизменно лучезарное настроение. Впрочем, он оправился почти мгновенно, чего никак нельзя было сказать о втором обитателе комнаты.

— Посмотри на это с другой стороны, старина. По крайней мере ты не лежишь на земле перед бульдозером, правда? По крайней мере нас не вышвыривают из шлюзовой камеры вогонского корабля. И небесная комнатка у тебя не то чтобы очень уж ветхая. Все могло быть хуже, гораздо хуже.

И очень скоро так и будет, если я правильно понял суть происходящего...

...подумал Форд, но вслух говорить не стал. Судя по виду Артура, свою порцию плохих новостей на этот день он получил уже с избытком.

Прежде чем выйти в студию для, возможно, важнейшего интервью в своей профессиональной карьере, межпланетный репортер-новостник Триллиан Астра провела несколько напряженных минут в туалете для представителей прессы. За ее долгую карьеру Триллиан довелось провести год, работая нелегально клерком у простатников в звездном скоплении Мегабрантиса. Она потеряла левую ногу, отморозив ее во время налета рейдеров на мандранитовые копи Беты Ориона. Совсем недавно она подверглась нападению вселенских ортодоксов, когда опрометчиво усомнилась в своей статье в эффективности выпрямляющих зубы заговоров.

Имя Триллиан было известно в Галактике. Карьера ее находилась в зените, ее опасались теневые политики, воротили кинобизнеса и беременные незамужние звезды от Альфы Центавра и до Уитводля VI, однако на этот раз некоторую робость испытывала она сама.

Президент Галактики Рэндом Дент. Ее дочь. Прямая трансляция с Максимегалона на аудиторию примерно в пятьсот миллиардов зрителей.

Она нервничала. Нет, не просто нервничала. Она пребывала в ужасе. Триллиан не видела дочери с...

Господи, поняла она. Я ведь не могу даже вспомнить, когда видела Рэндом в последний раз.

Триллиан попыталась успокоить нервы с помощью нехитрого ритуала.

— Неплохо выглядишь для старой клячи, — заметила она зеркалу.

— Ты действительно так считаешь, до'огуша? — отзвалось зеркало, явно оскорбленное тем, что находилось в поле зрения его сенсоров. — Если уж это «неплохо», значит, ты нет'ебовательна к стандартаам.

Триллиан вспыхнула.

— Да как ты смеешь? Повидай ты с мое, переживи ты с мое — думаю, ты бы согласилось, что я выгляжу еще очень даже ничего.

Зеркало вздохнуло всеми восемью встроенными в раму динамиками.

— Вовсе не обязательно читать мне ку'с исто'ии, до'огуша. Я не знаю, что было — я вижу, что есть. А вижу, позволь сказать тебе п'ямо и отк'овенно, что ты точь-в-точь Эксцент'ика Галлумбиц в разгар т'етьего цикла. И пове' мне, до'огуша, к т'етьему циклу этой ста'ой 'авалины почти все об'ащается если не в газ, то в жидкое аг'егатное состояние. Будь я на твоем месте, я бы купила себе хо'шее полотенце, халат и...

Триллиан шагнула вперед и врезала кулаком по кнопке, отключающей звук.

Какому дураку вообще пришла в голову мысль одушевлять зеркала? Она еще помнила времена, когда модулем индивидуальности от Кибернетической Корпорации Сириуса оснащались только самые дорогие андроиды... ну, и еще отдельные, очень редкие входные двери.

Может, Триллиан и не хотелось слушать то, что имело сказать зеркало, но она не могла не признать, что оно говорит правду.

Она казалась старой. Точнее, древней.

Это все потому, что я и на самом деле древняя. По земному летосчислению мне сто пятьдесят лет. Тому, что от меня осталось.

На протяжении долгих лет работа репортера отщипывала от Триши Мак-Миллан кусок за куском, так что скоро, судя по всему, останется только Триллиан. И это не просто метафора: Триллиан Астра никогда не боялась жертвовать ничем ради работы — ни друзьями, ни семьей, ни различными частями своего тела.

Ногу она потеряла на Бете Ориона во время беспорядков на рудниках. Семьдесят пять процентов кожи сгорели в плазменной вспышке на передовой у пещер Гаммы Карфакса. Левую руку изуродовал по самый локоть трос песчаного краулера на гражданской войне в Дорделле, а правый глаз ей выкололи маленьким заостренным флагштоком на молодежном зимнем фестивале Ванго-Панго на Кагракашке.

В общем, от изначальной Триши Мак-Миллан остались мозг (с добавлением оздоровительного раствора), один зеркальный глаз, пара щек (одна на лице, вторая на ягодице), некоторое количество мелких, второстепенных костей и с пол-литра человеческой крови. Остальные три литра представляли собой не кровь, а слезы, собранные в улье среброязыких дьяволов — мелких млекопитающих, ареал распространения которых ограничен системой Гастромили. Несчастным зверькам крепко не повезло, поскольку применение находят абсолютно все части их тела, от длинных серебряных язычков до мыслеволн, на которые можно настроить антенну, и тогда прием видеосигналов улучшается на порядок, даже если вы обитаете в дыре на задворках Галактики. Те же самые горе-философы, которые использовали существование рыбки-авилюнки в качестве доказательства того, что Бога нет, провозгласили среброязыких дьяволов свидетельством существования Сатаны — каковой аргумент признает ущербным даже картофельный клубень с пропущенным через него электрическим разрядом. Впрочем, самим философам на эту ущербность наплевать. Светила науки вообще склонны к противоречиям.

По злой иронии судьбы, Триллиан попала на Гастромилю как раз для того, чтобы освещать демонстрацию в защиту среброязыких дьяволов, и именно на ней угодила под колесницу, изображающую среброязыкого дьявола, сооруженную, что само по себе еще более иронично, из шкур среброязыких дьяволов, каковую иронию Триллиан дополнительно усугубила тем, что вливали ей слону среброязыких дьяволов, не снимая с нее футбольки с надписью «ЗАЩИТИМ СРЕБРОЯЗЫКИХ ДЬЯВОЛОВ!». Позже в печать попала (стараниями той же Триллиан) информация о том, что подобный избыток иронии послужил причиной смерти одиннадцати присутствовавших на демонстрации эмпатов. Даже двенадцати, если считать еще одного эмпата, и без того постоянно страдавшего депрессией.

Триллиан разгладила синтетическую кожу на шеке. Она была гладкой, но слегка натянутой. Выписывавший ее врач обещал, что со временем кожа чуть растянется, но этого так и не произошло. Случались дни, когда Триллиан казалось, будто лицо ее натянуто на череп как резиновый шарик.

Кто-то из ее сослуживцев описал ее раз как стройного, смуглого гуманоида с длинными, волнистыми черными волосами, маленьким носом-кнопкой и забавными карими глазами.

И только.

Кстати, день сегодня был как раз из этих, неудачных.

Рэндом. Спустя столько лет.

Каждый раз, заглядывая в глаза дочери, она словно смотрела в колодцы собственной вины.

Триллиан шлепнула ладонью по зеркалу.

— Ой! Эй! — возмутилось зеркало, наплевав на выключенный звук.

Триллиан не стала обращать на это внимания.

Ей нужно собраться. Черт, она же самый уважаемый репортер Галактики, а это что-нибудь да значит. Ей нужно загнать все свои комплексы в коробку, крепко закрыть крышку и заняться работой.

Триллиан подергала за волосы проверить, крепко ли держится парик, расправила плечи и вышла в зал брать интервью у дочери — та уже находилась некоторое время на борту низкогравитационного репродуктивного спутника-клиники в системе звезды Барнарда.

Триллиан поежилась. Одной утренней тошноты ей хватало за глаза, так что она с удовольствием обошлась бы без пониженной гравитации.

У Рэндом имелись все основания чувствовать себя ущербной: отца ей заменила пробирка, родную (и то с большой натяжкой) планету уничтожили сразу в нескольких измерениях, а мать, бросив на нее один-единственный взгляд, снова отдалась карьере, месяцами державшей ее вдали от дома.

Стоило ли удивляться тому, что Рэндом бывала несколько резковата.

Президент Рэндом Дент сидела, закинув ногу на ногу, в парящем кресле-яйце, напевая себе что-то под нос.

— ...На зубах хрустят его бе-еальные косточки!

Занавес еще не поднимали, но гул собравшейся в зале публики доносился до нее сквозь толстую бархатную ткань. Настоящий бархат, не какая-нибудь там сопливая голограмма; университет без особой радости, но уступил Рэндом и пошел на такие расходы. Будучи несомненным консерватором, президент полагала, что в Галактике есть еще место старым добрым традициям.

Она с мягкой улыбкой смотрела на то, как ее мать поднимается на сцену. Издали могло показаться, что они поменялись ролями, и что это Триллиан приходится президенту дочерью, но при ближайшем рассмотрении все становилось на свои места. На лице Триллиан места живого не осталось, не тронутого скальпелем.

При виде дочери репортер чуть сбилась с шага, но тут же взяла себя в руки.

— Вы прекрасно выглядите, мадам президент, — произнесла она тоном профессионального репортера, общим для всей Галактики от сектора ZZ9 и до Асгарда.

— Ты тоже, мама, — отозвалась Рэндом.

Триллиан опустилась во второе кресло-яйцо и порылась в своих записях.

— Президент Рэндом Случайный Путник Дент. До сих пор столько имен?

Рэндом улыбнулась невозмутимой улыбкой человека, с которым уже много лет не случалось истерик.

— А ты, Триллиан Астра? Так и живешь под чужим?

Триллиан улыбнулась — немного натянуто. Интервью обещало выдаться непростым.

— Зачем нам ссориться, Рэндом? За последние двадцать лет мы виделись раз десять, вряд ли больше. Зачем — теперь, когда моя карьера идет на спад? Я специально сорвалась с фестиваля красоты на Новом Бетеле ради главного интервью моей жизни.

Рэндом снова улыбнулась, слегка скривив обветренное лицо. Ее чуть тронутые сединой волосы сделались жесткими от солнца и соленой воды.

— Я знаю, мама, что мы некоторое время не виделись. Даже слишком долго. — Она погладила приникший к ее шее комок меха, и тот негромко мяукнул.

Триллиан успела заметить маленькие острые зубы и хвост, и ее сердце тревожно сжалось.

— Я слышала об этом зверьке. Твой постоянный спутник. Это же что-то вроде маленькой песчанки, верно? Хорошенький.

— Он больше, чем просто хорошенюкая песчанка, мама. Фертль — мой друг. Флабуз. Взрослый. Очень много знает, может общаться телепатически. — И тут она взорвала бомбу. Из тех, что не оставляют камня на камне от карьеры. — Мы вчера поженились.

Кожа на лице Триллиан, казалось, натянулась еще сильнее.

— Вы поженились?

— Разумеется, союз чисто духовный. Хотя Ферти нравится, когда я чешу ему животик.

«Держись, — напомнила себе Триллиан. — Ты же профессионал».

— Позволь мне уточнить. Ты *телепатически* общаешься с... с Ферглем?

— Разумеется. Именно общение делает семью семьей. Или ты этого не знала?

Тут Триллиан все-таки забыла о том, что она репортер, и стала просто матерью.

— Поменьше дурацких фокусов, юная леди! Речь идет о твоей жизни, не о чем-нибудь. Ты Рэндом Дент, президент Галактики. Ты объединила разумные расы. Ты присутствовала на официальной церемонии Первого Контакта. — Триллиан уже вскочила. — Ты содействовала развитию экономики в космосе. Ты боролась за равноправие инопланетян.

— А теперь я хочу чего-то для себя самой.

Триллиан сжала кулаки, душа воображаемого Фергеля в шести дюймах от носа настоящего.

— Но не песчанку. Не, Зарк ее подери, гребаную песчанку. Как песчанка родит мне внуков?

— Мы не хотим детей, — жизнерадостно сообщила Рэндом. — Мы хотим путешествовать.

— О чём ты говоришь? Он же песчанка.

— Он, — наставительно произнесла Рэндом, — флабуз — как тебе прекрасно известно. И уж от кого-кого, а от тебя я ждала понимания. От грозной Триллиан Астры. От кумира всего человечества, за исключением родной дочери.

Триллиан показалось, что в кромешной тьме мелькнул слабый луч света.

— Постой. Что? Это все ради меня? Ты собираешься загубить свою жизнь, чтобы достучаться до меня? Не слишком ли извращенно для мести, Рэндом?

Рэндом щекотала мужа до тех пор, пока тот не прыснул.

— Не говори ерунды, мама. Я пригласила тебя сюда, чтобы ты представила Галактике своего зятя. Это станет пиком твоей журналистской карьеры и воссоединит нас в одной семье.

Только теперь до Триллиан дошла вся гениальность замысла Рэндом. Стоит ей объявить об этом брачном союзе по всей сети трехмерного спектровидения, и она превратится во

всеобщее посмешище. А не объявит — окончательно и бесповоротно потеряет дочь, которая при этом, вероятно, выжмет из ситуации все, чтобы сохранить за собой кресло на второй срок. По крайней мере за нее будут голосовать флабузы, а это чертовы миллиарды голосов.

При одной только мысли Триллиан передергивало. *Женаты!*

— Забудь об этом, Рэндом. Тебе не удастся использовать меня в своих целях. Как только отсюда выйду, отыщу твоего отца, и он с тобой разберется.

Рэндом расхохоталась, напугав супруга.

— Артура? Ты хоть представляешь себе, на что он готов, только бы не конфликтовать ни с кем? — Она помолчала, склонив голову набок. — Ферти говорит — и я с ним согласна, — что тебе придется объявить об этом, мама. Галактика ждет великих новостей.

— Ни в коем случае. Я отказываюсь быть орудием в чужих руках.

— Конечно. Ты предпочитаешь быть орудием в руках медиа-магнатов, оставаться таким роботом, какой ты стала. Да у тебя вообще есть еще хоть что-нибудь подлинное? Ты можешь свести меня с моей матерью-человеком? Или, может, тебе известно, где зарыт ее позвоночник?

Триллиан почти испытала облегчение, поняв, что от цивилизованного поведения можно отказаться.

— Иди к черту, Рэндом.

Президент кивнула.

— Вот, Ферти. Вот она какая. И ты еще удивляешься, что меня трудно читать? При тех-то укреплениях, что пришлось мне соорудить вокруг мозга?

Триллиан уже почти визжала.

— Ты разговариваешь с чертовой игрушкой!

На это Ферти, похоже, отреагировал.

Необходимое пояснение. Хотя ушей у флабузов, как известно, нет, они чрезвычайно чувствительны к вибрации и в особо экстремальных условиях способны буквально взорваться. Рекорд по количеству одновременно взорвавшихся флабузов удерживается

ет уроженец Асгарда Тор, некогда рок-идол — это произошло при презентации его новой композиции «Ну-ка, помолотим!» на орбите Дельты Скоришеллюса. Предыдущий рекорд был поставлен интергалактической рок-группой «Зона бедствия», уронившей сабвуфер в кратер вулкана, где флабузы как раз отмечали праздник Статического Электричества.

Фертль взъерошил мех и открыл крошечную пасть, которая стала вдруг больше похожей на клюв.

— Батарейка, — произнес Фертль металлическим голосом.

— Что? — встрепенулась Триллиан. — Мне послышалось, или флабуз действительно заговорил? Вот это сенсация, да.

— Батарейка, — повторил Фертль, на этот раз настойчивее.

Бархатный занавес медленно поднялся, но никакой публики за ним не оказалось, только зал из голубого неба и две человекоподобные фигуры.

Рэндом и Триллиан вскочили и стояли, разинув рты; теперь семейное сходство стало, несмотря на все подтяжки и импланты, несомненным.

— Что происходит? — спросила президент, голос которой сделался на октаву выше. — Мама? Что происходит? Где мои журналисты?

— Не паникуй, — отозвалась Триллиан, прилагая все усилия к тому, чтобы голос ее не дрогнул. — Здесь что-то происходит.

— Что-то происходит? — взвизгнула Рэндом. — И это все? Ты столько лет провела на передовой, и все, что ты можешь сказать — это «что-то происходит»? Это попытка похищения, вот что это! Нас куда-то перенесли.

Триллиан всмотрелась в человекоподобные фигуры, которые с каждой долей секунды казались ей все более знакомыми, словно с глаз ее спадала пелена забвения.

— Похищение? Нет, не думаю. Не этими двумя. Они безвредны... в основном.

Рэндом взяла себя в руки и приняла свою любимую президентскую позу: ноги на ширине плеч, руки крест-накрест на груди.

— Вы, двое. Что вы натворили? Я хочу знать, где мы находимся.

Тот, что пониже, обратил внимание на вновь появившихся... впрочем, у него и выбора особого не было, поскольку одна из двух кричала.

— Мне кажется, разумнее было бы спросить, «когда мы», потом, возможно, «кто поместил нас сюда», ну и, наконец, «есть ли здесь тележка с напитками?».

Рэндом нахмурилась.

— Последнее, конечно, особенно актуально. Как бы вы, молодой человек, ни ерничали, я прекрасно понимаю, что в глубине души вы так же напуганы, как мы.

Молодой человек улыбнулся.

— Я с Бетельгейзе, Рэндом. У нас нет глубины души.

Рэндом открыла было рот для отповеди, но тут узнала второго мужчину, и это потрясло ее так, словно ей в лицо засветили плазменным тортом.

— Отец? Папа? Па?

— Выбирай любой вариант, — предложил уроженец Бетельгейзе. — Все легче разговаривать.

Триллиан ринулась через комнату со скоростью, какой не развивала уже много лет.

— Вот и посмотрим, что твой отец скажет насчет твоего брака.

Рэндом почему-то вдруг резко помолодела.

— Папа, — всхлипнула она. — Папа! Моя идиотка-мать не любит моего мужа!

Отец уронил голову на грудь. Ему отчаянно хотелось вернуться к чаепитию.

2

Форд Префект обследовал небесную комнату. Он дышал на стены, чтобы увидеть, не запотеет ли поверхность, он строил стенам зверские рожи в ожидании ответной реакции, а в конце концов осторожно дотронулся рукавом. Когда материал рубашки не выказал признаков возбуждения электронов от высокой температуры, Форд осмелел настолько, что ткнул в стену пальцем. Стена тут же пошла рябью, и по ней побежали, сменяя друг друга, сцены брачной церемонии флабузов, хижин на тропическом пляже и диких оргий. Рябь, а вместе с ней иллюзорные воспоминания улеглись, и стена снова не показывала ничего, кроме лазурного неба.

— Вы не возражаете? — произнес голос, исходивший, казалось, отовсюду. — Выражаясь несколько старомодно, порох в пороховницах сыроват уже... Если вы согласны посидеть неподвижно, я могла бы поддержать эту иллюзию еще немного.

— Так ты говоришь, эта, заарктурь твою медь, комната — иллюзия? — возмутился Форд, снова ткнув в стену пальцем.

— Вы не... Разве я не говорила... Ну да, да, иллюзия. Этот вестибюль существует исключительно у вас в головах. У вас у всех. Эта комната виртуальна. Или вам хотелось бы, чтобы я донесла эту информацию до вас иным способом?

Форд почесал подбородок и не без огорчения заметил, что он не столь скульптурен, каким был на Хэй-Виляй.

— А как насчет видео?

Небо разом исчезло, сменившись несколькими изображениями птицы-робота, нетерпеливо щелкавшей клювом.

— А, — кивнул Форд. — Путеводитель «Автостопом по Галактике, мод. II». Так я и думал. Я тебя не видел с... — Форд порылся в воспоминаниях (которые с каждой секундой делались все отчетливее), — с тех пор, как ты пыталась разнести Землю к чертям собачьим.

— Вовсе нет, — возразила птица. — Совсем не с тех пор. Подумай хорошенько.

— Я вижу, ты апгрейдилась. Перья, там, золотые...

— Это иллюзия, бетельгейзианин. Я выгляжу так, как хочу выглядеть. Как делал ты — там, на курорте. Помнишь подбородок?

Форд мечтательно вздохнул.

— Еще бы. Это было круто. Особенно тень — профиль прямо-таки божественный.

— Я видела нескольких богов, — заметила птица. — У некоторых с подбородком так себе. Как по-твоему, зачем Локи так культивировал свою бороду?

Форд немного подумал.

— Возвращаясь к моему вопросу... так как насчет видео?

H2G2-2 нахмурилась, что, поверьте, не так просто сделать с клювом вместо носа.

— Ты что, не слышал? Порох в пороховницах заканчивается. Я не смогу долго удерживать этот вестибюль.

— Да тут ничего сложного. Всего-то двухмерная анимация, древняя такая хреновина. Я знаю, ты сможешь, если захочешь как следует.

Птица драматически закатила глаза и исчезла с одной из стен, а на ее месте возник черный экран с четырьмя схематическими, почти проволочными фигурами. У одной имелись в наличии немного неестественные выпуклости на груди, у другого — ущербный подбородок.

— Ха-ха, — хмыкнул Форд, обращаясь к небу. — Очень смешно.

На экране возникла мультишная птица, парящая над головами четырех проволочных человечков.

— Добро пожаловать, — объявила птица, — на видеопрезентацию, которую мне хотелось бы назвать «Иллюзии для идиотов».

Форд предупреждающе помахал в воздухе пальцем.

— Значит ли это, что все люди в построенной тобой иллюзии идиоты, или это просто идиотское объяснение?

Птица не обратила на него ни малейшего внимания.

— Как многомерный, суперсовременный, всезнающий путеводитель, оснащенный лучшей моделью мордоорганического мозга, способной производить более десяти триллионов операций в наносекунду...

— Поближе к делу! — рявкнул Форд экрану. — И быстрее, а то я задницей чувствую приближение плохих новостей, и мне хотелось бы побыстрее понять, в чем их суть. Кое-кто в этом помещении неважно справляется с плохими новостями, и мне стоило бы предварительно обработать истину, прежде чем выкладывать ее.

— Что ж, если ты кончишь ныть...

— Я кончил. Будь добра, продолжай.

Птица неспешно откашлялась, наслаждаясь драматическим эффектом.

— Как я говорила уже... Будучи столь совершенным биогибридным организмом, я без труда воткнула пучок нейронов в центры сна каждого из ваших мозгов — кстати, бетельгейзанец, твой найти оказалось сложнее — ну, а потом замкнула вашу нейронную сеть на мою.

Форд нахмурился.

— А ну покажи мультики, — потребовал он.

Голубые лучи протянулись от кончиков крыльев нарисованной на экране птички; они воткнулись в уши нарисованных человекоподобных фигур, выскочили у каждой из другого уха и, вернувшись к H2G2-2, уперлись ей в лоб.

— То есть ты нас усыпила и спроецировала сновидение?

- Я продлила вам жизнь, и довольно надолго.
- Но эта жизнь чисто виртуальна, так что на деле мы нигде не были?
- Совершенно верно. Нигде и никогда.
- Значит, мордоорганический, говоришь?
- Я старалась объяснить по возможности скжато.

Форд снова потыкал в стену, на этот раз двумя пальцами, наблюдая за причудливым взаимодействием нескольких разных изображений.

- Значит, все это сон. И не только эта комната?
- Нет, — холодно ответила эта птица. — Не только эта комната.

Форд потыкал еще.

— А как далеко назад?

— До «Бета-клуба».

— «Бета-клуб»... Что-то не нравится мне, как это звучит.

Как пожарная рында. Бета-дзынь-блям-клуб. — Форд перестал расхаживать вдоль стены и застыл на месте. — Пресвятые какашки!

— Большое спасибо, — заявила птица — Путеводитель «Автостопом по Галактике, мод. II», — за несдержанность выражений. Я запрограммирована подпитываться энергией оскорблений.

— Можно подумать, мы так не умеем, — огрызнулся Форд.

Необходимое пояснение. У некоторых биологических видов, например, у цифролей с Сезефраса Магны, газового гиганта из системы Плеяд, дело обстоит в буквальном смысле слова так. Цифроли — крошечные плавающие представители семейства гастро-зоо, поглощающие излучаемую хищниками враждебную энергию и использующие ее в качестве собственного источника энергии. Чем больше злится хищник, тем быстрее уплывают от них в газовом океане цифроли. Сезефрас-магнусианские газовые драконы научились подбираться к цифролям как бы невзначай — небрежно настыгивая какой-нибудь модный мотивчик или притворяясь, будто ищут оброненную монетку. Как правило, цифроли попадаются на эти дешевые приемы, и их не спасают ни мощные энергетические фильтры, ни детекторы заподлянки.

Память у Форда прояснилась все-таки не до конца.

— «Бета-клуб»? В Лондоне? Но это же... Я даже не помню, как давно это было!

— Это было тогда, и это есть сейчас. Мое восприятие не фильтруется, поэтому я способна видеть все точки моего существования одновременно.

— А где находимся мы — нищие существа с фильтруемым восприятием? — Чем дальше, тем меньше нравилась Форду эта птица; он решил, что она не начнет ему нравиться, даже если желудок ему будут разъедать несколько порций «Пангалактического грызлодера».

— Вы все еще находитесь в клубе. С тех пор не прошло ни секунды.

Форд схватился за волосы.

— Зачем? Зачем, заарктури твою медь?

Мод. II закатила свои многопиксельные глаза.

— Вот и оказывай после этого кому-нибудь услугу. Нет, правда.

— Услугу? — возмутился Форд, плюнув на то, что его могут услышать остальные. — Если бы ты хотела оказать нам услугу, могла бы убрать нас к чертовой матери с этой планеты, которую вот-вот разнесут в клочья.

— Это вступило бы в прямое противоречие с заложенной в меня программой. Я просто продлила вам жизнь на несколько десятилетий.

— Кто тебя об этом просил? Не я!

— Подобная просьба поступила от Рэндом Дент. Она вторая по старшинству из моих хозяев. Когда землянин-подросток поняла, что планету, на которой она находится, уничтожат, она высказала сожаление о том, что ей не дали возможности прожить жизнь так, как она хотела. Я выполнила ее пожелание таким образом, чтобы оно не противоречило моей первоочередной задаче.

— А что мы, остальные?

— Мисс Дент включила в свое пожелание родителей, а также их тугуумного приятеля с маленьким подбородком.

Форд чувствовал себя уязвленным.

— Маленьким подбородком? Она так и подумала?

— О да, — с нескрываемым хитростью ответила птица. —

Несколько раз.

Тут до Форда начало что-то доходить.

— Вторая по старшинству? А кто первый?

— У тебя нет полномочий меня допрашивать! — огрызнулась птица.

Форд избрал тактику газовых драконов с Сезефраса Магны.

— Я понимаю. Само собой, столь потрясающее существо, как ты, не обязано отчитываться перед низкорожденным бетельгейзианцем вроде меня. Однако не кажется ли тебе, что для меня не было бы горше пытки, чем постигать всю замысловатость твоего сложного плана?

Птица склонила голову набок.

— Я знаю, что ты задумал.

— Разумеется.

— Я воспринимаю все отдельные моменты времени разом.

— Но тогда и спорить не о чем, правда? Ты ведь и так знаешь, что будет.

— Логично. Что ж, хорошо. Меня сконструировали вогонь, чтобы я заманила вас всех на Землю, прежде чем ее уничтожат грибулонцы.

— Что и происходит *сейчас*.

— Раз уж ты догадался, да. Сейчас.

— Нас спасут?

— Скорее всего нет.

— И ты подарила нам те жизни, которых мы хотели?

— Нет. Я подарила вам свободу выбора и иллюзии. Каждый из вас следовал по выбранному вами пути под моим надзором.

Форд подмигнул птице.

— Я понял. Теперь все ясно. Ты хотела испытать жизнь в реальном времени.

Мод. II медленно опустила клюв и скрестила крылья на груди.

— Я прожила ваши жизни вместе с вами, не зная, что будет в следующий момент. Это было восхитительно... хаотично.

— А теперь?

— Теперь? Теперь я *точно* знаю, что происходит. Поддержание четырех иллюзорных Вселенных на протяжении ста иллюзорных лет исчерпало мои энергетические ресурсы. Я протянула так долго только потому, что последние двадцать виртуальных лет объединяла время от времени две иллюзии в одну. Возможно, я могла бы догадаться об этом и раньше, но линейное время столь внезапно... Через пять виртуальных минут эта комната исчезнет, и вы останетесь на Земле в ожидании грибулонских лучей смерти.

Во рту у Форда как-то сразу пересохло, а мысли отказывались цепляться друг за друга. Ему очень не хватало перерыва с коктейлями.

— Пять минут?

— Отсчет пошел, — объявила птица и скрылась из виду. На тех местах, где только что находилось ее изображение, виднелись теперь несколько цифровых табло. Только что на них значилось «4.57» — и вот уже «4.56». Ну, вы поняли.

— И с чего это землянам так нравятся цифровые табло? — буркнул себе под нос Форд и повернулся к землянам, которые делали все, что в их силах, чтобы избежать хотя бы намека на вежливость по отношению друг к другу.

Старик на поверку оказался не таким древним, каким был всего секунду назад. Такой вывод он сделал, исходя из упругости кожи и неожиданно обновившейся остроты слуха.

Я слышу каждое чертова слово из тех, что визжат мне эти женщины. Тоже мне, счастье...

— Артур! — орала старшая. Буквально орала. Никто не орал на него уже... несколько десятилетий, никак не меньше. — Ты меня вообще слушаешь?

С радостью бы этого не делал, подумал Артур, не поднимая головы.

— Я ее ненавижу! — визжала девушка-подросток. — Она меня бросила, а теперь хочет, чтобы я ее слушалась! Что за фигня вообще такая?

— Артур?

— Папа?

— Я к тебе обращаюсь, Артур Дент!

Артур Дент... Это имеет к нему какое-то отношение. Это вроде он и есть.

— Артур Дент, — пробормотал Артур Дент, и ему самому не понравилось, как это звучит.

— И это все, что ты можешь сказать? Спустя столько лет?

— Я старый, усталый человек, — с надеждой в голосе произнес Артур. — Оставьте меня в покое.

— Старый? — возмутилась женщина. — О чём это ты — «старый»? Ты выглядишь в точности так, как при нашей последней встрече. *Один-в-один!* Как тебе это удалось?

Вот этого Артур и боялся. Столько лет в блаженном одиночестве на пляже — и вот он снова в такой Вселенной, где на него орут, а он и понятия не имеет, что происходит.

— Как мне удалось? Что удалось?

— Остаться таким молодым! Я моложе тебя, а выгляжу как силиконовый имплант, который провел ночь в тостере. Кого черта я так старалась с этими протезами? Лучше бы я уволилась. Ну, или брала с собой Рэндом. Другие родители поступают же так.

Артур смирился с тем фактом, что возвращение на пляж ему не светит, и посмотрел на женщину. Перед ним стояла стройная смуглая молодая дама с выюшимися черными волосами до плеч, темно-карими глазами, в темном, мерцающем искрами брючном костюме.

В мозгу его забрезжило и тут же оформилось воспоминание.

— Триллиан! Ну ты и красавица!

Карие глаза заморгали.

— Иди к черту, Артур. Я сюда не за утешениями пришла.

— Извини. Но выглядите, мисс, просто обалденно.

— Артур. Я ведь Зафода выбрала на той вечеринке, так что смирись и не раскатывай губу. И вообще, привыкай меня видеть такой, какая я есть. Кстати, протез ножной у меня жужжит.

— Правда? Я этого не заметил, а должен был бы — слух как-то резко обострился.

Триллиан коснулась пальцами левой берцовой кости, ожидая ощутить ту проклятую вибрацию голени, что не давала ей спать по ночам.

— Не жужжит...

— Мама, — окликнула ее из-за спины Рэндом. — Ма!

Триллиан вдруг заметила, что ногти у нее настоящие, собственные. Не акриловые накладки.

Я молода. То есть помолодела. Как такое случилось? Время пошло вспять?

— Ма!

— Подожди минуту, Рэндом. Пощекочи свою игрушку или еще чего.

— Фертель пропал, ма. Я снова никто.

Триллиан осознала чудовищность произошедшего и бросилась утешать дочь.

— Все хорошо, милая. Мы снова можем жить своей жизнью. Рэндом стиснула кулаки.

— Я не хочу просто жизни. Я хочу быть президентом Галактики. Разве это так много?

Президент, кстати, тоже исчезла, а на ее месте осталась зареванная девчонка-гот.

Необходимое пояснение. Феномен гбтов распространен не только на планете Земля. У многих видов подростковый возраст сопровождается длительным злобным молчанием и искренней верой в то, что их подменили в роддоме, потому что не могут же их нынешние родители быть настолько непроходимо упретыми и зану-у-удными. Разница состоит только в том, что земные подростки выражают свою непонятность, наряжаясь во все черное и слушая группы с названиями вроде «Блад-Шок» или «Плевок», юные хуулууууу (сверхразумы всех оттенков синего) декларируют свою неудовлетворенность Вселенной, задерживая

дыхание до глубокого полиловения, а трубчатые зингатулярии (глубоководные панцирные) доводят родителей до белого каления, общаясь друг с другом исключительно звуками из ануса.

До Триллиан дошло, что дочь ее снова стала ребенком, и она стиснула ее в почти свирепых объятиях.

— Мы снова вместе. И папа тоже здесь. — На Триллиан накатила такая волна энтузиазма, что голова закружилась. — Вместе мы все, что угодно, можем делать. Ходить в походы, покупать сережки и всякую ерунду. Участвовать в маршах протеста — тебе это понравится. Долой международные корпорации, и все такое. Будущее в твоих руках. Ты снова станешь президентом Галактики, обещаю тебе.

Тут в их разговор, помахав полотенцем как белым флагом, вмешался Форд Префект.

— Мне не хотелось бы вываливать на ваши мечты мешок суфлинианского навоза, но, боюсь, на этой конкретной планете на избирательную кампанию времени может не остаться. Возможно, даже на выдвижение кандидатов.

Тут Триллиан задала Форду вопрос, который по странной закономерности звучал хотя бы раз в каждом их разговоре.

— О чём, черт подери, ты вообще говоришь, Форд?

Форд воздел руки, как заправский проповедник.

— Все это — все-все — иллюзия.

Необходимое пояснение. На протяжении всей известной нам истории человечества люди пытались уйти от реальности с помощью иллюзий. Самым дешевым способом справиться с отчаянием и безнадегой является бегство в собственное воображение. Ну, например, тот или иной человек может целый день трудиться по шею в дерьме, но вечером преображаться силой воли и воображения в сияющего рыцаря.

Само собой разумеется, у миллиардов людей воображение отсутствует как класс — как раз таким людям на помощь приходит «Пангалактический грызлодер». Пропустив пару стопок означенного средства, даже самый тупой, самый упертый вогон начинает изображать стриптиз на барной стойке, распевать йодли и божиться в том, что он и есть король саксаквинских княжеств Серого Заклятия.

Увы, этот метод ухода от реальности действует, как правило, не больше двух недель, по истечении которых беглец обыкновенно умирает. Причиной смерти является бунт печени, которая собирает свои манатки и покидает тело через ближайший доступный выход.

Нельзя сказать, чтобы исход печени был особо приятен ее бывшему обладателю. Поэтому большинство разумных видов изобрели разнообразные формы иллюзорной реальности, скрашивающей их повседневную жизнь. Самым примитивным способом формирования такой реальности можно считать наскальные рисунки пещерного человека — правда, если вы дышите жабрами, краска будет плохо приставать к поверхности, на которой вы хотите что-то изобразить, а если вы попробуете сделать это на сухе, краска, конечно, будет держаться, но при этом ссохнутся и ваши жабры. От наскальных рисунков разумные расы перешли к более совершенным формам иллюзорной реальности — например, к книгам: сначала с картинками, а потом и без них. Потом снова к картинкам на телевизоре. Потом к трехмерным, интерактивным, мультисенсорным и голограммическим иллюзиям, с которыми не сравнятесь даже реальная жизнь. В случае газовых болот Ветропуска — даже близко не сравнятесь.

Газопукам с Ветропуска настолько осточертели и их название, и постоянно бьющая в нос вонь гниющих водорослей, что они наняли сверхразумных магратиан, чтобы те построили им идиллическую иллюзию, в которой могли бы навсегда поселиться все до единого газопуки — ну, за исключением, конечно, сменявших друг друга дежурных, обслуживавших эту виртуальную реальность и насосы газовых скважин. Иллюзию конструировала суперкоманда магратианских ученых в составе докторов Брютльвайна, Цеститиса и Ла Писка, заработавших к этому времени премию «Золотое Полушарие» за работу на Нью-Асгарде. Спустя пятнадцать лет иллюзия была готова к включению; по имени создателей ее называли ДБ-ДЦ-ДЛП.

Довольно долго все шло тип-топ — все хранили в блаженной идиллии, а доходы от газового экспорта откладывались на банковских счетах. Но только до тех пор, пока компьютер по со-

вершенно случайному совпадению не разбудил пятерых обитателей планеты, по странному, но опять-таки совершенно случайному совпадению, думавших меньше всего о благополучии сограждан. Эти пятеро — назовем их жопами — быстренько сообразили, что пока кошки предаются любимым виртуальным фантазиям, мышки могут обчистить их до последней нитки и зажить, катаясь как сыр в масле.

На осуществление этого плана у них ушло десять лет, но обчистили жопы родную планету и впрямь до последней нитки. Одновременно с этим магратиане строили для них с иголочки новую планету — славную, размером с Нептун, но подобную Земле по условиям обитания, запущенную на орбиту в системе Альфы Центавра. Жопы назвали свою планету Инкогнито и первым делом издали декрет о невыдаче граждан другим цивилизациям. А еще спустя пять лет газопуки проснулись и обнаружили, что их памперсы полны, а планета воняет еще сильнее, чем прежде.

И какова мораль у всей этой истории? На самом деле их даже несколько. Во-первых, некоторые люди — ублюдки, которых близко нельзя подпускать к управлению чем бы то ни было. А еще — что магратиане никогда не упустят возможности заработать. Ну и, наконец: всегда держите под рукой запасные памперсы. Так, на всякий случай. Потому что никогда не знаешь заранее, как все обернется. Да и никто не знает.

— Четыре минуты, Форд, — произнес Артур спустя несколько секунд. На плечи ему как-то сразу навалились тяжелыми мешками смятение и беспомощность — так напрыгивают друзья-одноклассники, с которыми когда-то было весело, но которые до сих пор отказываются взрослеть и полагают, что нет ничего смешнее, чем подкладывать на стул пакетики-пукалки. — Как, черт подери, типично для этой гребаной Галактики. Наконец-то я вернул дочь, и тут ты сообщаешь, что нас всех разнесут в клочья через четыре минуты.

Форд ободряюще похлопал его по плечу.

— Нет-нет, четыре минуты — это только до возвращения к реальности. На то, чтобы разделать планету своими лучами смерти, грибулонцам потребуется никак не меньше тридцати

минут. Вот использовали бы они термояды — вышло бы на порядок быстрее и дешевле. Спроси вогонов: они никогда не пользуются лучами смерти.

— Ты ошибаешься, Форд, — заявила побледневшая от злости и досады Триллиан. — Я помню «Бета-клуб». Мы остались живы. Наша рыбка-авилонка переместила нас на Милливейс. Я ясно помню.

— Ясно? Правда помнишь?

— Ну, может, не совсем ясно, — призналась Триллиан. — Все-таки это было очень давно.

— Нет, — буркнула Рэндом. — Никакая это была не рыбка-авилонка, а вовсе единороги.

— Единороги... — вздохнул Артур, наконец убедившись в том, что Форд прав и что «Путеводитель Мод. II» предоставил им искать пути к спасению самостоятельно. Лично он, например, полагал, что спастись можно, только объединив усилия земных сверхдержав. Совершенно нереально.

— Точно, *Артур*. Нам на помощь пришел эскадрон космических единорогов. Я помню Искорку-Верную Подкову... мы в свое время в одной редакции работали.

Прежде чем все успели увлечься теорией с единорогами, Артур поспешил сменил тему.

— Через четыре минуты эта комната исчезнет, Форд, мы останемся беззащитными перед грибулонскими лучами смерти, а ты все еще считаешь раскрутку избирательной кампании *отличной идеей*?

— Я не называл это *отличной идеей*, — возразил Форд, который вообще не улавливал сарказма, разве только при полной концентрации, а это с ним случалось не чаще раза в год — обыкновенно когда ему предоставлялся последний шанс нажать на нужную кнопку... ну, или когда корабль взрывался. — Я считал это *неплохой идеей*. Если оценивать по десятибалльной шкале, где-то на четыре с половиной.

— Форд!

— Что, Артур, дружище?

— Ты в своем амплуа. Зря теряешь время. Может, придумаем что-нибудь?

Рэндом вытерла слезы рукавом. Ей нужно отмахнуться от боли и держаться — она всегда так делала, будучи президентом. Разве не добилась она своего, когда лучшие земные кулинары готовы были отказаться от профессии, не выдержав конкуренции с дентрассианами?

Необходимое пояснение. Повара-дентрассиане горазды по-трепаться и препираются, даже когда все идет как надо. Поэтому из них получаются лучшие ведущие кулинарных ТВ-шоу. Ну, и поскольку оплата у них повременная, они никогда и ничего не готовят заранее.

И разве не она разрулила ситуацию, когда жители Каппы Благулона выбросили на континентальную Европу парашютный десант из двадцати миллионов коров, чтобы те повысили процент метана в атмосфере?

Конечно, Земле повезло, что процент вегетарианцев на этом континенте невелик, так что коровы прожили совсем недолго. Тем более, это оказались коровы с Большого Емельяна, которые в буквальном смысле слова умоляют, чтобы их съели. Большинству из них не пришлось долго об этом упрашивывать. А некоторых разделали еще прежде, чем их парашюты успели осесть на землю.

Я возьму все в свои руки, подумала Рэндом с решительностью, свойственной обычно более зрелому возрасту.

Она стряхнула обнимавшую ее мать.

— Слушайте, вы все. Мне приходилось бывать в переделках круче этой. Все, что от нас требуется — это с помощью «Путеводителя» подключиться к системам связи грибулонцев, и я поговорю с ними как будущий президент Галактики.

Форд погладил Рэндом по волосам.

— Помолчи, детка. Взрослые разговаривают.

— Ах ты, п&&добол! — взорвалась Рэндом, чего президенту позволять себе, конечно, не стоило бы.

— Спасибо, — пробормотал тронутый Форд: он всегда гордился своими навыками обращения в среде п&&доболов с Бейбум-лейн. — Однако с комплиментами можно бы и подождать.

— Подождать? — возмутился Артур. — Куда дальше ждать? Благодаря твоей дурацкой «Модели II» нам нечего больше ждать.

— Она не моя, — возразил Префект.

— Ты же ее украл, Форд. Ты послал ее сам себе на мой адрес. Разве это не делает ее твоей?

— Ага, значит, я ее украл. Значит, она не моя. Ты сам за меня ответил.

2.37, показало цифровое табло.

2.36

и

0.10... 0.09...

— Гм, — пробормотал Форд, почесывая воздух в том месте, где отказывался находиться его подбородок. — Это немножко странно.

— Сам вижу, — согласился Артур. — Может, система исчисления изменилась? Прошло ведь не больше двух-трех секунд.

— Ну, если изменилась система исчисления, может, даже и меньше.

На экранах снова появилась птица, только теперь ее изображение то и дело покрывалось рябью и полосами помех.

— Прошу прощения. Все эти споры окончательно истощили мои батареи. Негативная энергия.

И Мод. II исчезла, а вместе с ней и комната с безмятежно-небесными поверхностями. Артур, Триллиан, Рэндом и Форд сидели на лестнице, ведущей к мужскому туалету модного (ну, до самого недавнего времени) «Бета-клуба» Ставро Мюллера, а воспоминания об их виртуальных жизнях таяли, как туман под ярким солнцем.

Вот она, реальность, догадался Артур. Как это я так поверил в этот чертов пляж? Как он вообще мог показаться мне настоящим, если никто ни разу не попытался меня там убить?

Воздух наполнился визгом, какофонией грохота и скрежета рушащейся цивилизации, жужжанием и шипением грибулонских лучей смерти, а также писком миллионов покида-

ющих город крыс. Кстати, последний четверо наших героев понимали благодаря универсальным переводчикам «рыбка-авилонка», имплантированным в их ушные отверстия.

— Я предсказывала это по собачьим потрохам, — возмущалась старая крыса-матрона по имени Одри. — Конец расы двуногих от зеленого света из космоса. Так ведь ни одна сволочь не послушала. Ни одна.

— Ой, мама, да что вы такое говорите? — хихикнул ее восемнадцатый сын Корнелиус. — Вы говорили, дорогу нам перейдет темный чужак.

— Вот они самые и есть — те, что пускают эти лучи смерти. А как ты их еще назовешь?

Корнелиус передернул усами, что у крыс равнозначно закатыванию глаз.

— Можно интерпретировать так, а можно иначе. Конкретнее надо говорить, мама. Неудобно — люди смеются.

— Не учи родную матер! — буркнула Одри и нырнула в водосточную трубу.

Остальные крысы говорили что-то вроде:

— О, нет!

Или:

— О, Муродьюм! (отец всех крысиных богов)

Или:

— Ёкалэмэнэ! Надо же — темный чужак!

Артур Дент сидел на ступенях в самом центре хаоса и ощущал какой-то странный покой. Ему ничего не оставалось, как радоваться тому, что он любил когда-то, что его тоже любили. Умирать оказалось круто. Нет, правда, КРУТО. Правда, не так круто, как ему казалось когда-то.

У подножия лестницы Триллиан и Триша Мак-Миллан разом утешали хнычущую Рэндом.

Чтоб ее, чертову плуральную зону, думал Артур. Ты улетаешь с одной Земли, а возвращаешься на другую. Та Земля, которую я покинул, уничтожена, а вернулся я на ту, где Триша Мак-Миллан никогда не улетала в космос с Зафодом Библброксом. Ах, сколько разных вероятностей было у моей родной планеты... Сколько разного я мог бы повидать на другой Земле, чуть

далше по вероятностной оси... Я мог бы, например, приготовить себе чашку славного чая.

— И пусть, — произнес он мечтательно. — Не все сбылось.
/ О чем мечтал. / О чем я бредил*.

Фрэнки Мартин-мл. Мартин? А, без разницы, главное — певец классный...

Зеленые лучи подбирались все ближе. Артуру обожгло их жаром щеку.

Того и гляди, облезу, подумал он.

— Эй, смотри-ка, — радостно воскликнул Форд. — Мои синие замшевые туфли. Вот круто!

* Перевод А. Маракулина. — Примеч. пер.

3

Тем временем у Триши Мак-Миллан, жительницы этой Земли, которая не провела Зарквон знает сколько лет в созданной H2G2-2 иллюзии, возникла идея.

— Я поговорю с ними, дорогая, — сказала она девочке, которая, возможно, являлась ее нерожденной дочерью из неизвестно какого измерения. — Грибулонцы меня послушают. Я для них что-то вроде иконы.

И с этими словами исчезла в коридоре, который и сам через пару секунд исчез, разнесенный в конфетти зеленым лучом.

Артур слишком отупел, чтобы ужасаться. Вместо этого он испытал нечто, похожее на зависть.

По крайней мере Триша умерла, имея перед собой цель. Она нашла ответ на свой вопрос, и это не какое-нибудь тухлое «сорок два». А я только и могу, что сидеть, не в силах ничего поделать.

Еще Артур испытывал сомнения, хорошо знакомые ему с тех пор, как он начал странствовать по Галактике. Втайне он часто подозревал, что сошел с ума. Что нет на свете ни «Золотого сердца», ни Зафода Библброка, и уж наверняка нет никакой Глубокой Мысли. Что же касается строителей планет,

магратиан, то это совершенный вздор. Даже больший, чем говорящие мыши, которые и правят на деле планетой.

— Пардон, папаша, — произнесла крыса, нетерпеливо постучав по его ботинку.

— Извини, приятель, — пробормотал Артур, механически отодвинув ногу.

Все это безумие. Наверняка его сейчас обследует бригада стажеров, до сих пор не отошедших от тяжелого бодуна, по какой причине все галлюцинации пациента Дента им глубоко до лампочки.

И если уж им до лампочки, с какой стати должен переживать из-за этого я?

За его спиной разлетелась и просвистела щепками над головой дверь мужского туалета. Секунду спустя штаны его начали пропитываться какой-то подозрительной жидкостью.

Форд усмехнулся.

— Воистину сказано: под лежачий камень...

— Думаешь, нам нужно бежать за крысами?

— Бежать? Куда? От всей планеты сейчас ничего не останется. Мы можем не торопиться. Тем более, эти ребята — не из наших, не из автостопщиков. — Форд расстегнул сумку, порылся в ней и достал нечто, похожее на самокрутку. — Йехххх, — счастливо вздохнул он. — Не зря приберегал.

Артур даже удивился и обрадовался тому, что его, оказывается, может еще что-то интересовать.

— Что это?

Форд покосился на него и нахмурился.

— Это что, тоже сарказм?

— Нет. Это искренний вопрос, проистекающий от моего невежества.

— Что ж, раз так, рад просветить тебя, дружище. Это сигарета.

— А... — Энтузиазм Артура как-то разом иссяк.

— Но не простая, — продолжал Форд, держа самокрутку так, как держат драгоценный хрустальный бокал или что-то в этом роде.

— У тебя там что, компактный генератор лучей смерти?

— Конечно, нет.

— Может, тогда телепортатор?

— Ну, эта штука нам не помешала бы. Но нет.

— То есть это просто мелко резаные сушеные листья табака, завернутые в бумагу?

— Табак? Бумага? Право же, Артур, вы, земляне, используете свои мозги всего на десять процентов возможностей, да и эту часть заполняете преимущественно тем, что так или иначе связано с чаепитием. Это фалианский болотный червь-альбинос. Явно зараженный. Всю свою жизнь он поглощает галлюциногенный газ. А потом умирает и высыхает.

Артур посмотрел наверх. Луч смерти, не замедлившись ни на мгновение, слизнул верхний этаж. В образовавшийся просвет Артур увидел беспорядочно кувыркающийся самолет — довольно большой, кстати. Ему показалось, что кто-то поет «Кумбайю».

— Ты не слишком ударился в подробности? Или это только мне кажется, что у нас остались считанные минуты? И счет выражается однозначным числом. Где-то между одним и тремя.

— Подожди, не перебивай. Автостопщики называют такие «палочкой радости». Одна затяжка — и ты ослепительно, до свинячьего визга счастлив. Ты любишь всех на свете, прощаешь всех врагов... в общем, все такое. Две — и тебе до безумия интересно все на свете, даже жуткая смерть, которая, возможно, надвигается на тебя. «Вот это будет круто, — говоришь ты себе. — Вот это, блин, апгрейд, переход на новый уровень существования. На что это будет похоже? Заведу ли я там новых друзей? Найдется ли там пиво?»

— А после третьей затяжки? — поинтересовался Артур, покорно исполняя роль слушателя.

Форд порылся в сумке в поисках зажигалки.

— После третьей затяжки мозг взрывается, так что ты чувствуешь себя немного хреновато.

— А... — сказал Артур, пытаясь представить себе, сколько автостопщиков укоротило свои дни, прежде чем узнало об этом фокусе с третьей затяжкой.

— А вот и мы, — хмыкнул Форд, доставая пластиковую зажигалку с надписью «КОРОЛЕВСКИЕ ВЛАДЕНИЯ» на баллончике. — Одну затяжку или две?

Артур никогда не принадлежал к заядлым курильщикам. В тех редких случаях, когда его уговаривали взять сигарету, он ощущал себя таким виноватым перед легкими, которые подарили ему родители, что от одного этого ему уже становилось дурно. Помнится, как-то на школьной вечеринке он пытался изображать из себя крутого и сунул в рот «Силк-Кат» — кончилось это тем, что он пытался не облевать хозяйскую чихуахуа, а в результате облевал саму хозяйку. Он до сих пор ежился при воспоминании о том вечере, а иногда даже начинал оглядываться по сторонам, не тычет ли в него пальцем кто-то из присутствовавших на той вечеринке.

— Мне не надо, спасибо. Плохо переношу.

— Что ж, дружище, как хочешь, — кивнул Форд, щелкая зажигалкой. — Ослепительное счастье, я иду!

— Давай уж сразу попрощаемся, что ли, Форд? Мне не жаль ни одной минуты.

— Правда?

— Нет. Не совсем. Есть несколько минут, без которых я бы вполне обошелся.

Например, минута, когда исчезла Фенчёрч.

Форд едва успел затянуться в первый раз, когда посередине вестибюля возник ниоткуда и плюхнулся на пол огромный, колышущийся как кусок желе кактус. Секунду-другую он колыхался просто так, потом превратился в огромный, налитый кровью глаз. Глаз закрутился, дико оглядываясь по сторонам, потом подпрыгнул и превратился в квартет головоногих моллюсков пом-пом, безукоризненно стройно игравших на тысяче казу.

— Прекрасно, — всхлипнул Форд, утирая скатившуюся из глаза слезу. — Я так... Слов нет.

Моллюски взяли пронзительно высокую ноту и исчезли в облачке радужных пузырьков, лопавшихся с мелодичным звоном, а на их месте возник белоснежный космический корабль, похожий на сияющую слезу с напоминающим стебли сельдерея оперением.

— «Золотое сердце»! — выдохнул Артур. — Вы, наверное, шутите.

Необходимое пояснение. Космический корабль «Золотое сердце» столь прекрасен, что одного взгляда на его рекламный буклеть достаточно, чтобы подросток мужского пола разом повзрослев на пару десятилетий, оказавшись в самом разгаре кризиса среднего возраста. «Золотое сердце» приводится в движение как традиционными двигателями, так и революционным невероятностным приводом, что позволяет кораблю находиться одновременно в нескольких разных местах до тех пор, пока он не решит, где ему хочется находиться больше всего. Правда, побочными эффектами невероятностного поля «Золотого сердца» являются совпадения, дежа-вю и кипы давно выброшенной корреспонденции.

Форд загасил палочку радости о подошву, сунул бычок обратно в сумку и легко вскочил на ноги.

— Идем, Артур. И не строй из себя такого удивленного. Землю уничтожают, а нас спасает Зафод. Так случается всегда — ну, с разницей в деталях и в несколько световых лет. Ну и путешествие!

— А при чем здесь палочка радости?

— Всего одна затяжка, старина. Я ослепительно, до свинячьего визга счастлив. Мне показалось, перед новой встречей с Зафодом это не помешает.

Артур, пошатываясь, спустился по ступенькам.

— А как же Триша? Разве она с нами не полетит?

— Эй, Триллиан — это тот же самый человек. Судьба может позаботиться только об одной. Порадуйся за Тришу — она уже на новом уровне. Чистая энергия. Посмотри, какие краски!

Артур нахмурился.

— Зеленые? Смертоносные? Да, вижу. Хотя предпочел бы наблюдать их издалека. Может, уберемся отсюда?

— Совершенно согласен, Артур. Если мы не уберемся, это может повредить мои крутые туфли. Хотя если они из синих сделаются лиловыми... Пожалуй, я не против.

Артур мягко подтолкнул Рэндом к сияющему белому кораблю.

— Идем. Нам пора улетать.
— Фертль, — всхлипнула девочка. — Хочу моего Ферти!
— «Хочу Ферти»! — передразнил ее Форд, играво ушипнув Триллиан. — Мило, не правда ли?

Белый корабль покачнулся, и на землю плавно опустился откинувшийся трап. В проеме люка показался Зафод Библброкс, президент Галактики, объявленный в межпланетный розыск непревзойденный специалист по саморекламе. В ясных глазах его светилось Это планетарного масштаба; золотые кудри разметались по плечам. Немного неряшливо... впрочем, ему шло.

— О'кей, давайте-ка начистоту, — объявил Зафод, похлопав себя по лбу. — Привет, земляне. Я снова прилетел к вам на помощь. — Тут, похоже, он заметил разворачивающееся перед ним уничтожение планеты. — Постойте-ка минуту. Это ведь вам не Ирландия!

Форд взбежал по трапу и обнял своего дальнего родственника.

— Зафод! Как я рад видеть тебя!

Зафод зажмурился.

— Рад меня видеть? Ты что, накурился?

Они набились в рубку «Золотого сердца» и взмыли на пару сотен футов — зигзагом, уворачиваясь от лучей смерти с помощью программы «Автоуклонист», в ожидании момента, когда Зафод врубит невероятностную тягу, и та разом перекинет их туда, где они никак не ожидали очутиться.

Форду Префекту единственному из находившихся на борту пришла мысль посмотреть вниз. Он увидел H2G2-2, со слегка потерянным видом парившую рядом с последней оставшейся в «Бета-клубе» люстрой. Она небрежно уклонилась от шипящего луча смерти и тут же, передернув крыльями с видом «а пошло оно все...», сложилась на манер бумажной птички-оригами в невидимых руках, становясь все меньше до тех пор, пока от нее не остался крошечный бриллиант черноты, который взмыл вверх, оторвав по дороге из чистой вредности голову незадачливой крысе, вы-

летел в зияющий проем и, мигнув, исчез из всех реальностей во всех временах.

Скатертью дорожка, подумал Форд и отправился на поиски бухла.

Если бы Форд не отправился на поиски бухла, он, возможно, увидел бы высокого мужчину лет тридцати пяти в халате и шлепанцах, входившего в «Бета-клуб» с полотенцем в руках. Едва мужчина успел задрать голову вверх и изобразить на лице полнейшее потрясение, как изумрудный луч смерти разнес его и его рыжеволосого спутника на элементарные частицы.

Необходимое пояснение. Это была одна из многих смертей Артура Дента, имевших место после того, как одному из Артуро-ров удалось разрушить пространственно-временную матрицу и спастись. Для всех остальных матрица схлопнулась, и все они один за другим погибли от самых невероятных причин, наспех состряпанных взвешенной Судьбой.

Одного Артура убили электротоком неисправные наушники, когда он вел на местной студии передачу, посвященную слухам о повышенной активности НЛО (этакий черный космический юмор).

Второй Артур проснулся как-то утром с твердым убеждением, будто он может летать, и в мире не нашлось никого, кто смог бы переубедить его и отговорить забраться на радиовышку и сигануть вниз.

Третьего задавил буйволодозер, когда он пытался спасти свой дом от разрушения. Сам буйволодозер при этом не пострадал физически, но психическая травма оказалась столь сильна, что он подал в суд на местное руководство, особо выделив в качестве виновного м-ра Проссера. Проссеру впоследствии отрубили голову.

Тем временем еще один Артур утонул в грозу вскоре после того, как показал фак водителю грузовика, подрезавшего его на шоссе.

Список можно продолжать почти до бесконечности. Перечислить все невозможно, даже если рассортировать причины смертей по группам, как тб: случайные и нечаянные, намеренные

и умеренные, похмельные и огнестрельные, ментальные и анальные, уринальные и маргинальные, фекальные и декальные (замотался насмерть цветной пленкой-самоклейкой) — суть не в этом, а в том, что под занавес, после окончательного и бесповоротного уничтожения Земли во всех пространственных и временных измерениях в живых остался только один Артур Дент. Собственно, то же самое можно сказать и о Форде Префекте с Триллиан, но не о Рэндом или Зафоде, которые цеплялись за свои многомерные роли с упорством, достойным высшей награды.

Список литературы:

Вот кто-то с космоса спустился — наверно, смерть моя идет,
А. Дент, 2803.

Чьому я як сокіл, чьому я летаю, А. Дент, 1107.

Последний оставшийся Артур Дент сидел на своем обычном месте на полу ходовой рубки «Золотого сердца», прислонившись затылком к знакомой полке, но покоя почему-то не испытывал. Возможно, виной тому были продолжавшие вспыхивать на экранах обзора зеленые лучи, а может, в самой-самой разглубокой глубине души, которая помнила еще ту звездную пыль, из которой соткались атомы его тела, Артур знал, что он остался последним Артуром Дентом во всей Вселенной. Один-одинешенек среди всеобщей множественности.

Все, что он мог бы озвучить вслух, сводилось, однако, к тому, что ему не хватает полотенца и что он не пожалел бы круглой суммы на то, чтобы кто-нибудь с мягкими выпуклостями обнял его и шепнул на ухо, что все будет хорошо.

Триллиан и Рэндом после уничтожения планеты тоже пребывали в подавленном настроении и сидели, крепко обнявшись, у холодильника. Зато Форд Префект оставался по обыкновению жизнерадостным — скорее всего благодаря единственному пыху своего набитого сушеным червяком чинарика.

— Надо же, круто как! — восхищался он, хлопая Зафода по плечу. — Ты только посмотри на эти лучи смерти! Да ты хотя бы мог себе представить, что увидишь грибулонскую клетку смертников изнутри?

— Грибулонцы, они такие. Крутые ребята, — отвечал его кузен с не меньшим энтузиазмом (Зафод почти всегда пребывал в состоянии пыхнувшего один раз). — Лазерное шоу отдыхает. А помнишь ту термоядерную атаку на Магратею?

— Еще бы! — гордо отозвался Форд. — Это было что-то. Как мы петляли, как уворачивались — но ведь стряхнули их с хвоста!

— Не то слово, стряхнули, братан. И этих грёба... грибо... булонцев тоже стряхнем!

Зеленый луч опалил кормовой плавник корабля, и Триллиан поморщилась.

— Мы не можем просто убраться отсюда поскорее?

Зафод исполнил пируэт, которому позавидовал бы танцор диско, сложил два пальца пистолетиком и нацелил их в Триллиан.

— Бах, бах, милашка. Как, соскучилась по мне? Бьюсь об заклад, да... и я тоже.

— Давай потом, Зафод. Может этот корабль перенести нас в безопасное место?

— Не так просто. Мы не можем ломануться через всю эту мясорубку по прямой — они нашинкуют нас, как фрукты на десерт галитоксиканцу. Придется довериться невероятностному приводу — пусть посчитает немного, и вообще пусть сам ломает голову над этой проблемой.

— Ты хочешь сказать, тут головой всему компьютер?

Зафод исполнил бетельгейзианскую джигу... Ну, по крайней мере вступительную ее часть.

— Ну наконец-то! Хоть кто-то думает *головой*. А то мне, ребята, начинало казаться, что вы все накурились.

— Извини, Зафод, — огрызнулся Артур. — Мы тут типа слегка рассеяны, едва избежав мучительной смерти.

— Ну да, *голова* теперь у компьютера, — продолжал Зафод, игнорируя предложенную Артуром другую тему для разговора. — Ну же, ребята. Вы никаких изменений во мне не замечаете?

Тут до всех разом и дошло.

— Срань господня! — произнес Форд.

— Какого... — произнесла Триллиан.

— Таки-шо за фигня, — произнес Артур — немного в стиле крыс-кокни.

На плечах Зафода Библброкса бесстыже красовалась одна-единственная голова.

Необходимое пояснение. Две головы и три руки Зафода Библброкса давно уже вызывают зависть и научный интерес всей галактики — так же, как черепная затычка траальского жукозавра или третья грудь Эксцентрики Галлумбиц. И хотя Зафод утверждает, что третью руку он себе приделал, чтобы повысить конкурентоспособность в лыжном боксе, злые языки прессы говорят, что на самом деле он сделал это, чтобы иметь возможность разом держаться за все млечные железы Эксцентрики. Возможно, подобное внимание к мельчайшим эротическим деталям послужило причиной того, что мисс Галлумбиц в своем интервью «Уличному трепу Уикли» охарактеризовала Зафода как «величайший секс-взрыв во Вселенной после Большого», что добавило тому по меньшей мере полмиллиарда голов на президентских выборах и вдвое больше ежедневных посещений платного сайта Зафода в суб-эта-сети.

Происхождение второй головы Зафода окутано тайной и является, похоже, единственным предметом, от обсуждения которого с прессой президент уклоняется — если не считать, конечно, заявления насчет того, что две головы лучше, чем ни одной, каковое заявление было воспринято как неприкрытое оскорбление Спиналем Мозжко, канцлером племени Всадников без головы с Беты Джаглана. На что Зафод ответил: «Ну конечно, оскорбление, детка. Членам не нужна голова, только головка. И что?» Уже на ранних фотографиях Зафода голов две, однако на многих снимках отчетливо видно, что они не идентичны. Более того, на одном из кадров видеоролика, получившего широкую известность как «Глупость — не порок!», левая голова Зафода, несомненно, смуглая, женская и притворяется, будто кусает за ухо правую.

Вскоре всплыла на поверхность и женщина с Бетельгейзе, претендовавшая на изначальное обладание «смуглой женской» головой. Лулу Мягкие-Ручки заявила в интервью Библ-блогу, что

«Зафод хотел, чтобы мы остались вдвоем типа навсегда, вот мы так и соединились. Но не прошло и двух месяцев, как он понял, что ему просто нравится разгуливать с двумя головами, а я здесь вроде как и ни при чем. В общем, как-то вечером мы пропустили пару «Грызлодеров», а проснулась я уже обратно в своем теле. Вот ублюдок!»

Зафод не опровергал заявлений мисс Мягкие-Ручки, а это, в свою очередь, дало почву многочисленным перетолкам и обвинениям его в нарцисизме, на что он неизменно отвечал, что вообще не понимает смысла этого слова.

Список литературы:

Щека к щеке с м-ром президентом, Л. Мягкие-Ручки

Всего на сиську больше, Э. Галлумбиц

Форд обнял кузена.

— Ну наконец-то ты ее снял с плеч, — заявил он, не прекращая при этом пожевывать губу, а ведь совмещать эти два занятия не так просто. — Сносить голову с плеч, конечно, выглядит форменным безумием, но по какой-то непонятной мне причине я целиком и полностью одобряю твой поступок.

Артур знал причину. Его приятель до сих пор находился под червяком.

— Ты уверен, что это хорошая мысль, Зафод? И что ты *ту* голову снес?

Зафод поднял в воздух палец, как делает человек, собирающийся сделать важное заявление.

— Заткни хлебало, обезьяна! Я разговариваю с родственником!

— Я думал, мы могли бы обойтись без этого, Зафод. Разве мы мало пережили вместе?

Зафод чуть попятился.

— А... Привет, Артур. Неужели это ты, дружище? У той, другой головы зрение острее было. Плюс я тебя не узнал без этой штуки для купания.

— Халата.

— Да как бы он ни назывался. Важно только вон то — лучи смерти и все такое.

— Ты считаешь, нам не *важно* знать, где твоя вторая голова? — выкрикнул Артур, стараясь изъясняться как можно доступнее.

Зафод хлопнул в ладоши.

— Ода! Слушаюсь, сэр. Ручаюсь, это понравится вам всем!

Он бочком подскочил к невысокому, полукруглому в плане пульту управления.

— Леди и джентльмены, вот он! Отнеситесь к нему со вниманием, ибо *ваши* жизни зависят от *его* внимания!

— Клянусь лучами смерти! — взвыл Артур, когда «Автуклонист» резко дернул корабль вбок. — Можем мы разобраться с этим побыстрее?

Форд фамильярно потрепал его по щеке.

— Весь смысл жизни, друг мой Артур, в мгновениях, — с серьезным видом произнес он. — Вот где собака зарыта. И мгновения дольше, чем тебе кажется. Сложи все хорошие мгновения — и, сам увидишь, в сумме выйдут столетия.

Артура особенно взбесило то, что в этом словоблудии, возможно, имелась доля правды.

— Отлично, Форд. Ты считаешь, вторую голову Зафода стоит показывать дамам?

— Не держи нас за маленьких, — обиделась Рэндом.

— Ни в коем случае, милая.

— А пошел ты.

Зафод потопал подкованным каблуком.

— Прошу минуточку внимания. Вы еще не забыли про голову? — Он набрал на панели короткий код — три цифры подряд.

— Раз-два-три, — нахмурился Артур. — Не слишком сложный код, ты не боишься?

В ответ Зафод нахмурился.

— Зрение и счет... С мелочами у меня та-а-ак себе. Зато я непревзойден по части штурма унд дранга, а также неутомимости поиска... особенно в будуарных делах. О житейских мелочах у меня заботится голова номер два. Или, как я ее называю, Левый Мозг — в конце концов, она у меня располагалась слева, и мозгов в ней было больше.

— Покажи голову! — заорал Артур.

Зафод ткнул пальцем в большую красную кнопку, и из смкости с амортизационным гелем на пульте вынырнул и завис на уровне глаз хрустальный шар.

— В этом геле, видите ли, много всякого напихано, — небрежно пояснил Зафод. — Ну, такого, что может пригодиться для всяких штук.

— Прошу тебя, братец, заткнись, — произнесла вторая голова Зафода, покоившаяся на подушке из проводов и трубок внутри шара. — Твои объяснения не сильно тебя украшают. И меня тоже.

Левый Мозг почти ничем не отличался от Зафода — ну, разве что макияжем и стрижкой. При том, что президент Галактики всячески себя прихорашивал — возможно, даже глаза подводил, — Левый Мозг был подстрижен довольно коротко, на прямой пробор, и глаза его светились острыми как лазерный луч умом и устремленностью.

— Гель состоит из электролита, питающего мои органические клетки и поддерживающего антигравитационное поле шара.

— И громкоговорители! — добавил Зафод. — Надо же тебе, Эл-Эм, издавать какие-то звуки, правда?

— Да, Зэ-Бэ, — вздохнул Левый Мозг. — И громкоговорители. Теперь-то ты можешь общаться с кем-то как с зеркалом. Доволен?

Зафод тяжело облокотился на пульт.

— Бывает, мне кажется, что, отделив голову, я совершил ошибку. Но с тех пор, как кораблем заведует Левый Мозг, мы еще ни разу не взорвались. Ни одного, заарктурь твою медь, раза. А ведь это кое-что, правда?

— Теперь, когда корабль ведет не мой предшественник-недоумок, вероятность нашего выживания увеличилась на восемьсот процентов.

Рэндом с ее политическим опытом одобрительно кивнула: подходящая статистика.

Артур похлопал по шару.

— Привет, Зафод... Левый Мозг. Так это ты ведешь корабль? Можешь вытащить нас отсюда?

— Прошу тебя, не лапай стекло. Ты даже не представляешь, сколько мне придется крутиться в этом чертовом геле, чтобы стереть пятна.

— Извини.

— Возвращаясь к твоему вопросу: в настоящий момент я взаимодействую с программой «Автоуклониста» с целью избежать попадания под грибулонский луч смерти. Пока мы тут разговариваем, интенсивность лучей возрастает, так что чем скорее мы включим невероятностную тягу, тем лучше.

— И как скоро это можно будет сделать?

— Через девяносто секунд. За несколько минут до того, как лучи смерти с высокой степенью вероятности уничтожат корабль.

— Ты в этом уверен?

Вопрос этот Левому Мозгу не понравился.

— Ты здесь новичок, и мы только-только познакомились, так что придется мне объяснить. Я — это корабль, а корабль — это я. Никакого обмана.

— Новичок? Мне приходилось бывать здесь прежде. И мы знакомы, только в прошлый раз...

— Я был еще прицеплен к этому идиоту Зафоду...

— Ууу! — в восторге взревел Зафод. — Вот он тебя и уел, Арти. Этому парню палец в рот не клади!

— ...потакающему низменным сторонам своей души, — продолжал, не обращая на него внимания, Левый Мозг. — Полностью подчиненному своим неодолимым гедонистическим наклонностям.

— Я тебя предупреждал, землянин. И не говори, что не предупреждал. Левый Мозг с тебя с живого семь шкур спустит и голым на Сириус отправит!

Левый Мозг повернулся и уставил взгляд в Зафода.

— Эта бесхребетная обезьяна держала меня взаперти в моей же собственной голове до тех пор, пока я не внедрил в его пропитанное алкоголем сознание идею разделения. Этот простофиля Зафод до сих пор искренне верит в то, что идея принадлежит ему.

Взгляд Зафода затуманился.

— Простофиля? Ну ты даешь!

Нельзя сказать, чтобы Артура не беспокоили откровенная неприязнь бывшей левой головы к правой, или признаки раздвоения личности, или как там это правильно называется у врачей, однако он счел за благо оставить свои сомнения при себе — ради спокойствия Рэндом. В конце концов, они спасены. Рэндом ничего не угрожает, а все остальное не так уж и важно. По опыту Артур знал, что утрата родной планеты сокрушит его дух в самом ближайшем будущем — возможно, уже ко времени, когда пора будет пить чай, а чаю здесь не окажется, ну, или когда голограммический закат окажется слишком красивым — но пока он исполнился решимости держаться молодцом. Ради дочери.

— О'кей, все, — произнес он голосом, ярким и гулким как электролампочка. — Аварийная ситуация на текущий момент отменяется. Почему бы нам не пристегнуться к невероятностному прыжку? — Он усмехнулся. — Мы ведь все знаем, какими причудливыми они бывают.

Рэндом коснулась рукой места на груди, где сидел Фертль.

— Причудливыми, Артур? Причудливыми? Ты никого не обманешь. Такой натянутой усмешки я в жизни не видела. Тебе никогда не бывать даже в половину таким мужчиной, каким был мой муж.

Ну вот, опять я во всем виноват, подумал Артур. Может, если бы я чаще изображал оптимизм, кто-нибудь да поверил бы рано или поздно.

— Может ли кто-нибудь мне ответить, этот компьютер умеет заваривать чай?

На макушке у Левого Мозга загорелся тревожный красный огонек.

— Замолчи, землянин. Слово «чай» запрещено. Стоило тебе произнести слово «чай», и это поставило под угрозу работу всей системы.

Артур натянуто усмехнулся и, шаркая ногами, поплелся на обзорную галерею.

— Пойду посмотрю на эти их лучи смерти. Кому-нибудь что-нибудь принести?

Никто не обратил ни эти слова никакого внимания.

Необходимое пояснение. Слова «Кому-нибудь что-нибудь принести?» являются стандартным-поводом-быстро-ыйти-из-помещения и могут использоваться в любых неловких ситуациях — от легкого раздражения и до надвигающейся катастрофы. В той или иной форме аналоги этой фразы имеются у большинства цивилизаций и воспринимаются как чисто риторические, не требующие ответа. Бетельгейзианцы, например, спрашивают: «Никто не слышал шлепка? Как если бы теннисный мяч плюхнулся в тарелку заварного крема? Так никто? Пойду проверю...» На Ятраварте же говорят: «Кто-нибудь слышал звонок в дверь? Готов поспорить, это Пупл. Как всегда, опаздывает. Пойду открою, пока он там соплями не истек».

К облегчению Артура, никто не стал нарушать общегалактического протокола, попросив у него что-либо, так что ему без проблем удалось улизнуть на обзорную галерею и притвориться, будто он вернулся на свой пляж.

Форд постучал пальцем по пульту и с наслаждением послушал «дзынь».

— Давненько я не слышал этого звона, Заф. Ну, ты понимаешь. Звуки, штуки... Ты их забываешь нафиг, а потом видишь или слышишь, и только тогда понимаешь, как много они для тебя значили. Странно, блин — и куда деваются эти воспоминания, когда ты о них не думаешь?

Зафод не долго мучился над ответом.

— Я всегда считал, что мои воспоминания находятся по ту сторону коридора, в голове номер два. А когда они мне нужны, голова номер два всегда мне их перебросит.

— Ух ты. Вот это типа да! Примерно то, что я хотел сказать. Кстати, ребята, друг другу типа в глаза смотрите при этом?

— Абсолютно нет, — возмутился Левый Мозг, подпрыгивая с такой энергией, что его не могло удерживать гироскопическое поле. — Он несет полный вздор. У нас одинаковая кора мозга.

Форд заплясал вокруг шара, приблизив к нему растопыренные пятерни на манер заклинателя.

— Конечно, но мозг-то у тебя. Разве не ты, умник, подцеплен к невероятностному движку?

Левый Мозг не удержался от самодовольной ухмылки.

— Это так. Двигателем управляю я. Он теперь — часть меня. Я любой его чих чувствую.

Взгляд у Форда слегка остекленел, хотя окончательно осмысленности не терял.

— Тогда объясни мне, дружок, почему я тебя и ожидал?

Левый Мозг так и застыл.

— Чего?

— Ага! Так и есть, умник бесштанный! Я знал, что вы, ребята, появитесь.

— Но это вздор! Как ты мог знать? Шанс того, что единственная во Вселенной личность, способная вас спасти, появится именно тогда, когда вам это нужно, равен одному к ста пятидесяти миллиардам. Впрочем, для невероятностного привода это расклад приемлемый.

Форд только ухмыльнулся.

— Зависит от того, как считать, приятель.

— Существует только одна методика подсчета, — упрямо настаивал Левый Мозг.

— Ох, да нет же, — заявил Форд тоном человека, слишком долго прожившего в дешевых гостиницах без денег на телевизор, по причине чего вынужден читать собственный путеводитель. — Считать можно много как. Вон, у Вл'ургов вся математика построена на потрохах.

Необходимое примечание. Это не совсем так. В подсчетах участвует также высущенный пенис велопсов.

— Лично я, — продолжал Форд тоном, столь покровительственным, что одноклеточные формы жизни, должно быть, при звуках его ускорили эволюцию, дабы быстрее отрастить руки с пальцами, способные взять по камню и забить его к чертям собачьим. — Лично я строю все расчеты на эмоциях.

— Эмоциях? — поперхнулся Левый Мозг, едва не выпрыгнув из своего шара. — Эмоциях!!! Как ты только позволяешь себе оставаться таким тупым — с одной-то головой?

— А мне нравится быть тупым. Все видится яснее. Быть тупым — это как щуриться на солнце.

Заявления Форда встряхивали шар с Левым Мозгом, как шлепок мокрым полотенцем.

— Солнце? Что ты такое мелешь? Тупость — это тьма и невежество!

— Значит, вы все-таки собирались лететь сюда? В точку с заранее намеченными координатами?

— Нет, — признался Левый Мозг. — Намеченная точка была уже уничтожена, так что невероятностный привод перемешал нас в безопасное место.

— И из всех точек Вселенной переместил именно *сюда*.

— Чистая случайность. Побочный эффект невероятностной тяги.

— Какая уж там случайность. Зафод пришел на помошь любимому кузену. Разве такое невероятно? Такое уже случилось раз — у этой самой планеты. Еще раз — и выйдет закономерность. А в последний раз, когда я проверял значение этого понятия, закономерности не считались особенно уж невероятной вещью.

Еще одно необходимое пояснение. А вот это уже откровенное вранье, поскольку Форд Префект никогда и в голову не брал проверять вероятность закономерностей. Форд вообще редко проверял что-либо за исключением степени наполненности своего стакана и общего уровня крутизны бытия. Он даже угрожал как-то раз все свое месячное жалованье на счетчик крутизны, однако тот питался исключительно крутым настроением обладателя, поэтому работал с перебоями. Форд испытал его раз в сортире, после чего сунул в уплотнитель мусора вместе со счетом на оплату.

Левый Мозг продолжал подпрыгивать и раскачиваться.

— Да, правда. Закономерности плохо сочетаются с невероятностью.

— Как правило?

— Как правило.

— Знаешь, «правило» тоже неважно сочетается с невероятностью. То есть вообще не сочетается. Трам-тарарам-там-там как не сочетается. Даже меньше, чем деньги.

— Д-да, — пробормотал Левый Мозг. — В л-логике не откажешь.

— Мне кажется, или ты вспотел, приятель? Что, у роботов теперь и головы потеть научились?

Левый Мозг и впрямь обильно потел. Откуда-то из похожего на воротник основания шара выползли мелкие букашки и с жадностью набросились на капельки пота.

— Я *не робот!* — возмутился Левый Мозг.

— Эй, разве не ты болтаешься в стекляшке, подцепленный к компьютеру? А из шеи ползут букашки. Когда я проверял такое в последний раз, это определенно называлось роботом.

Необходимое пояснение. Опять-таки, ничегошеньки он не проверял. Сплошная лапша на уши.

— Хотя, — задумчиво продолжал Форд, почесывая воздух перед подбородком. — То, как облажался невероятностный движок, сильно смахивает на огехи *органики*.

— Облажался? — беспокойно переспросил Левый Мозг. — Ты правда так считаешь?

— Стопудово. Но давай вернемся к этому позже, пусть одного из нас это и огорчит. А пока — как насчет расфурычить этот твой движок и отправить нас в какое-нибудь *действительно невероятное место?*

Шар Левого Мозга замерцал болезненным зеленым светом, и по стеклу замельтешили, сменяя друг друга, ряды цифр.

— Невероятно? Но как это рассчитать? Как... Все, во что я верил... Значит, цифрам доверять нельзя? Возможно ли такое? Возможно?

Форд даже начал немного трезветь.

— Эй, дружище. Забудь. Я тебя всего лишь за отросток подергал. Ну скажи ему, Зафод?

Зафод закинул лапищу на плечо кузену.

— Так оно и есть, приятель. Тебя побил лучший из лучших. Вот этот вот Форд как-то раз настолько довел верховного священника на Вундоне, что тот набросился на него со своими ароматическими палочками.

— Это было *pari*, — пояснил Форд, которому не хотелось, чтобы его считали способным доводить благовонных священников за просто так.

Левый Мозг пребывал в растрепанных чувствах.

— Компьютер сообщает мне цифры, но *вы...* Вы, двое Зарквон-знает-какие *липовые* головы с Зарквон-знает-какими *липовыми* мозгами!

— Эй, поменьше липы, — обиделся Форд. — Я просто хотел пообщаться. Ну типа произвести на тебя впечатление интеллектом...

— Это же... Всего... Слишком... Цифры... Эмоции... Зарк! Тут Левый Мозг заело. На одном-единственном слове.

— Зарк!.. Зарк!.. Зарк!..

Зафод выпростал из-под кружевной рубахи третью руку и отвесил Форду подзатыльник.

— Идиот! Ты же его подвесил!

— Ты тоже принимал участие.

Третья рука Зафода скользнула в левый карман просторных аэрозольных штанов.

Необходимое пояснение. Это не опечатка. Зафод действительно приобрел в Порт-Сизифоне баллон аэрозольных штанов, купившись на обещанный рекламой «легкий доступ к жизненно необходимым местам». После первого пробного напыления Зафод немного уменьшил интенсивность струи. Для карманов прилагалось отдельное сопло.

— Третьей рукой я по большей части пользуюсь для всяких там церемониальных штук, — признался он. — Натяни на нее алый рукав — и хрен отключишь от кушака.

Форд разочарованно надул губы.

— Что-то очень уж он у тебя легко зависает. Надо было дождаться выхода версии 2.0.

Триллиан опустилась в роскошное амортизационное кресло рядом с Рэндом и пристегнула ремни. Рэндом скучислась настолько, что ее плохого настроения хватило бы на пропитание целой семьи цифролей на протяжении пятисот лет.

— Почему мы еще здесь, Зафод? Я по-прежнему вижу зеленые лучи.

Зафод сделал выразительный жест пальцем.

— Спроси Форда Недо-Перфекта. Это он подвесил бортовой компьютер.

Именно этот момент выбрал Артур, чтобы вернуться на мостик.

— Подвесил компьютер? Мне послышалось, или ты в самом деле сказал: «Подвесил компьютер»?

Старые приятные воспоминания Артура таяли, как лед под палящим солнцем, сменяясь совершенно другими ощущениями.

Мне недостает умения удивляться, сообразил он. Как-то я сразу перехожу от спокойного состояния к полнейшему ужасу.

— Что с тобой, Форд? — поинтересовался он. — У тебя что, настройка такая — портить абсолютно все?

— Это у него настройки, не у меня, — возразил Форд, ткнув пальцем в сторону Левого Мозга. Тот стукался о потолок, как вырвавшийся из рук воздушный шарик.

Тут Артур заметил, что на мостике чего-то не хватает.

— Не знаю, что это, — произнес он, осторожно ощупывая воздух вокруг себя. — Но секунду назад здесь что-то было, а сейчас его нет.

Зафод обрадовался: хоть кто-то задал дельный вопрос.

— Позволь просветить тебя, землянин. При включенном «Автоуклонисте» компьютер окрашивает стены специфическим образом. Типа фототерапия, успокаивает нервы.

— А сейчас подсветка выключена.

— Бадабинго!

Необходимое пояснение. «Бадабинго» — настольная игра зеков, отбывающих пожизненный срок в орбитальной тюрьме у Капы Благулона. В ней может участвовать до сотни игроков, и смысл ее заключается в том, чтобы провести своих лошадок по всей доске, вернуть их в стойла и, дождавшись шестерки, оторвать им головы. Как только головы лишается последняя лошадка, ее обладатель вскакивает на ноги и кричит: «Бадабинго!» После этого все, что от него требуется — это оставаться живым до прибытия штурмовой группы тюремщиков.

— Из чего следует, что «Автоуклонист» тоже отключен?

— Зеленая палка в зеленой дырке, парень!

Еще одно необходимое пояснение. Возглас «Зеленая палка в зеленой дырке» связан с несложной спортивной игрой, распространенной в отдельных старших классах на Бетельгейзе-5, где вырос президент Библброкс. На Стритераксе сказали бы: «Вы слишком гордитесь тем, кто выполнил задачу, хотя ее можно было выполнить быстрее и проще». Бронеборцы, в свою очередь, воздержались бы от идиом, поскольку они вообще предпочитают словам действие. Действие же, как правило, у них связано с заостренными наконечниками из закаленной стали, для верности смазанными ядом.

— А это означает, что мы можем быть нашинкованы этими чертовыми лучами, как и вся планета?

Зафод фыркнул, словно подобного вздора ему слышать еще не приходилось.

— Землю вовсе не шинкуют, Артур. Эти зеленые лучи просто испаряют все, чего касаются. Вот планету и испарят. Совсем немножко осталось.

— Это утешает. А с нами что?

— Ах, да. Грибулонцы наверняка обнаружили уже нас. Значит, нас тоже нашин... испарят. В этом нет никаких сомнений. Зеленая палка... ну, и так далее. А я только с этой прической свыкся.

Артур прижался носом к иллюминатору. Там, снаружи, бесшумно двигались, испепеляя лежавшую под ними планету, зеленые лучи. Некоторые проходили довольно близко, и Артур видел полыхавшие в их толще ослепительные разряды.

Один особенно жирный, противный луч неумолимо надвигался прямо на них.

Моя дочь погибнет, сообразил он. И это меня здорово огорчает. Готов поспорить, сегодня четверг.

Он отодвинулся от стекла.

— Но ведь наверняка мы можем сделать что-нибудь? Нас же еще не одолели, правда?

Форд помахал перед носом у Зафода своим чинариком.

— Как думаешь, если я пыхну сейчас, это будет считаться второй затяжкой, или еще одной первой?

— Мы можем перезагрузить Левый Мозг?

Зафод нахмурился.

— Ну ты и загнул, кузен. Может, если пыхну я, ответ и придет.

Артур с удивлением обнаружил, что не утратил еще способности удивляться.

— Вам что, все равно, погибнем мы все сейчас или нет? Как вообще можно быть такими пофигистами?

Форд весело подмигнул ему.

— В такой ситуации, как эта, Артур, много ли смысла в том, переживаешь ты или нет, верно?

— Не знаю, Форд. Правда, не знаю. Но у меня здесь дочь, вон в том кресле. Вот это я знаю.

В люк постучали.

— Ну что, получил, землянин? — веселился Зафод.

Артуру хватило щедрости порадовать президента с Бетельгейзе своей замедленной реакцией.

— Сам получи. Это все твой... э!

— Ну и чудик ты, дружище! — завопил Форд, хлопая его по плечу. — Видишь, кузен — я же говорил! Сто лет уже говорил! Где Артур, там беспорядки.

— Вы это слышали? — спросил Артур шепотом, опасаясь надеяться слишком громко. — Там может быть кто-нибудь, за люком?

Стук повторился — громкое, гулкое «Бумм», такое громкое, словно Артур стоял на колокольне.

— Насчет «бум» не переживай, — сообщил Зафод. — Это запись. Я могу поменять ее на «дзынь», если хочешь. Или на мое любимое «кукареку».

В иллюминатор лился зеленый свет. Стекло начало прогибаться.

— Открой дверь! — заорал Артур, для убедительности размахивая руками. — Открывай, живо!

— Не могу, — признался Зафод. — Маленький Икс сломал корабль — ты что, забыл?

Триллиан провела рукой по волосам Рэндом и направилась к аварийному люку.

— Невероятность? Хотите невероятности? Вы, два идиота, до сих пор живы — это ли не невероятность?

Она сунула руку под пульт и вытащила из-под него металлическую загогулину.

— Рычаг аварийного ручного питания. Забыл?

— Эй, лапуля, это не мой корабль. Я только уgnал его.

Артур схватился за рычаг и принялся крутить его, разом вспотев. Это (потение, не вращение) заняло не так много времени, как можно подумать, поскольку жар грибулонских лучей превращал дрейфующее в невесомости «Золотое сердце» в подобие сковороки.

— Ну же, Артур, — подгоняла Триллиан. — Давай!

Артур открыл было рот, чтобы сказать, что он и так крутит что есть сил и что не будет ли она так добра дать ему передохнуть, поскольку последний век или около того он провел на пляже, не напрягаясь физически, и вообще кой черт она ухитрилась забросить дочь-подростка на Лемюэллу, когда сама поперлась освещать ход войны, которая так и не разразилась? Артур совсем уже приготовился высказать все это, но тут подумал, что, может, вместо этого лучше покрутит чуть сильнее.

Странное дело, но даже от мысли этой ему стало чуть легче.

Повертев рукояткой, Артур зарядил маленькую плазменную батарею, та послала импульс люку, и этого хватило, чтобы возбудить несколько молекул, отвечающих за переход внутренней мембранны шлюзовой камеры в газообразное состояние.

— Это не то, чего я ожидал, совсем не то, — выдохнул вспотевший Артур.

В проеме стоял, разминая пальцы, рослый зеленый гуманоид. Нельзя не признать, он произвел бы впечатление на всякого, кого впечатляют развитая мускулатура, высокий лоб, темные глаза и костюм, так туго обтягивающий тело, что при одном виде этого у некоторых началась бы мигрень.

— Рыбка-авилюнка? — произнес пришелец вежливым, хотя и слегка покровительственным тоном. — Пожалуйста, говорите со мной при помоши рыбки-авилюнки.

Зафод сделал широкий жест рукой.

— У нас здесь сплошная рыбка-авилюнка.

— О, благодарение Зарквону, — кивнул пришелец и шагнул в рубку. — Признаюсь, если бы мне еще раз пришлось оказаться в помещении, полном хмыканья и пустых взглядов... Что вообще происходит с людьми? Кто им мешает прикупить дюжину рыбок, и пусть себе размножаются...

— Люди дешевы, — согласился Зафод.

Пришелец застыл как вкопанный.

— Нет. Быть такого не может.

Зафод тряхнул шевелюрой.

— Еще как может, парень.

— Зафод Библброкс? Президент Галактики Библброкс?

— Собственной персоной! Жив, здоров, чего и вам желаю, сэр.

— Глазам своим не верю. Это будет яркая страница моего послужного списка. Стоило мотаться по глухим, не нанесенным на карту задворкам Западной Спирали Галактики — и кого же я встречаю, болтающегося в остатках атмосферы гибнущей планеты, если не...

— Зафода Библброкса, — нетерпеливо перебил его Артур. — Послушайте, мне не хотелось бы показаться паникером, но эти чертовы лучи смерти подбираются все ближе. Особенно вон тот, здоровый.

Зеленый пришелец не обратил на его слова ни малейшего внимания.

— Мистер президент. Я очень давно мечтал вам кое-что сказать. Я долго готовился к этому. Не согласитесь ли вы уделить мне пару секунд? Право же, вы окажете мне большую честь.

Зафод отступил на шаг — на случай, если пришелец не мог полюбоваться на него в полный рост.

Необходимое пояснение. С формальной точки зрения, на борту межзвездного корабля не может быть пришельцев, только космические путешественники. В этой связи, как только личность «пришельца» будет установлена, мы откажемся от данного термина.

— Ну конечно, скажите пару слов. Вот и спутники мои послушают. Сам-то я слишком важен, чтобы считать это честью для себя, но и я позабавлюсь с удовольствием.

Пришелец чуть поклонился, достал из кармана пиджака сверхтонкий компьютер, нашел там нужный текстовой файл и прокашлялся.

— Вы, мистер президент — самая тупая, безмозглая и толстожопая пародия на политика, против которой я имел счастье голосовать, и если бы у меня хоть на секунду возникла мысль, что эта гребаная Вселенная заслуживает чего-то большего, я бы, не колеблясь, заплатил из своего — поняли: своего! — кармана за то, чтобы вас прикончили наемные убийцы.

Последний оскорбительный эпитет Зафод уловил только наполовину.

— Толсто-чего?

— Толстожопая.

— Толстожопая? — поперхнулся Зафод, тыча в грудь пальцем. — Толстожопая??!

Память Артура все еще блуждала где-то далеко, так что ему потребовалось не меньше секунды, чтобы отреагировать на нечто, абсолютно не подлежащее сомнению.

— Я вас знаю. Вы тот тип, который всех оскорбляет.

Пришелец сфотографировал Артура своим компьютером и запустил программу поиска.

— А, да. Артур Филипп Дент. Рукоблуд и законченная задница. Вас я уже оприходовал, у меня тут все записано.

Зафод оперся руками о колени.

— Толстожопая... Сейчас в обморок грохнусь.

Необходимое пояснение. Теперь уже можно раскрыть, что означенный «пришелец» — Гавбэггер Искусственно Продленный; он приобрел бессмертие в результате аварии ускорителя элементарных частиц, а также нежелания пожертвовать двумя из своих резинок. Надо особо заметить: резинки Гавбэггеру действительно были очень дороги, поскольку в культуре его народа они служат религиозным символами, олицетворяющими округлую и эластичную природу бога Ах-Полифила. После

этого инцидента архипромандрил церкви С&Е провозгласил новообретенное бессмертие Гавбэггера знамением для верующих. Гавбэггер же провозгласил это занозой в заднице и в знак протеста вообще выбросил все свои резинки. Прожив несколько тысячелетий в беспросветном унынии, Гавбэггер нашел себе занятие: посетить все до одного обитаемые миры Вселенной с целью дегустации местных сортов пива. Так начался период, который историки впоследствии назовут янтарным — на протяжении его Гавбэггер заметно пополнил и открыл в себе талант оскорблять людей. Как-то утром, проблевавшись со вчерашнего, Гавбэггер вдруг понял, что больше всего ему нравится именно оскорблять людей, и решил сменить амплуа — так сказать, поменять коней на переправе. Его новой целью, решил он, станет оскорбить все до одного мыслящие существа во Вселенной — в алфавитном порядке. Поскольку Гавбэггер был типом довольно-таки симпатичным, да и космический корабль его заметно отличался от других, пресса довольно скоро раскусила род его новых занятий, так что когда Гавбэггер приземлялся на очередной планете, он обнаруживал, что все население ее уже выстроилось в алфавитном порядке и с нетерпением ждет своей порции оскорблений. Что, конечно, несколько уменьшало радость от работы.

— Так вы прорвались сюда сквозь эти лучи смерти? — возбужденно спросил Артур. — На своем корабле?

— Разумеется, — пожал плечами Гавбэггер. — Мой корабль выполнен из темной материи и приводится в движение темной энергией. Эти грибулонцы орудуют преимущественно барионами. Им мой корабль ни за что не запеленговать, тем более — уничтожить.

— Так вы можете их заглушить? Лучи?

Гавбэггер сунул сверхтонкий компьютер обратно в карман.

— Нет. Они ведь выпущены в реальном пространстве. Земля обречена — право же, очень жаль, ведь на ней было столько людей, которых я мог бы оскорбить. Но зато я отловил Библброка, верно? Не по алфавиту, согласен, но идиотизм такого размера заслуживает исключения. Так что день прожит не совсем зря. — Гавбэггер довольно потер руки. —

Ладно. Очень приятно было познакомиться со всеми — как знать, может, другой встречи и не представится.

Триллиан поспешила включила свою профессиональную репортерскую улыбку.

— Мистер Гавбэггер, меня зовут Триллиан Астра. Мы с вами встречались на Новом Бетеле. Вы были так добры, что уделили мне пять минут.

— А... да, правда. Новый Бетель. Я ведь тогда только что обработал короля, так ведь? Обозвал его сочащимся гнойным нарываем. Какое-то время было такое... творческий застой. Все у меня выходили либо гнойными, либо тухлыми.

— В таком случае вы, возможно, читали мою статью в «Ого-Го»?

— Я не читаю прессы. Видите ли, стоит в нее окунуться, и начинаешь верить в то, что там пишут. Вот, например, посмотрите-ка на Зафода — да-да, вот этого. Он ведь и впрямь верит в то, что он крутая сверхзвезда, а не безмозглый мужлан, каковым является на самом деле.

Зафод только-только начал оправляться от эпитета «толстожопый», когда новое сравнение с мужланом ударило его словно под дых.

— Мужлан? У-уууу... Что за... Ты, *чудовище!*

Триллиан не дала ему договорить.

— Я хотела спросить, не подвезете ли вы нас? Совсем недалеко, всего до соседней планеты.

— Это невозможно, — отрезал Гавбэггер. — Я путешествую по темному космосу. Смертным не положено видеть темного космоса, он действует на их психику.

— Мы готовы рискнуть. Мы не доставим вам хлопот.

Гавбэггер поднял бровь.

— Библброкс не доставит хлопот? Сильно сомневаюсь. Он ведь скрывается — не от одних, так от других, верно?

Триллиан попыталась поддержать пошатнувшуюся репутацию Зафода.

— Президент будет вести себя хорошо. Правда, Зафод?

Зафод что-то невнятно пробормотал.

— Вот видите, он сказал: «Буду как надо».

— А мне послышалось: «Убью гада».

Артур подскочил к Зафоду и попытался привлечь внимание его бешено вращавшихся глаз к себе.

— Ты ведь этого не говорил, дружище? Нет? Конечно, нет. Это ведь было бы сущее безумие: угрожать смертью единственному, кто мог бы нас спасти.

Зафод выпрямился и набрал в грудь воздуха.

— Он обозвал меня толстожопым мужланом. Такое можно искупить только ценой жизни.

— Ох, блин, — пробормотал Форд.

Настроение Гавбэггера явно сменилось с вежливо-скучающего на невежливо-скучающее.

— Уж не думаете ли вы, что меня не пытались убить в прошлом? При моем роде занятий враги липнут ко мне, как пух к флабузу.

Рэндом всхлипнула в кулачок.

— Забавы ради я отслеживаю всех, кто меня преследует. В настоящий момент за мной гонятся больше сотни наемных охотников, шестнадцать правительственные судов, несколько беспилотных ракет-роботов и с полдюжины желающих обрести бессмертие, вырвав и сожрав мое сердце. Если б это было так просто! Я мечтаю о смерти, я жажду ее так же страшно, как этот идиот — славы. Прожил достаточно долго, чтобы понять: идеальной любви не существует в природе. Все это тянется слишком долго.

— А я мог бы тебя убить, — заявил Зафод. — У меня есть кое-какие связи. Я знаю кое-кого, разбирающегося в этом ремесле. Тебе не приходилось провести пару раундов на ринге против траальского жукозавра?

— Этого старого мешка с молниями? — фыркнул Гавбэггер. — Я надеялся, ты предложишь что-нибудь посерьезнее.

Артур снова прижался носом к стеклу и прикрыл глаза сбоку ладонями, чтобы не отсвечивало. Луч уже почти на двинулся на них. Артуру даже показалось, будто он слышит треск разрядов и завывание энергии, хотя умом он и понимал, что это невозможно.

Криков и стонов умирающих я тоже слышать не могу, решил он.

— Триллиан, — бросил он через плечо. — Мне, право же, кажется, что было бы очень кстати, если бы Зафод заткнулся. У нас нет здесь парализаторов?

Зафод же тем временем только начинал расходиться.

— Могу и серьезнее. Тебя не кусал паук-колдун?

— Было дело, и не раз. Я подмешиваю его яд себе в коктейли. Так меньше голова болит.

— А как насчет плазменного топора? Эта штука даже атомы пополам рубит.

— Только не мои. Меня как-то раз сразу четырьмя такими рубила шайка наемников с Силастика: я обозвал мать одного из них мордой, которой только землю рыть. Догадываетесь, чем это кончилось? Топоры разлетелись в пыль.

— Я знаком с парнем, который может раздобыть мне шесть унций консолиума. Подержиши их пять минут под мышкой, и дело в шляпе, детка.

Гавбэггер, похоже, утратил к беседе остаток интереса.

— Консолиум — миф, Библброкс. Избавьте меня от этой лапши на ушах.

— Я знаком с богами! — почти в отчаянии выпалил Зафод. — С другими обладателями бессмертия. Бьюсь об заклад, уж они-то смогут тебя укоротить.

Луч смерти уже почти касался корабля, содрогавшегося от такого шквала энергии. Казалось, даже космический вакуум с шипением расступается перед этой зеленой машиной.

— Триллиан! — крикнул Артур.

— Прошу вас, мистер Гавбэггер.

— Вы знакомы с богами? — Зеленый венчожитель выказал некоторый интерес. — Правда знакомы? С настоящими? Высшей категории?

— У меня в коммуникаторе забит адрес Тора. Стоит мне замолвить словечко — и тебя расплющат молотом.

— Вообще-то боги уже пытались меня убить.

— И как, удачно?

— Ох, да заткнитесь же, Библброкс.

— Готов поспорить, мелочь какая-нибудь. Не бог высшей категории, ведь нет?

Гавбэггер задумчиво кивнул.

— Нет, не высшей. На таких небожителей у меня никогда не хватало времени. Они все алкаши, все до одного. Но ведь наверняка удара легендарного Мъельнира, молота Тора хватит, чтобы задуть мою топку. Можете устроить это, а, Библброкс?

— Я могу, но больше никто.

— Это правда, — подтвердил Форд. — Старый рыжий хрыч с Зафодом давние друбаны.

Артур уже не видел в иллюминаторе ничего, кроме зеленого.

Вот я и теряю свою дочь снова. Сколько отчаяния способен вынести человек?

Гавбэггер нажал кнопку своего сверхплоского компьютера.

— Не советую вам шутить с моей задницей.

Зафод помахал в воздухе большим пальцем третьей руки.

— Никакой лажи. Ты обозвал меня толстожопым мужланом. Это вопрос чести.

— Раздвинуть щит, — приказал Гавбэггер в микрофон своего компьютера.

За иллюминатором вспыхнуло белое сияние, и луч смерти миновал корабль, не причинив ему вреда.

4

В гибели планет нет ничего особенного. Такое случается сплошь да рядом. Взрывающиеся звезды стерилизуют поверхности, которым прежде дарили жизнь. Астероиды плюхаются в углеводородные океаны. Планеты съезжают с орбит, оказавшись на пару световых лет ближе к черной дыре, чем следовало бы, и в результате навсегда исчезают из сводок новостей. Свирепые квантовые существа поглощают в родном мире последнюю каплю энергии и принимаются друг за друга.

Необходимое пояснение. Последний случай стал темой реалити-шоу в системе Tau Сириуса — под названием «Последний Бегемот». Двадцать пять тысяч телекамер были сброшены в атмосферу Ливи-Вошь — мира, в котором обитали четверо колоссальных летучих существ, — и миллиарды зрителей наблюдали их битву за право обладания этим миром. К несчастью, любимица публики Пинки сумела вырваться за пределы атмосферы и, проследив направление сигнала передающей станции, добралась до других обитаемых планет этой звездной системы. Пинки сожрала все живое на трех планетах, прежде чем федеральная армия сумела заморозить ее сжиженным кислородом. Происшедшее на первых двух планетах побило все рекорды популярности, однако к третьему разу публика устала и пере-

ключилась на «Хроники Чик-Чирик» — шоу, посвященное жизни маленькой птички-колибри, которой волшебное птичье купание сообщает совершенно невероятную силу.

Список литературы:

Самая неудачная идея. Говн Ф'Зинг (бывший президент телекомпании, а ныне заключенный федерального исправительного учреждения).

Как щелкать клювом. Биг Б. Джаруд (бывшая ребенок-телезвезды).

Артур Дент в последний раз смотрел на то, как гибнет его родной мир. В иллюминаторе все это напоминало картинку на телевизоре — возможно, один из ранних эпизодов «Доктора Кто», где спецэффекты симпатичны и не слишком заморочены.

Я почти вижу ниточки, подумал Артур.

Лучи смерти напоминали те жирные круглые столбы, что так любили телевизионные аниматоры в конце двадцатого века, а сама Земля казалась футбольным мячом, оклеенным папье-маше.

Только все это настоящие. Как это ни страшно.

Лучи полосовали планету, обдирая ее словно большое сине-зеленое яблоко. Артур отчетливо разглядел, как свернулась, откатываясь прочь от Австралии, Новая Зеландия, а на ее месте не осталось ничего, кроме туч золы и пара.

Мне не хватает моего пляжа, подумал Артур. И еще понимания того, что я ничего не знаю наверняка.

Вскоре вся планета превратилась в клубящееся облако из смешанного с пеплом пара. Лучи смерти сошлись в одной точке и последним усилием окончательно испепелили несчастную Землю от полюса до полюса.

Этого не может быть, думал Артур. Не может быть.

Я возвысила эту планету до звезд, думала Рэндом Дент, моргая полными слез глазами. Я навела мосты, которые помогли исцелить рак, отправить на свалку истории нищету, записать первый галактический хит «Голдфлейка». И вот все это пропало. Все эти люди. Все это будущее. Мой маленький Фертель.

* * *

Триллиан закрыла глаза. За свою долгую карьеру она повидала столько катастроф, что их хватило бы не на одну жизнь. Даже Гавбэггерскую. Часть этих катализмов, конечно, в действительности не происходила, но это не значит, что они не врезались ей в память.

И чего я всем этим достигла? Своими прогремевшими на всю Галактику репортажами? Кого спасла, кому помогла?

Никому.

А кто пострадал, кто потерялся?

Я. И моя дочь.

Впрочем, даже думая так, Триллиан испытывала легкий зуд в руке, где полагалось находиться микрофону.

Кто-то ведь должен все это освещать, настойчиво нашептывал голос у нее в голове. Люди должны знать об этом.

Борт вогонского гиперпространственного бюрокрейсера «БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ТУПИК»

В сущности, вогоны не такие уж *плохие* ребята. Верно, их никто не любит, да и пределом вежливости при общении у них является не плевать (по возможности, конечно) на собеседника, но и плохого в них не слишком много. То есть они никогда не разнесут вашу планету на атомы, не имея на то надлежащим образом оформленных документов. При наличии же надлежащим образом оформленных документов они хоть всю Вселенную — да если потребуется, и все параллельные заодно — разнесут, чтобы выполнить работу как надо. Ну и, честно говоря, большинству из них глубоко безразлично, плюются ли они на собеседника при разговоре.

Необходимое пояснение. Имеются документальные подтверждения инцидента, в результате которого мелкое существо с Ятры-Ватры утонуло при разговоре с вогонским чиновником. Ятраватранец имел неосторожность подать вогону прошение, сообщив при этом, что это официальный документ. Закашлявшись от возмущения, вогон оглушил ятраватранца сгустком слюны, и тот почти сразу же захлебнулся.

Список литературы:

Двадцать тысяч игр для стоящего в очереди к вогону. *Мадьяр Оннфхунн* (написано, стоя в очереди к чиновнику-вогону).

ДТИДСВОКВ — II. *Мадьяр Оннфхунн* (написано ближе к голове очереди)

и

Все вогоны — ублюдки и заслуживают смерти. *Мадьяр Оннфхунн* (написано сразу после того, как ему прищемили пальцы дверью кабинета).

Вогоны — необычная раса, поскольку отличаются врожденными настойчивостью и упорством, полным отсутствием сострадания и любовью к чудовищного качества стихам. Таковы все вогоны, и документально подтвержденных исключений этому неизвестно.

Необходимое пояснение. Ходят слухи о подпольной группировке вогонов на окраинах брандисвогонской цивилизации, которые называют себя Истинными Вогонами. Излюбленное их занятие — усесться в кружок и просто трепаться без письменного на то разрешения.

С физической точки зрения, вогоны не отличаются привлекательностью. И если критерием красоты являются предпочтения зрителя, то этот зритель наверняка не вогон, ибо даже вогоны понимают, насколько они уродливы. Более всего вогон напоминает внешностью огромную черносливину с особо глубокими складками-морщинами для рта и глаз. Тело у них — зеленый маслянистый мешок плоти, у которой на кубический фут объема приходится слишком мало костей и слишком много складок. Конечности, хоть и имеются, но слабы, неэффективны и расположены на вид абсолютно произвольно. Дайте пытливому ребенку сваренное вкрутую яйцо, изюм и несколько макаронин — и то, что у него получится из этих составляющих, вполне может напоминать вогона.

Вы, конечно, можете поинтересоваться, как получается, что одни вогоны занимают в своем обществе более высокое положение, нежели другие, если они все до одного отвратительные бюрократы-садисты? Просто у них и степень вогонства не одинакова. У вогонов даже имеется для этого

специальное понятие. Когда одному из них удается выделяться из общей массы особо неумолимым исполнением приказов, когда затраченные на выполнение задачи силы и время совсем уже неадекватны ее реальной ценности, когда вогон продолжает ломиться вперед даже там, где остальные отступают, сдавшись перед фокусами плюральных зон, перед ордами бронеборцев-силастов или вдовыми слезами — вот такой вогон по всеобщему мнению обладает *хрюмпстом*.

Ну, например:

— Видел, что вон тот вогон, Простатник Бырдц, сотворил с тем детским домом? Камня на камне не оставил. Вот этому парню *хрюмпста* не занимать!

— Ага. Настоящий *хрюмпстер*. У него *хрюмпста* по самый по *хримптер*!

При произнесении термина «*хрюмпст*» кем-либо из старших вогонов остальным положено всплескивать руками и со всем возможным энтузиазмом повторять это слово.

Вполне вероятно, термин «*хрюмпст*» изобретен в честь вогона Простатника Джельца. За свою выдающуюся карьеру космического фотоводца он ни разу не подвел вышестоящее начальство, не выполнив поставленной ему задачи. Когда обитатели Риганнона V возражали против перемещения своей планеты на более высокую орбиту, мотивируя это якобы «неминуемой смертью в связи с последующим оледенением», кто, как не Джельц, устроил над северным полюсом впечатляющий фейерверк, дабы отвлечь внимание риганнонцев от приближающихся с юга кораблей-толкачей? И кто, как не Джельц, бесцеремонно снес лес вместе с привязавшимися к деревьям экологами, когда крошечные синепузые шебетухи отказались голосовать, поклевав в кормушке «да» или кормушке «нет», решающей судьбу проектируемой магистрали?

Вот и теперь, в звездный час его карьеры, ему предстояло одним-единственным кораблем уничтожить все Земли во всех параллельных Вселенных — что он и проделал с помощью грибулонских лучей смерти. И правильно, поскольку меньше всего межзвездным путешественникам нужны планеты, ни с

того ни с сего выскакивающие вдруг у них на пути в плюральных зонах Галактики.

И если вышестоящее начальство придумывало нелегкую работу, у Простатника Джельца имелось в наличии достаточно *хрюмпста*, чтобы ее выполнить. Кстати, портрет Джельца висел на *Стене Хрюмпста* в одном ряду с величайшими бюрократами вогонской истории. Врунт Отказник, Ширгавц Бумагомарракер и кумир Джельца, Хупц Прриходитезавтра. А теперь и сам Джельц. Все портреты изображали героев со спинами, как положено во *Дворце Хрюмпста*, где, собственно, и находится *Стена Хрюмпста*.

Джельц сидел в капитанском кресле на мостице своего крейсера «Бюрократический тупик» и прикидывал, каким эпитетом наградят его, когда он вернется на Мегабрантис.

Джельц-Уничтожитель. Это было бы не лишено приятности, но все-таки недостаточно конкретно. Редко ему удавалось уничтожить мир без бумажной волокиты.

Джельц-Неумолимый. Славно, но слишком похоже на какого-нибудь гонщика из низших рас.

Сколько бы ни забавлялся Джельц игрой в эпитеты, рано или поздно он всегда возвращался к прозвищу, которым звал его отец: Джельц-Законченный-Ублюдок. Исчерпывающая характеристика, право же. Джельц даже вспомнил одно из своих юношеских стихотворений:

— Законченный ублюдок, — произнес он голосом, более всего напоминающим далекие раскаты грома.

Играй,
Резвись
У крабовой норы.
Кувалду отложи на миг свою
И хиленькими ручками всплесни,
На солнце глядя и на мир,
Тугой как плоть...
Учись, мой сын, учись
Все это ненавидеть,
Законченный Ублюдок мой!

Джельц ощутил легкое пощипывание в уголке глаза. Пылинка, решил он, смахивая это что-то прочь.

За спинкой капитанского кресла возник Туп Непроходим, рядовой матрос в фартучке-слюнявчике, какие в моде сейчас у молодежи.

— Простатник Джельц?

— Совершенно верно, рядовой Непроходим. Я даже ношу бэджик с именем, чтобы меня легче было найти. Это сильно экономит время, когда имеешь дело с идиотами.

Рядовой поперхнулся.

— Так точно, Простатник, сэр! Совершенно верно, сэр!

— Вы что-то хотели, рядовой Непроходим?

— Вы сами приказали доложить, когда мы будем готовы к гиперпространственному прыжку.

С уст Джельца сорвался блаженный вздох. *Гиперпространство*. Говорят, вогоны испытывают эмоции, близкие к счастью, только находясь в гиперпространстве. Кожу оттягивает назад, кости собираются вместе. Вогон словно распрямляется в гиперпространстве. Даже в потере контроля над ситуацией есть какая-то мрачная притягательность, а еще всегда имеется хоть маленькая, но вероятность того, что ты можешь очутиться где угодно, но не по плану и без надлежащих на то документов.

— Очень хорошо, рядовой Непроходим. Проложите курс через пространство бывшей Земли. Почему бы нам не использовать трассу первыми — теперь, когда Земли на пути нет, равно как и землян, которые могли бы возражать.

Туп Непроходим дважды подпрыгнул и застыл, склонив голову набок на манер удивленного матраса с Зеты Скворншелья.

— Какие-то проблемы, Туп?

Тупу вообще не хотелось сообщать новостей, какими бы они ни были. По жизненному опыту он усвоил, что новости, будучи доложенными вышестоящему начальству, неизбежно оборачиваются самыми что ни на есть неприятными — даже в том случае, если кажутся вполне хорошими в момент, когда ты открываешь рот, чтобы их озвучить.

— Нет, сэр. Никаких проблем. Вы же сами сказали, Земли больше нет...

Джельц выпятил мясистую нижнюю губу.

— И ни одного землянина. Из приказа явственно следует, что в живых не должно оставаться ни одного землянина. Планировочное управление гиперпространственных сообщений не желает, чтобы какие-то лишенные кровя гуманоиды отвлекали их на судебные тяжбы.

— Так точно, Простатник, сэр. Превосходно сказано, безукоризненно выстроенная фраза!

Джельц потер бок в том месте, где выходил мочевыводящий проток.

— Так все-таки, рядовой Непрходим, все ли земляне разделили участь своей планеты?

— Циркулируют слухи о новой колонии землян в созвездии Соульянис, — неохотно признал Туп.

Некоторое время Джельц булькал, переваривая эту информацию.

— Соульянис? Это не там ли, где расположена мифическая Магратея?

— Так точно, Простатник, сэр! Какая у вас память!

На одном из мясистых век Джельца запульсировала жилка — верный признак раздражения. Еще один подобный признак — и того, кто явился с дурной вестью наверняка ожидала бы короткая прогулка из шлюзовой камеры.

— Вы сказали — «слухи», рядовой Непрходим. Какого рода... слухи?

— Они... то есть земляне... дали объявление о наборе персонала в редакцию журнала «Ого-Го».

— Объявление! — поперхнулся Джельц; новость эта по какой-то причине задела его за живое. — А ну покажите!

— Есть показать, Простатник, сэр!

Туп прошаркал к компьютерному терминалу, размял пальцы и с размаху врезал дежурному оператору по чувствительному месту промеж лопаток — тот встрепенулся и живо вывел на экран соответствующую страницу.

— Вот она, Простатник, сэр. Правда, войти к ним на сайт не получается: они больше не принимают резюме.

Джельц, не прекращая булькать слюной, внимательно прочитал объявление.

— Очень мило с их стороны оставить координаты, — заметил он. — Как бы вы поступили на моем месте, рядовой Непрроходим? Позволили бы вы этим землянам жить дальше? В конце концов, главной целью была планета. Будете ли вы следовать букве приказа, готовы ли вы отправиться на другой конец Галактики, чтобы уничтожить эту колонию?

Туп не колебался ни мгновения.

— Вогоны мы или нет, Простатник, сэр? Я даже за отчеты не сяду, пока эти земляне живы.

— Правильный ответ, Туп, — кивнул Джельц. — Одиннадцать прыжков до Соульяниса, если не ошибаюсь.

Рядовой утвердительно подпрыгнул.

— Сейчас же пойду введу программу, сэр. А по дороге мы можем подготовить Возмутительно медленные, но неотвратимые торпеды. Статический эффект гиперпространства сообщит им чуть больше медлительности и неотвратимости.

Джельц одобрительно кивнул.

— Ты, Туп — законченный ублюдок.

Туп сделал попытку отдать честь, взмахнув короткой ручонкой в направлении головы.

— Спасибо, папа, — сказал он.

Борт принадлежащего Гавбеттеру драккара «Тангриспир»

Артур Дент проснулся от шума прибоя.

«Плюх» — накатывающая волна... «Ш-шшш» — отступающая обратно...

Знакомые звуки слышались откуда-то снизу и слева. Именно так, как им и положено. Пернатые плывуны-колокольчики заводили свои утренние песни в кронах пальм, хлопая при этом крыльями, в надежде привлечь внимание самок с радужным воротничком.

Я снова дома, у себя на пляже. А вся прочая ерунда — взрывающаяся Земля, зеленые пришельцы — приснилась мне в кош-

марном сне. Приятно, конечно, было пообщаться со всеми, но почему это всегда кончается геноцидом каким-то?

Артур испытал огромное облегчение и вздохнул как можно глубже, вентилируя легкие, а заодно проигрывая в уме программу на день.

Чай «Рич» или лечебный? Или лучше «Эрл-Грей»? Да, почему бы и нет?

Артур лежал, не шевелясь, блаженно грея кости. В его возрасте вредно резко двигаться... сколько ему, кстати, лет?

Если подумать, возможно, его сон был не так уж и плох. Он же успел вскочить в люк Зафодова корабля. И ни одного сустава при этом не вывихнул. И... да, во сне у него не росло волос в ноздрях, это он точно запомнил.

Пожалуй, надо подстричь их. А то некультурно как-то.

Нет! Стоит только запустить в дом подстригальщика ноздрей, а там и торговцы сандвичами в дверь ломиться начнут. Никаких торговцев. Никакого общения.

Артур открыл глаза и на мгновение испытал еще более сильное облегчение, увидев интерьер своей пляжной хижины. Однако почти сразу же взгляд его зацепился за какой-то предмет в углу потолка. Электронное табло с какой-то надписью. Он прищурил больной глаз и прочитал ее; слова оказались, как ни странно, английскими.

«ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ В РЕАЛЬНОСТЬ ОСТАЛОСЬ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД», — гласила она, и почти сразу же начался отсчет. Пять секунд.

Пять... четыре...

Куда же большие реальности, подумал Артур. Блин...

На счете «ноль» пляж исчез, а на потолке над Артуром возникла Фенчёрч с этой ее сводящей с ума улыбкой, похожими на мазки пастелью бровями и искрящимися голубыми глазами.

Я тебя вижу, милая. Это реальность.

Но, конечно, никакой реальностью тут не пахло.

— Привет, — сказала Фенчёрч. — Добро пожаловать в сознание. Если вам понравилась наша выполненная под ваши индивидуальные характеристики программа пробуждения,

поставьте, пожалуйста, звездочку. Вы согласны поставить звездочку прямо сейчас?

— Чего? — не понял Артур.

— Вы согласны поставить звездочку прямо сейчас? — повторил компьютер, чуть увеличив громкость.

— Э... Да. Конечно, звездочку. Могу даже две, почему бы и нет?

Фенчёрч улыбнулась, и сердце при виде этого болезненно сжалось, такая она была красивая.

— Спасибо, Артур Дент. Мне доставило удовольствие отслеживать ваши сны.

И она исчезла — взяла и исчезла.

Еще раз.

И боль это причиняло не меньшую, чем тогда.

Реальность свелась к крошечной каютке на борту Гавбеггеровского дракара — серые интерактивные стены с кабинкой туалета в углу. Артур решил, что горячий душ его вполне устроит... только не слишком долго, а то он расслабится и снова начнет думать о Фенчёрч.

Не думать о Фенчёрч будет трудно, сообразил Артур, когда на двери душевой кабины снова возникло ее лицо.

— Я — Оптимизатор тела вашей каюты, — сообщила компьютерная интерпретация его снов. — Будьте добры, сообщите ваши желания. Пожалуйста, начните предложение со слов «я хочу...».

Что же, это легко.

— Я хочу принять душ, — сказал Артур. — И побриться. Я хочу чувствовать себя хорошо.

— Душ, бритье и чувствовать себя хорошо. Это именно то, чего вы хотите?

— Запрос подтверждаю, — ответил Артур, проникаясь духом правил.

— Прошу вас, Артур Дент, войдите в кабинку.

Артур расстегнул рубашку, но призадумался.

— Фенчёрч... э... компьютер, а можно мне уединиться?

— Я компьютер. Уединиться здесь негде.

Артур понимал, что все это ерунда. Никакая это не Фенчёрч, это просто образ, внаглу украденный у него из памяти.

— И все же, ты могла бы зажмуриться?

— У меня нет глаз.

— Тогда выключи камеры и убери это лицо с дисплея.

— Только на то время, что вы находитесь в Оптимизаторе.

После этого я снова включу мониторинг.

— Да заткнись ты, — буркнул Артур, швыряя одежду в корзину. Та возмущенно чихнула.

— Срань господня! — сказал компьютер.

— Разве в словарь компьютера заложены такие идиомы?

— Я позаимствовала эту фразу из *вашей* памяти. Судя по всему, вы постоянно использовали ее в своих передачах на Би-Би-Си.

— У меня имелся повод, — пробормотал, оправдываясь, Артур. — Чертовы продюсеры.

— У вашей одежды индекс вони равен двенадцати, а еще на ней имеет место некоторое количество вирусов, не говоря уже о двенадцати миллионах пыльных клещей, о которых я уже упоминала. Матрица вашей речи чрезвычайно необычна. Так или иначе, эту одежду необходимо уничтожить.

— Постойте!

— Никаких задержек, Артур Дент. Эти клещи могут попасть мне в платы, и где мы тогда окажемся? Будем дрейфовать в космосе как булыжник? Можете помахать на прощание своим шортам.

Корзина зарычала и слегка затряслась, испепеляя Артурову одежду.

— А теперь марш в душ. Пять минут, и я снова включу камеры.

Лицо Фенчёрч исчезло, и Артур нерешительно ступил в кабинку.

— Только без подглядывания.

— Четыре пятьдесят девять, Артур Дент. Четыре пятьдесят восемь...

— Да вошел, вошел уже. — Артур огляделся по сторонам. — А что, полотенца здесь не полагается?

— Зачем? — удивился компьютер.

Артур едва успел подумать, в тот ли душ он попал, когда дюжина ярких лазерных лучей из врезанных в стену хрустальных глазков разом окрасила его в алый цвет.

Первое, что пришло в голову Артуру — это что он попал в камеру смерти. Однако стоило ему открыть рот, чтобы завизжать, как туда устремился лазерный луч, аккуратно обработавший ему язык. Артур поднял руку, чтобы прикрыть рот, и другой лазерный луч укоротил и подравнял ему ногти. Лазерная обработка оказалась на поверку не такой уж и неприятной, и очень скоро Артур расслабился и подчинился компьютеризованным процедурам. Грязь и мертвые клетки эпителия были сожжены хирургически-точными лазерными импульсами, а оставшийся пепел проглощен раструбом пылесоса. Из виртуального каталога Артур выбрал себе прическу, и все те же лазерные лучи, приятно покалывая кожу на голове, привели в порядок его шевелюру.

— Будьте добры, Артур Дент, улыбнитесь, — приказал компьютер.

Артур послушно оскалился, и лазерный луч тут же выбелил его зубы.

Я чувствую себя хорошо, вдруг понял Артур. Так хорошо я не чувствовал себя уже много лет.

Остатки волос и сажи исчезли в пасти пылесоса, Артур вышел из кабинки и обнаружил лежавший на кровати костюм. При первом же взгляде на него Артура перекосило, но потребовалась почти минута, чтобы он понял, почему именно.

— Чтоб меня, — выдохнул он. — Итон-хаус.

Перед ним лежала его школьная форма вплоть до полосатого галстука и зеленой шапочки.

На стене вновь появилась Фенчёрч.

— Вы хорошо себя чувствуете, Артур Дент?

Артур поспешил прикрыть срамное место подушкой.

— Э... Да. Да, хорошо. Скажите, а никакой другой одежды у вас не найдется?

— Вам самому приснилась эта одежда, Артур Дент. Я не поменяла ничего, только размер. На текущий цикл ваш лимит одежды исчерпан. С одеждой что-то не так?

Артур провел пальцем по алюминиевому воротничку зеленого пиджака.

— Нет. *Неправильного*, пожалуй, ничего. Просто это школьная форма.

— Она совершенно чиста.

— Да, я знаю.

— На ней отсутствуют грязь и паразиты.

— Все верно... просто она не совсем по возрасту.

— И как следствие обладает ностальгической ценностью.

Я помогаю вам воскресить ваши молодые годы, Артур Дент. Разве это не заслуживает благодарности?

— Наверное, да...

— «Наверное»? Срань господня!

— Ну ладно, ладно. Спасибо.

Фенчёрч кипела от возмущения.

— После всего, что я для вас сделала! Зрения двадцать на двадцать и камней в почках!

— Чего? — насторожился Артур.

— Вы не заметили, что у вас улучшилось зрение? Я отремонтировала вашу сетчатку. Помимо этого, мои сканеры обнаружили у вас в почках несколько камней. Так что я их раздробила.

Артур зажмурил здоровый глаз и сообразил, что второй видит не хуже.

— Это потрясающе. А спросить моего согласия вам не полагалось?

— Разве? Гавбэггер предоставил мне свободу действий во всем, что касается здоровья. Но, конечно, вы можете зайти обратно в кабинку, и я верну глаз в исходное состояние.

Артур зажмурился и почти мгновенно сообразил, что ему нравится видеть обоими глазами.

— Нет-нет, Фенчёрч. Мне нравятся эти фокусы двадцать на двадцать. Большое вам спасибо.

Компьютер улыбнулся.

— Всегда к вашим услугам, Артур.

— И за камни в почках тоже. За все до одного. Должно быть, очень скоро это начало бы причинять немалую боль. Так что спасибо и за это тоже.

— А одежда?

— Идеальная, — соврал Артур из вежливости. — Если вы отвернетесь на минутку, я ее надену.

— А звездочку за сервис?

— Только отвернитесь.

— Спасибо, Артур.

Фенчёрч выключилась, и Артур натянул свою школьную форму.

Могло ведь быть и хуже, подумал он. Могло бы ограничиться и шортами.

— Спасибо, Фенчёрч, — прошептал он.

В коридоре Артур столкнулся с Триллиан.

— Лопни мои глаза, — потрясенно выпалил он. — Фантастически выглядишь, Триллиан.

— Правда? Ты это серьезно, Артур?

Артура, увы, отличала присущая многим англичанам черта характера: сделав кому-либо комплимент, он почти сразу же ухитрялся ляпнуть что-нибудь такое, что сводило его на нет, если не хуже.

— Я хотел сказать... ну, ты вообще всегда фантастически выглядишь. То есть ты и раньше фантастически выглядела, — тут он спохватился: — а сейчас просто экстра-фантастически. Или, наверное, лучше сказать « mega-фантастически » — с учетом того, что мы в космосе, и все такое.

Триллиан щеголяла в модном темно-синем брючном костюме и сапогах до бедра.

— Это компьютер у меня из головы выудил. Я одевалась так, когда брала интервью у президента кибер-корпорации Сириуса. То есть мне снилось, что я брала у него интервью.

— Ну... Так или иначе, тебе идет.

— И еще компьютер сделал мне пилинг лица, — призналась Триллиан, понизив голос до шепота. — И отрегулировал уровень витаминов и минералов в организме. Я так себя чувствую... прямо хоть марафон беги.

— Я тоже.

Триллиан подергала Артура за рукав.

— И можно даже не спрашивать, где ты учился.

— Хорошо еще, что мне не приснился ночной клуб в Коттингтоне, а то щеголял бы сейчас в помочах.

— Зато кепочка классная.

Артур поспешил сорвал с головы кепку и сунул в карман.

— Я даже и не заметил, как ее нацепил. Привычка, должно быть. Ты Форда не видела?

— Вообще-то видела. Протрусила мимо меня в направлении мостика.

— А в нем ничего особенного не заметила?

Триллиан нахмурилась.

— Волосы как-то сильно блестели. Да, и еще, они у него теперь голубые.

Артура это почему-то не особенно удивило.

— Ему только время дай... Кстати, компьютер у тебя в каюте — от чьего лица он с тобой разговаривает?

— Моего кота, Коперника. Можешь себе такое представить? Очень лихо сработано. А у тебя?

Артур уставился в иллюминатор, в бездонную черноту космоса.

— Просто компьютер. Никаких лиц. Ни на кого не похож.

Изящная золотая межзвездная ладья-драккар Гавбэггера бесшумно неслась к Альфе Центавра. На корме вращались работающие на темной материи двигатели, над ней реял солнечный парус, а под ней болталось как новорожденный флабуз в родительской сумке пришвартованное «Золотое сердце».

Необходимое пояснение. Вопреки практически всеобщему правилу новорожденное потомство у флабузов вскармливают именно самцы. В сумке взрослого флабуза может поместиться до полусотни молодняка, однако обыкновенно число их ограничивается двумя, поскольку самцы редко выходят из дома без небольшого аварийного запаса: скажем, пары банок пива и свежего номера «Еженедельного пушка».

Форд Префект пошатался по мостику, который произвел на него сильное впечатление.

— Классная штука у вас, Гавбэггер. Темная материя. Вселенная на семьдесят процентов состоит из нее, а мы ее и увидеть не в состоянии. Как это вам удалось соорудить из нее корабль?

Гавбэггер пожал плечами.

— «Тангриснир»? Я просто купил его у одного типа.

— Вот просто так и купили?

— Он божился, что угнал его у самого Тора. Того самого, Громовержца. Это его драккар, отсюда и ретро-стилистика.

— Я знаю, кто такой Тор. Встречался с ним как-то на вечеринке.

— Тангрисниром, кажется, звали одного из его козлов. Я хотел поначалу заменить носовую фигуру с рогами, но слышал, что Тор немного подслеповат, и испугался, вдруг он не узнает корабля с новой фигурой на носу. Я надеялся, что он примет меня за угонщика и вышибет мне мозги своим молотом.

— Мечтать не вредно, — согласился Форд.

— Я тоже так думаю. Но пока ни разу его не встречал. — Гавбэггер едва не выпрыгнул из капитанского кресла. — Попробуй, можешь не прикасаться к этому?

Рэндом теребила пальцем светящуюся на пульте кнопку.

— Извините, — буркнула она, хотя по виду ее раскаяния не ощущалось.

— Просто я довольно давно путешествую сам по себе, и порядки у меня на борту такие, какие мне нравятся. Стоит нажать не на ту кнопку, и нас всех может вывернуть наизнанку, ушами внутрь. Что мне доставит небольшие неприятности, но для вас, землян, может обернуться куда серьезнее.

— А что это за кнопка такая, за которую вы так переживаете?

— Это моя кофеварка.

— Чего?

— У меня ушло не одно десятилетие на то, чтобы пена выходила в точности как надо.

— Ох, заарктурь вашу медь!

— Тебе бы все заарктурить. Могла бы хоть немного благодарности выказать. Я, как-никак, вам жизни спас.

— Я вас об этом не просила, — буркнула Рэндом, сверкая глазами из-под челки.

Гавбэггер начал уже жалеть о том, что сам пригласил этих людей к себе на борт, однако на их собственном корабле гиперпространственный прыжок обрек бы их на верную смерть. На «Золотом сердце» не было ни защитных полей, ни амортизаторов, ни гироскопа. Их взболтало бы, как в шейкере, и выплеснуло остатки.

— Рад сообщить вам, юная леди, что мне недолго осталось служить объектом вашей неприязни.

— Но мне нравится испытывать к вам неприязнь, — безмятежно отозвалась Рэндом.

Необходимое пояснение. С учетом внезапной, абсолютно иррациональной неприязни Рэндом Дент к Бесконечно Продленному Гавбэггеру можно считать неизбежным то, что он рано или поздно заделается ее отчимом. Известный актер Энгюс Де Бёф, исполнявший роль психиатра в семи сериях популярнейшего сериала «Псих-о-рама», сформулировал постулат, согласно которому влече~~н~~ие, испытываемое материами-одиночками к особям мужского пола, прямо пропорционально отвращению, испытываемому к означенным особям их детьми-подростками. Конечно, м-ра Де Бёфа нельзя считать психологом-профессионалом, зато у него четыре мозга и шелковистые волосы, поэтому его суждение считается заслуживающим доверия, особенно в той части Галактики, обитатели которой и после обеда разгуливают в шлепанцах.

Список литературы:

Счастливый тинейджер (сказка). Джимми Эбри К.

Доверьтесь мне: я сыграл врача. А. Де Бёф.

Гавбэггер выдернул из ниши в стене маску и натянул ее себе на нос.

— Я уже забыл, на что похожи люди, — сообщил он, сделав глубокий вдох. — Ценный опыт. Буду черпать из него силу для новых свершений.

— Может, будете нюхать свой волшебный газ после того, как нас высадите?

Гавбэггер сдернул маску и вернул ее на место.

— Это не волшебный газ, странно одетый детеныш. У меня имеется некоторый запас атмосферы моего родного мира. Там избыток двуокиси углерода и разных токсичных веществ, но на меня это действует умиротворяюще. — Он широко улыбнулся, демонстрируя свою умиротворенность. — А теперь будь так добра, не трогай ничего у меня на мостице, а то я испарю тебя прямо на месте, несносный подросток. Вот в мои детские годы подростки вообще не имели права говорить со старшими, если не хотели посидеть в ведре мандаринов-поганок.

— И когда это было? Сразу после Большого Взрыва?

— Ни слова. Ни слова больше — у меня завалялось тут несколько мандаринов-поганок.

— Эта ваша атмосфера, значит, не действует?

— Нет, — признался Гавбэггер. — Если честно, от нее ничего, кроме головной боли. Но может, это от тебя голова болит.

— Я вас ненавижу! — взвизнула Рэндом и устремилась в свою каюту — предположительно, чтобы пополнить запас черной одежды.

— Да вы не переживайте, — бросила Триллиан, вставая, чтобы идти за дочерью. — Она вообще всех ненавидит.

Еще одно необходимое пояснение (не очень отличающееся от предыдущего, но не лишенное познавательности). Мандарины-поганки представляют собой разновидность ядовитых медуз, стрекательные клетки которых содержат психотропный яд. Эффект от мандаринового ожога проявляется постепенно, первым делом ужаленный ощущает резкий укол. Затем на этом месте вырастает противный красный волдырь, который может загноиться, если его не смазывать бальзамом из экскрементов мандарина-поганки. Ну и наконец, вслед за этим на ужаленного накатывает волна сомнений в себе — это начинают действовать содержащиеся в яде психотропные вещества. В общем и целом, реакцию ужаленного можно описать примерно так:

— Уйёёёё, ну и боль, Зарк меня подери!

Потом:

— О нет! Только посмотрите на этот жуткий красный волдырь! Плакало мое участие в конкурсе красоты... как я покажусь в купальнике?

И наконец:

— Что? Я латентный женоненавистник с эдиповым комплексом?

В случае, если ужаленный страдает аллергией на мандариновый яд, одного ожога хватает для того, чтобы самокопание достигло угрожающих размеров, приводящих либо к мгновенной коме, либо к успешной карьере исповедующегося на ток-шоу.

Гавбеттеру удалось заманить мужскую часть пассажиров на совещание, посулив им «Пипец дракончику» — алкогольный напиток, по сравнению с которым «Пангалактический грызлодер» кажется жидким водичкой. На Зафода, правда, последнее сравнение не произвело особого впечатления, поскольку ему приходилось пробоваться жидким водичкой во время чертовски занудной и утомительной инаугурационной поездки на планете Инноквадамис, в море Спокойствия-И-Без-Фокусов-Пожалуйста, и с тех пор его трудно напугать подобной ерундой.

Они расселись вокруг обсидианового стола, который рос в размерах каждый раз, когда количество сидевших за ним увеличивалось на одного.

— И где этот ваш обещанный «Пипец дракончику»? — поинтересовался Форд, наматывая на палец прядь лазурных волос. — Правда круче «Пангалактического грызлодера»? Поверю только, если очнусь через неделю на другом конце Галактики без почек, зато с тремя женами и татуировкой на причинном месте.

Гавбеттер уверенно ухмыльнулся.

— О, мне кажется, вам это понравится, мистер Перфект. Это совершенно особенная штука.

— Не синтезированная, надеюсь? Натуральный продукт?

— Ну разумеется.

Из люка выплыл антигравитационный поднос, аккуратно поставивший на стол перед каждым из присутствовавших по хрустальной стопке.

Зафод понюхал содержимое.

— На запах — вода водой, приятель.

— Это и есть вода, — подтвердил Гавбэггер. — Чистейшая вода из горных мега-ключей с Маграмели.

— Тоже мне питье.

— Не торопитесь с оценками, Толстожопый.

— А вот без этого можно и обойтись. Я же пообещал уже, что вас убьют.

Гавбэггер ткнул пальцем в стол — тот дернулся, и из него появилась миска с маленькими крапчатыми яйцами.

— Это яйца морского дракона, — пояснил Гавбэггер. — Их недавно открыли в экваториальных тропиках Кракафуна.

— Мне это записать? — ехидно поинтересовался Форд.

Гавбэггер оставил его слова без внимания.

— Самцы вылупляются из яиц раз в десять лет и живут около четырех секунд. Когда они умирают, их жизненная энергия — душа, если хотите — высвобождается в воду.

— Зарк, — пробормотал Зафод. — И не хотел, но уже интересно. Пойло с душой. Звучит восхитительно извращенно.

— Делайте как я, — скомандовал Гавбэггер.

Зеленый венчножитель опустил яйцо в свою стопку и подождал, пока инфракрасная лампа подогреет воду. Не прошло и нескольких секунд, как скорлупа сделалась прозрачной, а сквозь нее стал виден крошечный извивающийся морской дракончик.

— Ух ты, — с детским восторгом прошептал Зафод. — Как настоящий... только очень маленький.

Дракон прогрыз скорлупу, выбрался наружу, мгновение или два побулыхался в воде, потом прижал лапку к сердцу и загрясся мелкой дрожью. Из сердца его вырвалось и растворилось в воде крошечное облачко золотого света.

— Пипец дракончику, — прокомментировал Гавбэггер и опрокинул стопку в рот.

Форд с Зафодом последовали его примеру и, словно сорванные неведомой силой, полетели со стульев на пол. Они

валились на полу, ритмично дергаясь, и на удивление стройно распевали дуэтом арию Мели-Мели из оперы «Катастрофа в Пантео-Хрюнге». Левый Мозг, плававший в сосуде с гелем, проводами и трубками, присоединился к ним третьим голосом.

— Гм... — пробормотал Гавбеттер. — Эк их... а у меня только сердце защемило, и все.

Артур решил воздержаться.

Минут через двадцать Форд с Зафодом снова сидели за столом, глупо хихикая при взгляде друг на друга.

— Очень хорошо, — заявил Гавбеттер, хлопая в ладоши. — Толстожопого и его обезьянку ублажили. Мы можем углубиться в дела?

Необходимое пояснение. Считается, что выражение «углубиться в дела» произошло на планете Шалезм, где искусство промышленного шпионажа достигло невиданных высот, из-за чего бизнесменам приходилось заключать мало-мальски серьезные сделки лишь на нижних уровнях глубоких шахт, маскируясь при этом до неузнаваемости и общаясь друг с другом шифрованными сообщениями через синтезатор голоса. Как следствие, никто из них до завершения сделки не знал наверняка, о чем же, собственно, он договорился. Так, например, один профсоюзный лидер объявил во всеуслышание, что договорился об увеличении пенсий всем членам своего профсоюза, тогда как на деле он всего лишь пообещал свой член каждому пенсионеру. Говорят, забастовка там продолжается до сих пор.

Артуру это показалось немного сложноватым.

— В дела? Какие дела? Разве вы не собирались высадить нас в ближайшем космопорту?

— Не раньше, чем вы меня убьете.

— Разве вы не бессмертны?

— Вы что, не слушали? Толстожопый пообещал меня убить.

— Ну, понеслась... — буркнул Зафод. — Помню я, помню. Не вредничайте.

— Я же Гавбеттер Бесконечно Продленный. Вредничать — мое призвание. Вы что, еще не поняли?

Зафод выпрямился со всей царственностью, на которую был способен, хотя левая сторона его тела продолжала подергиваться.

— Я обещал вас убить, и я выполню свое обещание. Э... кто-нибудь, кроме меня, слышит пение?

— Только не я, — заявил Форд, пряча в свою сумку единственное оставшееся драконье яйцо. — Ни хрена не слышу. Ни оперы, ни еще чего.

— Слово Библброка чего-нибудь да весит в этой Галактике. Так что можете не звать меня больше толстожопым.

Гавбаггер подмигнул ему — так издевательски, что от подобного оскорбления и камни бы ожили.

— Я просто подогреваю вашу личную заинтересованность, Библброкс. Насколько я понимаю, вы очень легко отвлекаетесь.

— Это есть, — хихикнул Форд.

— Эй!

— Но ведь это правда! Только вспомни ту историю со столбом и корзиной летучих пирожков! Право же, ты мог бы лучше сосредоточиться на деле.

— Не лишено резонности. Дайте еще раз услышать, а?

Гавбаггер не заставил себя упрашивать дважды.

— Толстожопый.

— О'кей, — кивнул Зафод. — Я готов. Мне только подключить Левый Мозг к тому, к чему ему положено подключаться, и я готов лететь.

Гавбаггер поднял палец.

— Вы хотели сказать, мы готовы лететь?

— Да нет же, — буркнул Зафод, протягивая руку к Левому Мозгу. — Боги терпеть не могут посетителей. Со мной Тор поговорит, потому что мы давно знакомы и я глупее даже его. Я полечу в Асгард один.

— Я тоже знаком с Тором, — заявил Артур. — Я его один раз достал и до сих пор жив.

— Второй раз такого не повторится, — возразил Зафод. — И у богов долгая, чтобы не сказать, вечная память, так что ты определенно останешься на корабле.

— Почему бы тебе не взять с собой Триллиан? — предложил Форд. — Если мне не изменяет память, Тор к ней неровно дышал.

— Нет, — решительно мотнул головой Зафод. — За последние несколько лет у Тора заметно испортился характер. К нему нужен особый подход.

Он сунул руку в гель и с громким всхлюпом выудил оттуда Левый Мозг.

— Как дела, приятель? — спросил он, отцепляя провода от временных гнезд.

— Немного сонное состояние, — признался Левый Мозг, моргая. — Мне что, пора уже просыпаться?

— Боюсь, что так. Нам надо лететь.

Гавбэггер протянул ему свой сверхплоский компьютер.

— Держите со мной связь с помощью этой штуки. Она подключена к сети, работающей на темной энергии. Хороший сигнал в любой точке Вселенной. Встретимся после того, как вы отыщете Тора, только не забудьте, пожалуйста, сказать ему, что это я потырил его корабль — это может настроить его должным образом. И не заставляйте меня вас выслеживать.

Зафод убрал компьютер в карман.

— Идет. Я готов. Все, что мне нужно, — это два миллиона кредитных чипов, и я полетел.

— Два миллиона кредитных чипов?

— Я так подумал, стоило попробовать попросить.

— Не отвлекайтесь, президент Толстожопый. Не отвлекайтесь.

Зафод буквально зарычал.

— Считайте себя покойником.

— Вашиими бы устами, — хмыкнул зеленый венчожитель.

5

Реальностью может стать все. Абсолютно любая вообразимая вещь наверняка имеет место где-то в системе вероятностных координат. Более того, это случалось уже миллиарды раз с одним и тем же результатом, и никто ничему на этом не научился. Все, что можно придумать, вообразить, пожелать; все, во что можно поверить — все это уже где-нибудь да было. Мечты сбываются все время... только не обязательно для того, кто об этом мечтал.

Попробуйте выдумать что-нибудь совсем уже безумное — или, если вам лень, просто забейте в поиск любые произвольные сочетания существительных и не связанных с ними прилагательных.

Безрассудные водоросли? Да легко: это упертые хиджики с Дамограна. Длинные ленты хиджики, потревоженные косяками трехполосых желтолобиков, сплелись как-то раз в сплошной зеленый ковер, отгородив от рыб весь риф. Как следствие, все живое на рифе погибло, а сами хиджики так и не смогли распутаться обратно и вымерли вместе с ненавистными желтолобиками.

Или вам интереснее клоуны-убийцы? Да проще простого. Добавим к этому порочную одержимость овощами. Наберите

все это на клавиатуре вашего «Путеводителя по Галактике», и он выдаст вам более миллиона ссылок, первой из которых по рейтингу значится история Блинга и Блонга из цирка Минимуса. Два клоуна-карлика влюбились в одну и ту же Герду, Женщину-Огурец. Несколько месяцев прошло в бесплодной вражде, а потом Блинг начинил кремовый торт кислотой, и его низкорослый братец просто растворился за завтраком. Таким образом, Герда досталась-таки Блингу, но совесть терзала его так сильно, что как-то вечером он просто проглотил по невнимательности свою невесту, подавившись при этом до смерти обручальным кольцом.

Ну что, нравится? А как насчет некогда двухголового президента Галактики, прикупившего за смешные деньги у магратиан крошечную тропическую планетку и перепродавшего ее богатым землянам, чтобы те могли с комфортом жить там после того, как их родную планету уничтожили?

Насколько безумна эта история?

Борт «Тангриснира»

Артур валялся на койке у себя в каюте, глазея на небо, где парила на облаке Фенчёрч — в тех же джинсах, высоких сапожках и насквозь промокшой футболке, что были на ней, когда он впервые увидел ее на заднем сиденье машины ее брата-говнюка.

— Скажите, а футболка обязательно должна быть мокрой? — поинтересовался компьютер.

— Что? Ох, господи, нет. Ради бога, извините — конечно же, нет. Это я сам идиот.

— Просто я старалась воспроизвести все как можно точнее. Если хотите, я могу изобразить эту вашу Фенчёрч голой.

— Нет-нет, — сказал Артур по возможности (во всяком случае, он так надеялся) невозмутимее. — Сухой футболки вполне достаточно. Просто в тот вечер шел дождь, и я тоже промок до нитки, вот потому это и врезалось в память.

— Можете не объяснять, — произнесла заново отрендеренная голова Фенчёрч. — Посетители нашего корабля часто

пользуются преимуществами моих реалистичных воспроизведений. Если хотите, у меня имеется каталог знаменитостей, который я без труда вам продемонстрирую.

— Может, как-нибудь в другой раз, — попросил Артур. — А грибулонцев можете показать?

— Разумеется. Может, вы хотели бы избавиться от этих воспоминаний, Артур Дент? Если вы зайдете в кабинку, я могла бы выжечь лазером соответствующие нейроны.

— Да нет. Мне нужно увидеть их, потому что... ну, настроение у меня такое.

— А какое у вас настроение, если не секрет?

Артур улыбнулся, но улыбка вышла виноватая, вороватая какая-то.

— Честно говоря, вовсе не плохое. Даже хорошее — ну, с учетом всего происходящего. Скучаю, конечно, по своему пляжику, но, понимаете, я-то думал, гибель Земли должна была расстроить меня сильнее, а это не так. Может, если я загляну в глаза тем, кто это сделал, мне станет чуть хуже?

— У меня здесь сверхчистый звук из сотовых акустических систем и трехмерное, сверхчеткое изображение, — самодовольно заявил компьютер. — Не говоря уже о модуляторе «ткни-и-получи». Посмотрим, удастся ли мне помочь вам ощутить себя полнейшим дерьмом.

— Чего?

— Это вы так выражаетесь, не я.

Фенчёрч исчезла, а на ее месте возникла бездонная чернота космоса. Артур узнал очертания Солнечной системы и десять планет, обращающихся вокруг Солнца по эллиптическим орбитам. Темно-синий Сатурн, похожий на огромный малахитовый окатыш Юпитер... Валуны размером с континент летели, вращаясь, в поясе астероидов, и каюта содрогалась от грохота их столкновений.

— Это наш корабль так, или только изображение? — тревожно спросил Артур.

— Я добавила звук от себя, — призналась Фенчёрч. — Мне казалось, так выйдет поэтичнее. Столько динамиков — ради космического вакуума?

Они летели все дальше, ввинчиваясь в иссиня-черную пустоту, пронзая лоскуты межпланетного газа. Мимо карликового Плутона к следующей планете — чуть побольше, сплошь покрытой льдом, на фоне которого особенно четко выделялись темные пятна незнакомых звездолетов.

— Грибулонцы, — прошептала Фенчёрч. — Не знающие, за кем бы еще понаблюдать.

Качество изображения потрясало. Артур видел все до последней заклепки на броне, до последнего проводка.

Он протянул руку, чтобы потрогать обшивку, и все изображение пошло рябью.

— Это «ткни-и-получи», — пояснила Фенчёрч. — Поосторожнее с этим. Некоторых тошнит.

Ощущая себя гнусным вуайеристом, Артур осторожно заглянул в иллюминатор. Он увидел мягкие диваны и журнальные столики. Симпатичного вида гуманоиды прогуливались по устланной коврами галерее, то и дело останавливаясь, чтобы поболтать или обменяться чем-то вроде кредитных карт.

В поведении их Артур не увидел ничего такого, чего обычно ожидаешь от разрушителей чужих планет. Артур взглядался как мог пристальнее, но никто из грибулонцев не смеялся безумным смехом, да и выглядели они вовсе не как безмозглые исполнители чужой воли.

— А они славные, — протянул Артур, немного обескураженный тем, как легко оказалось проникнуться симпатией к этим людям.

Фенчёрч фыркнула так похоже на настоящую, что Артуру захотелось плакать.

— Все злодеяния совершаются вполне симпатичными людьми. Смотришь суб-эта-сеть наутро после того, как планету разнесут в хлам — так все соседние миры накидали зигабайты постов о том, какие вежливые и обходительные их убийцы. И как они всегда посылают друг другу котят на Новый год, и как они держат себя в руках... как правило.

С помощью «т-и-п» Артур увеличил изображение женщины-грибулонки, вокруг которой собралась небольшая толпа поклонников.

— Хотите, одену ее в мокрую футболку, — не без ехидства предложила Фенчёрч.

— Посмотри, какие у них глаза, Фенчёрч.

Луч посланной компьютером темной энергии вырвался из иллюминатора.

— Не самые, чтобы разумные, да? К сожалению, мои сканеры могут отследить события всего на пять их орбитальных циклов назад.

— Тогда зачем они все это сделали?

— Нуууу... может, кто-то обманом вовлек их в эту историю?

У Артура засосало под ложечкой, с такой скоростью уменьшилось изображение. Они словно взмыли обратно в космос, мимо похожего на ледяной ад Плутона — как раз вовремя, чтобы в уголке кадра мелькнула корма огромного корабля, от которой разбегались круги голубого света: корабль входил в гиперпространство. Корабль был желтый, неуклюжий — на сетевом конкурсе красоты он не прошел бы даже предварительного отбора, а отставные гонщики среднего возраста на протяжении всего тест-драйва отпускали бы неполиткорректные шуточки, притворяясь, что не понимают назначения кнопок, рычажков и циферблатов. Казалось, корабль сам осознает, насколько он неуклюж.

— Вогоны, — прошептал Артур, почему-то нисколько не удивившись этому открытию. — Вот извращенцы... Абсолютнейшие засранцы.

— А... Это вы про ваших?

Артуру удалось изобразить благородное возмущение.

— Каких, к чертовой матери, «наших»? Вот эти ублюдки всех наших и убили.

— Ну, не совсем всех.

— Почти всех. Только трое нас и осталось.

— Скоро так и будет.

— Скоро? Что ты хочешь сказать — «скоро»?

— Если честно, мы порылись немного в их компьютере. Судя по всему, вогоны собираются в созвездие Соульяниса и Рамма, чтобы уничтожить там колонию землян.

— Чего? Землян? Что это, черт подери, за созвездие такое? Разве не положено, сообщая такие новости, пускать фоном зловещую музыку? И еще какие-нибудь подробности ты у них из компьютера выудила?

Синие круги на экране, роль которого исполнял потолок, вдруг застыли, побелели и исчезли вместе с вогонским кораблем.

— Поздно, — вздохнула Фенчёрч. — В гиперпространстве даже мои инструменты бессильны.

Артур соскочил с койки и механически напялил на голову свою школьную фуражку.

— Ведь нам нужно их предупредить, да? Разве нет? Полететь в это их созвездие, как там его? Трам-тарарам!

— Вы не скучаете по своему пляжу, Артур? — Компьютер воспроизвел на потолке любимый Артуров домик на пляже, каким он ему запомнился.

— Ужасно скучаю. Там все дни не отличались друг от друга. Никаких взрывающихся планет, никто на меня не кричал, никакие пришельцы не мешали спокойно жить. Ну почему, почему люди даже просто поговорить не могут, не уткнувшись нос к носу? А еще у себя на пляже я мог не думать о том, о чем мне не хотелось думать, и никто не заставлял меня возвращаться к этим мыслям.

— Тогда зачем вам спешить за этими вогонами? Они всегда добиваются того, что им приказали выполнить. Зачем вам эта головная боль?

— Затем, что большая часть меня не хочет никуда лететь. Какой из меня землянин, если я не попытаюсь спасти своих?

— Как какой? Живой. Не разнесенный на элементарные частицы термоядерной боеголовкой. Штука, конечно, архаичная, но с работой справляется.

— Нам надо развернуться... или газу добавить. Или нажать на какую-нибудь кнопку — типа «полный вперед». Что-то такое.

— Успокойтесь, Артур Дент. Гавбэггер летит только туда, куда собирался по заранее составленному графику.

— Он ведь собирался на Землю, так ведь? Оскорблять землян?

— Совершенно верно.

— Ну что ж. Последняя колония землян расположена в этом вашем темном созвездии. Разве не может Гавбэггер оскорблять землян там?

— Логично. Убедительно излагаете дело, Артур Дент.

Необходимое пояснение. На протяжении всей известной нам истории способность людей «убедительно излагать дело» ценилась весьма высоко, однако толку от нее было ненамного больше, чем от предложений «разумно обсудить происходящее» или «отбросить все, что нас разделяет». Люди, использующие подобную тактику, как правило, хотят как лучше, и из них выходят замечательные ораторы или детсадовские воспитатели, но ставить их к рулю в ситуациях, когда на кону людские жизни, ни в коем случае не стоит. Неуместные реплики типа «я знаю, мы не всегда смотрим друг другу в глаза...» чаще всего пускают переговоры по наклонной прямым путем к катастрофе, особенно если представитель другой расы завидует вашим органам зрения или слышит в ваших словах покровительственные нотки. Залогом успешных переговоров является сила... ну, или хотя бы ее имитация. Являться на встречу в свободных одеждах, благоухая хорошими духами, и с искренними намерениями сгладить противоречия почти гарантированно означает угробить всех, кто от тебя зависит. Генерал Аньяр Циста, признанный мастер ведения переговоров, заявил как-то раз, что, будучи на работе, не произносит ни одной фразы, в которой не было бы по меньшей мере одного «зарка», двух «дерымо» и с пол-дюжины «жоп». Самое последнее его заявление вообще состояло из одного «дерымы» и было адресовано собственной толстой кишке, ибо бесконечные часы, проведенные генералом за столом переговоров, имели следствием хронический запор. Увы, стенки кишечника у голгафринян чрезвычайно тонки и очень легко травмируются, поэтому последнее заявление генерала Аньяра Цисты, можно сказать, его и убило.

— Ты абсолютно права, — согласился Артур. — Я изложил свое дело предельно логично. И хочу изложить еще раз — Гавбэггеру, и немедленно.

— Только, возможно, я бы не размахивала при этом так руками, — предложил образ Фенчёрч. — И я бы предложила добавить в изложение один-два «зарка» и, возможно, парочку «п&доболов».

Гавбэггер сидел в своем любимом виброкресле на мостице, честно стараясь не переводить разговор на себя, любимого. Снаружи, за пределами защищавшего корабль силового поля, обломки Земли походя разнесли в пыль Луну, и образовавшееся пылевое облако медленно дрейфовало в направлении Венеры.

— Гляньте, Триллиан Астра. Вот сейчас еще одна планета погибнет. Спросите у меня что-нибудь об этом, или еще о чем. Я много чудес повидал.

Триллиан не хотела отвлекаться на всякую ерунду. Одна возможность получить развернутый рассказ о Гавбэггерее заставила бы любого редактора суб-эты напускать слюней в свой обезжиренный, низкокалорийный, низкоуглеводородный суррогат кофе.

— Людям интересно узнать о вас как можно больше. Кто он, этот зеленый инопланетянин, бороздящий Вселенную с целью оскорбить всех до единого ее обитателей в алфавитном порядке?

— Видите ли, сейчас я это делаю уже по-другому. Некоторое время вся эта затея с алфавитным порядком меня забавляла, но постепенно я сделался ее рабом. Люди ожидали моих оскорблений и начали отвечать тем же.

Рэндом оторвалась от листа бумаги, на котором рисовала флабузов, одного грознее другого.

— Что, говорили что-нибудь вроде «жалкий лузер»?

— Не буквально так, но да.

— Или: «Вот не знала, что яшерицы тоже носят костюмы»?

— Раз или два. Послушай, я разговариваю с твоей матерью...

— Или: «А что, там, откуда вы родом, этот запах считается приятным?»

Триллиан заключила дочь в объятия, подозрительно напоминающие удушающий захват.

— Я тебя не брошу, милая. Никогда-никогда. Так что вполне можешь обойтись без враждебности.

— Лучше бы *бросила*, — окрысилась Рэндом. — Очень даже без тебя неплохо было.

Триллиан оскалила зубы в том, что, как она надеялась, напоминало полную любви улыбку, и вернулась к своему интервью.

— Значит, вы отказались от алфавитного подхода?

— Да, — кивнул Гавбэггер. — Теперь я обслуживаю планеты целиком. Так гораздо проще, мне не нужно выслушивать каждого отдельного дилетанта, пытающегося переплюнуть меня. Я просто выхожу на орбиту и сбрасываю в атмосферу инфо-бомбу. Каждый житель получает на мыло по персональному файлу. Поверьте, стоит вам нажать на кнопку «воспроизведение», и у вас не останется ни малейших сомнений в том, как я отношусь к братьям по разуму.

— И как вы к ним относитесь?

— Они же все смертные. Я их презираю.

— Значит, за всей этой отчужденностью кроется простая злоба?

— Как? Вы полагаете, мне доставляет удовольствие сквернословить?

— А разве нет?

— Ну... да. Доставляет. Даже сильно доставляет. Но дело не только в этом...

И тут Гавбэггер поведал Триллиан нечто такое, чего никому еще не говорил. Может, виной тому был ее хрипловатый, почти гипнотический голос, а может, просто пора настала поделиться этим с кем-нибудь.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь меня убил. Хоть попытался.

О Господи, подумала Триллиан. Только бы диктофон не подвел.

Она покосилась на свои наручные часы и с облегчением увидела мигающий огонек индикатора записи.

— Серьезное заявление.

— П-пожалуй, д-да, — согласился зеленый звездолетчик.

Необходимое пояснение. Это первый известный случай, когда Гавбэггер начал заикаться — если не считать его путе-

шествия в систему Кастора, где ругательство «г-г-грюнти-вертец!» удваивает свою оскорбительность с каждым добавленным «г».

— Самому не верится, что рассказал вам об этом.

— Мне тоже, мистер Гавбэггер.

— Мне кажется, с этой минуты вы можете называть меня Тяверик.

— Тяверик?

— Так меня зовут. Мой отец обладал специфическим чувством юмора. Тяв Гавбэггер, а?

— О да, — согласилась Триллиан, вдруг совершенно забыв о своем диктофоне.

Вселенная терпеть не может, чтобы лирические моменты вроде этого затягивались, поэтому, как правило, всегда имеет в запасе несколько помех для интима, соперничающих друг с другом за право называться более досадной. В данном случае первым претендентом стала Рэндом Дент, которая не удержалась от брезгливой мины, прежде чем второй раз выбежать из рубки. Однако лавры победителя, несомненно, снискал ее отец, Артур Дент. Его комедийный выход полностью уравновесил слашавость сцены, восстановив тем самым порядок Вселенной.

— А ну, зарк вас подери! — рявкнул Артур, врываясь на мостик. — Нам нужно немедленно разворачивать это корыто с дерьямом и тащить свои п&&добольские задницы в темное созвездие Соульяниса и Рамма!

— Трррям-тара-рам-там-там! — протрубил компьютер в попытке усилить драматический эффект.

В этом месте за экраном полагается греметь громовому, прямо-таки космическому хохоту, на фоне которого компьютер произносит финальную реплику сцены:

— Немножко резковато вышло, да? Ну, тогда извините. И кстати, что такое «п&&добол»?

6

Планета Бабуля

Глубоко в недрах темного созвездия Соульяниса и Рамма прячется маленький планетоид, подобно елочной игрушке повисший на одном из завитков-псевдоподий созвездия. В нарушение всех вселенских законов гравитации эта карликовая планета (№ по каталогу МРВ-1001001) обращается на расстоянии в 150 000 000 километров от поверхности Рамма. Именно в этом месте облака межзвездной пыли, водорода и плазмы расступаются, открывая оазис чистого пространства, пронизанного свежим солнечным ветром.

Крошечной планетке под названием Бабуля удается сопротивляться притяжению звезды по причине необычайно высокой массы (которой она обязана сверхплотной материи, добываемой в белых дырах), а также благодаря вращающейся динамической оболочке из пяти тысяч сервомеханических дюз. Местоположение планеты обеспечивает благоприятный температурный режим, способствующий развитию жизни на пространствах суши, в глубинах лазурных океанов и во множестве фьордов, вообще-то необычных для планеты, не знавшей ледникового периода.

География Бабули — мечта картографа. Фактически она сводится к единственному материку-пангее, вытянувшемуся вдоль экватора и окруженному чистыми, не знавшими промышленного загрязнения морями, кишащими рыбой, которая буквально только и ждет, чтобы ее поймали.

Необходимое пояснение. В данном случае слово «ждет» надо понимать абсолютно буквально. Большие емельянские железно-спинки, например, верят в то, что удочка выдергивает их из моря греха в рай, поэтому сами толпятся во фьордах в ожидании очереди проглотить крючок. Некоторые неточности этой легенды становятся очевидны в момент, когда их снимают с крючка и кидают на сковородку, но такова сила веры, что все остальные, на кого еще не сизошла благодать, распевають псалмы в ожидании обещанного золотого шарика на живки.

Официально континент называется Иннисфри — в честь острова на озере Слигоу в Ирландии на только что уничтоженной планете Земля. Остров знаменит тем, что на нем снимался фильм «Тихий человек». Больший из двух расположенных на континенте городов называется Конг в честь деревушки, где, собственно, и снимался фильм. Названия выбирал чиновник, занимавшийся регистрацией планеты, некто м-р Хиллмен Хантер*.

Хиллмен Хантер не слишком религиозен, но хранит веру в заведенный порядок вещей — в тех случаях, когда этот заведенный порядок поддерживается ради работодателя. Хиллмен Хантер верит в деньги, а зарабатывать во времена анархии намного сложнее. Как, скажите, скромному деловому человеку урвать несколько лишних монет в условиях, когда всякое быдло не питает должного уважения к тем, кто его заслуживает, а Большого Босса, который заставил бы всех вести себя как положено, нет? Людям необходим хоть какой-нибудь бог, дабы указывать им на место, и место это должно в идеале находиться как можно ниже Хиллмена Хантера.

Необходимое пояснение. Понимание религии как полезного инструмента, помогающего богатым оставаться богатыми,

* Подобно «Форду-Префекту», «Хиллмен-Хантер» — название английского легкового автомобиля конца 50-х гг. XX века. — Примеч. пер.

а бедным принимать это как должное, возникло на заре времен, когда какому-то продвинутому двуногому жабоиду удалось убедить остальных жабоидов в том, что Всемогущая Кувшинка согласна покровительствовать их тихой заводи и охранять ее от нашествий хищных щук только в том случае, если будет получать хотя бы раз в две недели по пятницам подношение в виде некоторого количества мошек и мелких рептилий. Подобный распорядок благополучно продолжался почти два года, пока божеству по недосмотру не поднесли недобитую рептилию — та очнулась и слопала продвинутого двуногого жабоида, а потом и саму Всемогущую Кувшинку. Сообщество жабоидов встретило освобождение от религиозного гнета с восторгом и закатило по этому поводу рейв-пати на всю ночь с потреблением галлюциногенных листьев и прочими излишествами. К сожалению, шумели они сильнее обычного, чем и привлекли к своей заводи внимание случайно проплывавшей мимо щуки, которая не пощадила никого.

В общем, Хиллмен Хантер и сам поверил в то, что этому новому миру необходим бог, который отдавал бы распоряжения, карал грешников и объявлял, какого вида сожительства в его глазах предпочтительнее, а какого — порочны. Поскольку создавали Бабулю, несомненно, магратиане, а не Бог, то и правящего божества на планете не оказалось, что вызвало в обществе некоторые дебаты. Естественный порядок вещей рушился к чертовой матери, и самые разные люди начинали считать себя равными тем, кто, понятное дело, равен, но не тем, кто ниже их — а это уже близко не лежало к религии. Хиллмен решил, что для восстановления порядка просто необходимо наличие хорошего, эффективного бога, поэтому в тот четверг он устроил в маленьком конференц-зале городской ратуши собеседование с претендентами на это место.

Конг-таун, Иннисфри, планета Бабуля

Массивный антропоид неловко угнездился в кресле, с трудом втиснувшись свои гротескным чешуйчатым телом между подлокотниками. С подбородка свешивались бородой длинные, покрытые присосками щупальца; откуда-то со дна

глубоких расселин мясистого лица поблескивали жесткие темные глазки.

Хиллмен Хантер перелистал страницы резюме незнакомца.

— Значит, мистер Ктулху, так?

— Гммм, — отозвалось существо.

— Отлично, — кивнул Хиллмен. — Немного туманно... в божествах мне такое нравится. — Он заговорщики подмигнул. — И все-таки полноценного собеседования у нас не получится, если мы не узнаем от вас чего-нибудь еще, а, мистер Ктулху?

Ктулху пожал плечами; в мечтах ему уже виделось несколько дней разнужданного геноцида.

— Ладно, давайте-ка начнем представление, — жизнерадостно продолжал Хиллмен. — Или, как говорят у нас на Бабуле, докурили, сплюнули, взяли лопату и гребем дальше... судя по всему, это каким-то образом связано с очисткой проезжей части после прохождения по ней стада крупного рогатого скота. А между прочим, мистер Ктулху, так я и начинал свою карьеру: продавал сухой навоз в качестве топлива. И посмотрите, кто я теперь: управляю целой планетой!

Хиллмен хохотнул, звук этот странно напомнил отказывающийся заводиться ржавый движок.

— Простите, мистер Ктулху. Видите ли, у себя на родине я смолил как паровоз, а времени починить легкие не было. Откуда тут свободное время, если оно все уходит на руководство этими чертовыми недоумками? — Он еще раз порылся в страницах резюме. — Что ж, посмотрим. Что тут у нас? С божеством какого калибра мы имеем дело? Ага... Значит, вы были популярны примерно сто лет назад... стараниями некоего Лавкрафта? Но потом уже не так?

— Ну, сами понимаете, — отозвался Ктулху голосом ожившего бронзового изваяния. — Наука и все такое. Неважно оказывается на нашем бизнесе. — При разговоре со щупальцами его капала какая-то прозрачная слизь. — Некоторое время я еще ошивался в Тихом Океане... пытался вселить в души тамошних жителей хоть немного страха. Но у людей нынче есть

пенициллин, и даже многие бедняки умеют читать. И читают. С чего бы им теперь желать богов?

Хиллмен согласно кивал.

— Вы совершенно правы, сэр. Совершенно правы. Люди вообразили, будто они слишком хороши, чтобы верить в богов. Слишком хитры. Но не здесь, не на Бабуле. Мы — последний форпост земной цивилизации, и мы не дадим себя уничтожить из-за того, что по недоумию прогнали своего защитника. — По мере того, как Хиллмен произносил свою краткую речь, щеки его розовели все сильнее — от гордости, наверное. — Еще один вопрос. Наш последний бог был, того... немного недоступен. Посыпал к нам сына, но сам почти не показывался. Мне кажется — не поймите это как неуважение к нему, но все-таки, — он совершил ошибку. Я искренне верю в то, что он не пожалел бы личных сил и времени, если бы только его могли попросить об этом. Так вот, мистер Ктулху, мне хотелось бы знать: будете ли вы, так сказать, богом — играющим тренером или проживающим где-то там землевладельцем?

Этого вопроса Ктулху ожидал; не далее как минувшей ночью он репетировал ответ на него с Хастуром Непроизносимым.

— О, ну конечно же, — сказал он, подавшись вперед, чтобы заглянуть собеседнику в глаза, как это посоветовал ему Хастур. — Времена слепой веры прошли. Люди имеют право — более того, должны — знать, кто благословляет их урожай или требует в жертву девственниц. А теперь я, пожалуй, отвернусь, ибо слишком пристальный взгляд в упор может свести вас с ума.

Хиллмен тряхнул головой, чтобы отделаться от внезапно накатившего на него оцепенения.

— Отлично. Отлично. Ну и взгляд же у вас, мистер Ктулху. Не отказался бы иметь такой в арсенале.

Ктулху отозвался на комплимент равнодушным взмахом щупальца.

— Тогда за дело, так? Как вы намерены держаться на рыболовавилонских дебатах? Ну, типа «факты опровергают веру» и все такое?

— Мои подданные получат и факты, и веру, — убежденно заявил Ктулху. — Я заберу их всех в рабство, а слабых растопчу в грязь.

— Я вижу, вы партнер решительный, — усмехнулся Хиллмен. — Опять-таки, я полагаю, что вы на верном пути... ну, конечно, можно чуть поменьше рабства и растаптывания. Слабых у нас здесь в достатке, но они относятся к самым убежденным сторонникам церкви — какую бы церковь мы им ни предложили. Церковь строят деньги — или, как говорят у нас на Бабуле, чем больше бабок, тем больше баба.

— Бабок? — переспросил Ктулху в некотором замешательстве, а ведь вогнать одного из Великих Древних в замешательство не так-то просто.

Хиллмен почесал подбородок.

— Если честно, я так и не понял, почему их называют «бабками». В общем, суть в том, что без бабок бабы не получишь — ну, так я, во всяком случае, это понимаю.

— Гмммм, — заметил Ктулху.

— Ладно. Продолжим стандартные вопросы. Допустим, ваша кандидатура будет одобрена. Каким вы видите свое положение через пять лет?

Ктулху просиял.

Спасибо, Хастур, мысленно произнес он.

— Через пять лет я вырежу эту планету, пожру всю молодежь и воздвигну гору из ваших черепов в мою честь, — выпалил он и удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Коротко и ясно, как и советует учебник.

С губ Хиллмена сорвался неуверенный смешок.

— Гора из черепов? Ну же, мистер Ктулху! Вы всерьез полагаете, что богам положено сейчас заниматься именно этим? Мы же с вами живем в эпоху межзвездных путешествий. Путешествий во времени. Нам на Бабуле нужен бог из тех, каких я называю ветхозаветными. Решительный, да. Каюющийся, фантастический. Но неразборчивое пожирание молодежи? Эти времена давно прошли.

— Много вы знаете, — пробормотал Ктулху, закинув ногу на ногу.

Хиллмен потыкал пальцем в резюме.

— С вашего позволения, мне хотелось бы прояснить один вопрос. Вот тут, в графе «статус» написано: «мертв, но видит сны». Могли бы вы объяснить это? Вы мертвы, сэр?

— Можно сказать, мертв, — признал сочавшийся слизью антропоид.

— Вид у вас не слишком мертвый.

— А, да, но это мелкое тельце — это не я. — Ктулху потыкал в свое тело щупальцем. — Это всего лишь мои мысли, материализованные темными, ужасными силами. Я ношу это тело до тех пор, пока на службу не призовут истинного меня. Истинный я несколько крупнее.

— Простите, что заостряю внимание на этом вопросе, но вы все-таки мертвы?

— В настоящий момент — да. Да. Я вынужден признать, что это так.

— Но боги не умирают. Вся суть в этом.

Ктулху пожалел, что с ним нету Хастура. Хастур неплохоправлялся с воскрешениями.

— Ну... это так, да. Впрочем, полагаю, с формальной точки зрения — я подчеркиваю, только с *формальной* — я не совсем бог. Я из Великих Древних. Можно сказать, полубог.

Хиллмен захлопнул папку.

— О, — произнес он. — Ясно.

— Это же примерно то же самое, — не сдавался Ктулху. — Я делаю все то же, что они — явления, непорочные зачатия, все прочее в этом роде. У меня членские карты Асгарда и Олимпа. Золотые.

— Все это хорошо, даже прекрасно. Но...

— Ладно, можете не продолжать, — буркнул Ктулху, забрызгав слизью стол. — Вы, люди, всегда такие. Никаких шансов для маленького божества.

— Не в этом дело, сэр. Я ничего не имею против вас и вам подобных... просто в объявлении черным по белому значилось: «бог первого разряда». Я не сомневаюсь, вы можете делать очень много всякого, но нам нужен кто-нибудь более

основательный. Кто-то главного калибра. И уж, во всяком случае, не тот, кто может умереть.

Ктулху в гневе вскочил с кресла.

— Да я тебе башку раскрою, — прогрохотал он. — Я нашлю на твою землю мор и засуху! — Впрочем, шансов получить место у него определенно не было, так что фигура его начала бледнеть, делаясь все прозрачнее. — Я оторву твою голову с плеч и выпью...

И с этими словами исчез, оставив после себя запах гниющих водорослей — так пахнет в порту во время отлива.

Выпьет мое... что? — гадал Хиллмен Хантер, карябая на обложке резюме Ктулху жирными буквами: «**ОТКЛОНЯЕТСЯ**».

Кровь, скорее всего. Ну, разве что спинномозговую жидкость.

Он откинулся на спинку кресла и включил массажер. Вообще-то Хиллмен отличался позитивным взглядом на вещи, стараясь во всем находить свои плюсы, однако эти поиски бога начинали действовать на него угнетающе. До сих пор ни одно собеседование не удовлетворило его стандартам. Эксцелло, бог-робот. Владирский, повелитель вампиров. Ну, Геката обладала кой-какими полезными навыками, но увы, принадлежала к женскому полу. Богиня Бабули? Спасибо, увольте.

И — как будто поиска богов недостаточно — ему приходилось еще разбираться с конфликтом в соседней колонии. Убийство из-за куска сыра — нет, вы только слышали? Ну, конечно, кто откажется от ломтика чеддера на кусочке поджаренного хлеба — но стоит ли ради этого умирать? А еще проблема с прислугой: они словно сговорившись бежали из города один за другим. Нет, определенно случались дни, когда Хиллмен Хантер с удовольствием не вылезал бы из постели.

— Все, чего тебе не хватает — это чашечки доброго чая и нескольких печенек! — произнес Хиллмен скрипучим голосом своей бабушки. Он часто вспоминал ее, собираясь с духом. — Выпьешь и будешь просто супер.

Даже одной мысли о чае хватило, чтобы немного поднять ему настроение. В конце концов, что за ирландец без чая?

— Давай отрывай задницу от стула, — произнес он в лучших традициях Бабули. — Эти бедолаги ждут тебя не дождутся.

И он не ошибался. Колонисты не могли обойтись без него, особенно после похищения Жан-Клода. Бабуле не хватало одного: настоящего, живого бога, который навел бы громом и молнией некоторую дисциплину среди ее жителей. Но как, скажите на милость, заманить хорошего, перворазрядного бога на захолустное ответвление западной спирали в темном созвездии Соульяниса и Рамма? Придется наобещать ему один черт знает каких льгот, иначе никак.

На всякий случай Хиллмен записал адресочек Ктулху в суб-эта-сети. Мало ли чего.

Необходимое пояснение. Боги появились на свет спустя миллионную долю секунды после Большого Взрыва, из чего в общем-то следует, что вовсе не они создали Вселенную, а скорее даже наоборот. В сакральных кругах к этой теме относятся болезненно и стараются не касаться ее в беседах. Если какой-нибудь журналист наберется дерзости затронуть эту тему, его с большой степенью вероятности покарают, причем кара будет на редкость причудливой и изобретательной. Большинство богов прожили столько, что у них собраны целые библиотеки, посвященные причудливым и изобретательным карам. Совсем недавно, каких-нибудь десять тысяч лет назад, на Олимпе устраивали семинары по этому предмету. Правда, семинары пришлось довольно скоро прекратить, поскольку все больше мелких богов и полубогов использовали их качестве повода потусоваться, побухать и потрахаться, в результате чего наподобилось столько божественных отпрысков, что на них и мифологии не хватало. Кстати, участниками этих же семинаров был учрежден ежегодный приз Ключей Рыбы-Шар. Названием своим приз обязан знаменитой шуточке Локи, который превратил одного сексуального маньяка в рыбу-шар, яд которой убивал всех, кого тот пытался приобнять. К наиболее известным обладателям приза относится Хейндалль, в приступе гнева пре-

вративший бригаду каменщиков в стену, которую они отказались достроить. Другой приз достался Дионису за то, как он покарал сэра Смуга Наутолла, популярного актера с Благуона Каппы, чья пьеса «Спектакль для богов» изображала последних без должного к ним уважения. Вообще-то Дионис, можно сказать, покровительствовавший театральному искусству, отличался либеральностью взглядов и не имел бы ничего против этого спектакля, когда бы не сцена, в которой лично он был выставлен непросыхающим, страдающим запорами идиотом. Указанная сцена столь разъярила Диониса, что он обрек Наутолла на вечное пребывание в шкуре карнавального осла, причем в задней ее части, тогда как маячившие в паре дюймов от его носа ягодицы представляли собой лица двух его злейших критиков, наперебой декламировавшие самые уничтожительные свои рецензии. Абсолютная классика жанра.

Миллионы лет боги развлекались подобным образом, раскатаив по небу на своих колесницах, являя себя одновременно в нескольких разных местах, демонстрируя свое всезнайство и все такое — и так до тех пор, пока наука не достигла такого уровня, что смогла воспроизвести многие из их трюков. Теперь благословение урожая не казалось больше чем-то совсем уж выдающимся, как это было прежде. Что касается рожающих девственниц, так их хватало во все времена; более того, во многих цивилизациях непорочному зачатию отдавалось предпочтение: это заметно уменьшало количество браков по залету, да и родители чувствовали себя значительно спокойнее, поскольку не беспокоились о том, что их дети займутся какой-нибудь гадостью с незнакомцами. Последней каплей для богов стала история с сыном Локи, великаном Фенриром — тот попытался произвести впечатление на остатки своей пасти, с разгону въехав на космическом байке в белую дыру. Единственной частью Фенрира, сохранившейся после прыжка, стал один из его коренных зубов, который до сих пор обращается светящимся астероидом вокруг Сагара-7; все, на что он способен — это слегка влиять на циклы приливов да еще транслировать ясновидцам неразборчивые сообщения. Эта история произвела на богов устрашающее впечатление (на всех, кроме Одина: согласно пред-

сказанию, с приходом Рагнарёка Фенриру полагалось его, Одина, сожрать, так что он только посмеивался в кулак), и они разъехались по родным мирам, поклявшись никогда больше не сочетаться со смертными (в действительности эта фраза звучала так: «Смертные? Да зашибись они конем!», — что на слух значительно уступает подобающим богам «клянусь», «никогда больше» или «сочетаться»). Настолько серьезно отнеслись асы к этой клятве, что окружили свой мир, Асгард, сплошным ледовым барьером, оставив всего один проход, Мост-Радугу, охранявшийся всевидящим богом Хеймдаллем.

Посетители не поощрялись.

Точнее сказать, посетителей активно отпугивали свирепые драконы-людоеды, вынимающие душу своим пением сирены-суккубы, а также т. наз. «флютинг» — изощренные норвежские ругательства, касающиеся преимущественно гениталий и особенностей происхождения оскорбляемого.

С тех пор боги действительно не желают иметь никаких дел со смертными. Особенно с пронырливыми журналистами, а еще больше — со святошами, рассчитывающими на какого-либо рода божественные награды. Однако самым нежеланным гостем в Асгарде считается президент Галактики Зафод Библброкс, и каждому охраняющему покой богов дракону дали на всякий случай понюхать одну из его старых футболок.

Борт «Золотого сердца»

Корабль несся сквозь разноцветное, разнофактурное пространство, находясь одновременно везде. Со включенным невероятностным двигателем он становился буквально единственным целым со Вселенной — и так до тех пор, пока координаты не совпадут с заложенными в программу, тумблеры не щелкнут, и корабль не вынырнет в нужной точке, напугав до чертиков того, кто парковался на соседнем посадочном месте. Впрочем, до этого момента могло произойти абсолютно все, что угодно, особенно самое невероятное, которое ста-

ло бы соответственно вероятным, чтобы затем превратиться снова в невероятное — и так до бесконечности.

Большинство пассажиров предпочитают сидеть при невероятностных перелетах с закрытыми глазами, чтобы защитить психику от происходящих вокруг невероятностей, однако Зафод, напротив, часто оттягивал веки пластырем, чтобы не пропустить ни единой детали.

За время перелета к Асгарду из загробной жизни вынырнула, например, Диона Карлингтон-Хьюсни, некогда любимая певица (читай: проститутка) Зафода. Вынырнула и завела истерическим фальцетом песню — вполне возможно, проридческого содержания:

— О мой Зафод, люби-и-и-имый, вот-вот опустится кулак!

Ух ты, удивился Зафод. *Про меня уже песни поют. Клево.*

— Зафод, люби-и-и-и-и-имый, через стену — и вперед!

Зафод попробовал аплодировать, но руки куда-то подевались в невероятностном пространстве.

— Классно выглядишь, Диона. Просто здорово. Никакого разложения, ничего такого. Я всегда надеялся, что загробная жизнь окажется именно такой.

Диона уперла три руки в бедра, не отпуская четвертой микрофонную стойку.

— Вы меня не слушаете, господин президент.

— Я не собираюсь слушать. Я хочу задавать вопросы. Скажи: там, где ты сейчас — там много суб-эта-каналов? Я люблю «Прогулку со звездами». А ты?

Диона отмахнулась от такой ерунды и продолжала песню.

— Зафод, люби-и-и-имый, пройди по этому мосту...

— А с бухлом у вас как?

— Ему ты имя назови, тайное имя его — и внутрь запустит он, ту-ту-ту!

— Ладно, ладно. Мосты, шмосты... Нет, серьезно — что ты такого с собой сделала, что смотришься так обалденно?

Диона вспыхнула.

— Прав был твой дед, когда не советовал мне идти. «Этот парень просто идиот, — именно так он и сказал. — Он тебя все равно слушать не будет. Не будет — и все тут!»

— Это была загадка, — возмутился Зафод. — А я загадок не люблю... там думать надо.

— Загадка! Это всего лишь чертов детский стишок! Любой дурак отгадает!

Зафод нахмурился.

— Что там? Стена... мост...

— И тайное имя. Ну же, господин президент. Это очень важно.

— А разве про кулак там ничего не было? Я люблю про кулак... особенно когда большой палец вверх оттопырен. Я как-то мультик видел, так там один чувак себе этим пальцем в глаз попал, а...

— Ох, заарктурь вашу медь, — взорвалась Диона и тут же превратилась в ледяное изваяние себя самой, которое начало таять. Капли в невесомости летели вверх и звонко разбивались о потолок.

— Да, чего-чего, а пела эта девица всегда клево, — пробормотал Зафод, откинулся на спинку кресла и принялся ждать новых фокусов невероятности.

Он увидел два неописуемых новых цвета; его мозг успел только сообразить, что какие-то они неверные и угрожающие, а потом обшивку корабля пронзило что-то острое и зазубренное, словно на «Золотое сердце» напал какой-то огромный шипастый зверь.

— Уй-я! — взвыл Зафод, когда один из шипов едва не угодил ему промеж ног. — Долго еще до возвращения к нормальности, а, Левый Мозг?

Левый Мозг послушно вынырнул из контейнера с гелем-электролитом на главном пульте управления.

— С таким окружением никогда не знаешь наверняка, — признался он; комки геля стекали с его лишенной опоры шеи и шмякались обратно в контейнер. — В реальном времени примерно пять секунд, но сколько это покажется нам здесь, сказать трудно.

Нормальность вернулась под ржание крошечных пони и марш бойкой компании скелетов из одного угла мостика в другой.

— Я вижу, вижу сквозь тебя, — распевали скелеты. — Ты можешь видеть сквозь меня?

А потом и пони, и скелеты исчезли, и на мостике все снова сделалось как обычно, как в нормальной жизни — ну, если не считать, конечно, что корабль вела через Вселенную голова без тела.

Зафод поморгал немного.

— Мы в норме, Левый Мозг?

Левый Мозг просканировал рубку своими инфракрасными датчиками.

— Так точно, Зафод. Невероятностный двигатель выключен, и мы снова находимся в реальном пространстве.

— Вот и отлично, — обрадовался Зафод, отстегиваясь от кресла. — А то у меня порой проблемы — не могу понять, что на самом деле, а что нет.

Он бойко вскочил на ноги и, звонко цокая серебряными набойками по керамическому полу, подошел к широкому панорамному иллюминатору.

— Так-так, что у нас здесь? Планета, сплошь покрытая льдом. Совершенно то, чего я не ожидал увидеть. Тьфу, то есть, ожидал, но не то. Я надеялся увидеть этот лед с той стороны. Почему мы с этой стороны барьера, Левый Мозг? Ну почему, ну почему?

Левый Мозг зажмурил один глаз и сделал серьезное лицо, анализируя поток данных.

— За время, что прошло с нашего прошлого визита, асы установили новый барьер.

Зафод взмахнул кулаком — ни дать ни взять, раздосадованный философ, пытающийся вдолбить концепцию экзистенциализма в голову прагматика.

— Чтоб их, этих изобретательных бессмертных со всеми их бородами и рогатыми шлемами. Я-то думал, невероятностной тяге эти барьеры не страшны.

Левый Мозг еще мгновение помолчал, просчитывая что-то в уме, потом прокашлялся.

— Ты серьезно в это верил? Ой, не смеши.

Зафод крутанулся на месте и попытался отвесить Левому Мозгу плюху в стиле боевого искусства Ду-Братан, однако

промахнулся на несколько футов, зато собственный его живот громыхнул как барабан.

Необходимое пояснение. Удар президента Библброка был обречен с самого начала, поскольку древнее искусство Ду-Братан изобретено шалтанами с Броп-Кидрон 13, счастливой и исключительно мирной цивилизацией. Верченая плюха применялась там исключительно с целью стряхивать жопленику с дерева с минимальным ущербом для последнего. Любая попытка использовать Ду-Братан в агрессивных целях активирует заложенную в подсознание программу и перенацеливает удар на самого атакующего. Зафод же этого не знал, поскольку изучал технику удара по голограмме на оборотной стороне упаковки из-под чипсов.

— Право же, Зафод, — возмутился Левый Мозг, воспарив на безопасную высоту. — Нам надо делом заниматься... сейчас не время для твоих дурацких штучек.

— Для штучек время всегда подходящее, — простонал Зафод, скрючившись за креслом. — Что, как не штучки, заставляет меня вставать поутру?

Левый Мозг знал, что это правда, хотя так и не мог понять почему.

— Разве не за этим мы здесь, Зафод? Чтобы тебе было чем заняться?

Зафод осторожно ощупал живот.

— Я — Зафод Библброкс, башка ты бестелесная, и при том образе жизни, который я веду, мое скатывание по крутой наклонной — всего лишь дело времени. Так вот, я по мере возможности отложил бы этот процесс на неопределенный срок.

Левый Мозг приоткрыл глаз.

— Не думаю, чтобы это тебе удалось. Во всяком случае, с учетом нацеленной на нас огневой моши.

— Так это же замечательно! — вскричал Зафод, разом забыв про боль в животе. — Кажись, сто лет прошло с тех пор, как мы оказывались в стопроцентно безнадежной ситуации!

— Ну, не так уж и давно, — возразил Левый Мозг, выводя на главный экран входящий звонок.

* * *

— Нет, — безапелляционно заявил Хеймдалль, бог Света.

— Но я не...

— Нет! — повторил Хеймдалль. Его лысая башка заполнила собой весь экран; глаза горели красным, как два газовых гиганта.

Зафод сделал еще одну попытку.

— Но ты даже не знаешь, что я...

— Нет. Нет. Нет. Плевать мне на то, что ты хочешь, Библброкс. Хочешь знать мой ответ — так вот он: нет. А теперь невероятни себя куда-нибудь еще, пока я не спустил на тебя драконов.

— Да хоть выслушай меня, — взмолился Зафод.

— Нет. Нетушки.

— Пять секунд. От тебя ведь не убудет, нет?

— Нет. О чем бы ты меня ни спросил, ответ будет «нет». Только этого Зафод и ждал.

— Что, Тор дома? — выпалил он.

— Нет, черт меня подери, нет его! — заорал Хеймдалль, тряся от злости кончиками своих нафабренных усов.

— Правда?

Бог ослабился.

— Ну, вообще-то, да. Да, он дома. Ты же в гребаном Асгарде, так?

— Значит, дома! Могу ли...

— Нет. Вернемся к отрицательным ответам, друг мой. И учти, когда я говорю «друг мой», я имею в виду «ненавистный враг, которому я с удовольствием вырвал бы потроха, а потом посыпал бы соли на рану».

— Ну же, Хеймдалль. Забудем все эти недоразумения и поговорим как взрослые люди. Это важно.

Щеки у Хеймдалля раскраснелись так сильно, что казалось, голова его вот-вот взорвется как древняя чугунная бомба.

— Недоразумения? Недора... Зарквон меня подери! Ну и наглец же ты, Засрафод. У тебя наглости больше, чем в ведерке наглокамней.

Необходимое пояснение. Наглокамни не имеют никакого отношения к наглости; это просто светло-серые камушки с планеты Дамогран. Очень наглые.

— Из чего следует, что нам стоит оставить прошлое прошлому и начать все с чистого листа, верно? Мы же можем так? Мы оба разумные, взрослые люди.

— Мы, может, и взрослые люди — но посмотрел бы ты, в кого превратился Тор. После всего, что ты с ним сделал, он теперь просто комок нервов в рогатом шлеме.

— Вот потому мне и нужно переговорить с этим парнем. Типа объясниться.

Хеймдалль помолчал, успокаивая дыхание, потом подул на одетые в перчатку пальцы и помахал ими перед носом.

— Объясниться? — произнес он наконец. — Ты хочешь объясниться?

— Да, всего-то. Больше мне ничего от вас, чудо-богов, и не надо, — отвечал Зафод тоном, от которого сосуны-ползуньи с Сикофантазии мгновенно потянулись бы за гигиеническими пакетами. — Шанс объясниться и, возможно, принести извинения за мои типа прошлые ошибки.

— Извинения, да? — поперхнулся Хеймдалль. — Ну, пожалуй, тебе стоило бы принести извинения.

— Да. Да, конечно. Я каюсь и заслуживаю наказания.

— Знаю я, зачем ты здесь, — насупился Хеймдалль. — Подержать моего бога за нос. Чего еще от тебя можно ждать?

— Нет, я серьезно. Посмотри мне в глаза и сам убедишься.

Хеймдалль придвинулся к камере так, что глаза его заполнили весь экран. Взгляд таких глаз мог пронзить все жировые слои лжи и обмана и докопаться до лежащей под ними кости-истини.

— Что ж, ладно, Зафод Ублюдброкс. Выходи, поговорим насчет извинений.

— Выходить? Что, прямо в космос? А это не будет... гм... холодновато?

— Да не бойся, смертный. Высуну для тебя пузырь атмосферы, так уж и быть.

— Так что, просто выходить?

— Ты, Зафод, выходиши. Один. Даю минуту на размышление.

Левый Мозг подплыл и остановился у плеча Зафода.

— Мне кажется, тебе лучше выйти, — сообщил он. — И не переживай. Думаю, со мной ничего не случится — в кораблете. И я уверен, пузырь атмосферы тоже не подведет.

— Проверить можешь?

Левый Мозг на мгновение нахмурился и тут же вздрогнул, когда в его стеклянном пузыре полыхнул электрический разряд.

— Компьютер Асгарда явно не хочет делиться информацией. — На внутренней стороне стекла засуетились крошечные паучки-роботы, отчищая его от копоти. — С этой чертовой планетой не связаться. Боюсь, за бортом ты окажешься без нашей поддержки.

Зафод вздохнул и одернул плащ.

— Знаешь, Левый Мозг, люди вроде меня... ну, те, кто понастоящему велики, — мы всегда одиноки.

Левый Мозг кивнул.

— Это все очень мило, только вот свет я не настроил. Дай мне секундочку подготовиться, потом повтори, ладно?

— Идет. Оттенок потеплее, пожалуйста. И чтобы не в лоб. А то волосы кажутся реже, чем они есть на самом деле.

Левый Мозг поколдовал с освещением и навел на Зафода желтый луч софита.

— Готов?

— Как бы ты охарактеризовал мой стимул, а?

— Величие. Чистое, ничем не помраченное величие.

Зафод мрачно кивнул и откашлялся. Потом щелкнул пальцами и медленно, торжественно заговорил.

— Люди вроде меня... — начал он, и тут Левый Мозг ответил шлюз и вышвырнул его в космос.

Необходимое пояснение. В божественном табеле о рангах Асы, боги Асгарда, занимают далеко не самые первые строки. При том, что им поклоняется больше тысячи миров, они с немалой натяжкой могут именоваться богами среднего разряда. Зевс, прародитель конкурирующего клана олимпийцев, часто и прилюдно заявлял, что даже пузырьки из его пупка размером

больше, чем Асгард, но это скорее всего просто попытки подразнить легендарную планету Одина. Вражда Одина с Зевсом насчитывает не одну тысячу лет — с тех пор как Зевс при одном из посещений Одином старушки-Земли превратил того в дикого кабана. Однако даже при том, что богам Асгарда далеко до уровня популярности олимпийцев или даже некоторых новых богов вроде Пасты-Фасты, начинавшего свою карьеру эмблемой сети ресторанов, их вклад в поп-культуру неоценим — в первую очередь благодаря рогам, которые использовались ими для украшения шлемов, в качестве музыкальных инструментов и, главное, в качестве сосудов для пива. Ученые давно уже пришли к выводу, что фраза «а не опрокинуть ли нам рог пива» спасла не одну цивилизацию от затяжной планетарной войны.

Хеймдалль, бог Света, дал Зафоду побарабататься в пустоте добрых двадцать девять секунд и только потом поймал его и сунул в спасительный атмосферный пузырь. На протяжении этих двадцати девяти секунд Зафоду Библброксу пришлось думать про себя, а не оглашать свои мысли Вселенной, как он привык делать при обычных обстоятельствах. Эти необычные переживания нашли отражение в часто цитируемом «Внутреннем монологе Библброкса», известном в двух вариантах: официальном, который Зафод опубликовал после выходных, проведенных в поместье писателя Уулона Коллуфика, и неофициальном, телепатически уловленном Левым Мозгом и включенном в его мемуары «Жизнь в аквариуме». Ниже приводятся оба текста, так что вы сами можете решить, какой из них точнее.

Официальный вариант

Итак, час пробил. Я исполнен скорби — не за себя, но за тех, кому не выпало ослепительного, близкого к экстазу счастья встретиться при жизни с Зафодом Библброксом. Я полагаю, имя мое сохранится в памяти народной. За время недолгого своего существования Библброкс успел-таки кое-чего совершить. Каким меня запомнят благодарные потомки? Возможно, вспышкой сверхновой — небесным телом, что сияет в ночном

небе, светом в ночи, что дарит ощущившим на лице его тепло восторг... и, может быть, надежду. Что ж, мне хватит и того. Найдутся позже те, кто меня восславит — как пророка, бунтаря, а может, и того, кто как никто другой мог женщин ублажать. Хвалу приму я с подобающей скромностью, но если б мог сам выбрать себе эпитафию, сказал бы просто: Зафод Библброкс удивил всех. В хорошем смысле, конечно.

Неофициальный вариант

Ох, блин. БЛИ-И-И-И-И-И-ИН БЛИНСКИЙ! Всюду космос, и воздуха ни капли! Прическа сбьется... И я всегда распухаю в невесомости. Хеймдалль, ублюдок чертолов! О! Шарик ледяной! Гладкий, блестящий, так и хочется лизнуть. Какие я надел трусы? При вскрытии такие детали существенны... Надеюсь, новые, со впитывающим слоем... Форд, братушка... Нам было весело вдвоем — но мне всегда чуть веселей. Надеюсь, это получит широкое освещение в прессе. В конце концов, не каждый день президента Галактики выбрасывает из шлюза его собственная голова.

Имелся еще и третий вариант, мелькнувший где-то в глубине сознания Зафода. Левый Мозг его не услышал, а сам Зафод не запомнил.

Что ж, гласил скрытый внутренний монолог Зафода, задержать дыхание я не успел — значит, легкие останутся целы. Но из этого же следует, что у меня в распоряжении осталось меньше, чем полминуты, а потом лишенная кислорода кровь дойдет до мозга. Я мог бы распорядиться временем гораздо лучше...

Асгард

Бог Света не без удовлетворения наблюдал за мучениями Зафода, стоя на пороге Бифроста — моста, соединяющего Асгард с остальной Вселенной. При этом он отсчитывал про

себя секунды, оставшиеся до принятия окончательного решения: спасти старого менеджера своего босса или оставить его умирать.

В общем, и выбора-то у него особенного не было, поскольку Хеймдалль терпеть не мог смертных в целом и Библброкса, в частности. Однако оставил он его умирать на пороге Асгарда, это вызвало бы неудовольствие Одина, ибо мученики имеют обыкновение жить вечно. Что не лишено иронии, поскольку они мертвы. А может, это вовсе не ирония, а парадокс — одно из тех дурацких словечек, какими так любит доставать его Локи. Будучи солдатом, Хеймдалль не засорял мозг лишним словарным запасом. Охотиться, убивать, жечь, пороть — вот такого типа слова он предпочитал. Особенно «пороть» — впрочем, в повседневном общении употреблять его особенно уж часто не получалось.

Хеймдалль огорченно надул губы и, встряхнув Гъяллархорном, легендарным рогом, вестником Рагнаёка, послал с его конца струю плазмы. Стороннему наблюдателю Гъяллархорн показался бы обычным древним норвежским двадцатифутовым рогом, однако в руках бога он превращался в мощнейший инструмент... ну, и для пивных пирушек тоже неплохо подходил.

На кончике плазменной струи болтался атмосферный пузырь, и Хеймдалль поболтал им в космосе туда-сюда, пока не зацепил Зафода. Плазменная оболочка пузыря наверняка обожгла президента, провалившегося сквозь нее в спасительный воздух, но Хеймдалль не слишком переживал из-за этого. Говоря точнее, все соображения бога касательно болевых ощущений Зафода Библброкса сводились к надежде на то, что в обозримом будущем их будет как можно больше, а в случае, если Хеймдаллю удалось бы выклянчить у Одина пропуск для перемещений по времени — и в прошлом тоже.

Он втащил Зафода и опустил на Мост-Радугу.

Необходимое примечание. Само по себе название «Мост-Радуга» уже может служить примером того, как боги в целом склонны к риторике и преувеличениям. Осирис ведь не просто свалился с гриппом, который вывел его из строя на несколько

недель, — нет, он умер и воскрес из мертвых. И Афродита не просто обладала полным гардеробом блузок с короткими рукавами и глубокими декольте... ну, еще неисчерпаемым запасом похабных лимериков — якобы устоять перед ней не мог ни один мужчина. То же самое относится к Мосту-Радуге: мы бы назвали его впечатляюще спроектированной вантовой конструкцией из стали и льда, однако же сами Асы утверждали, что он и в самом деле построен из радуг.

Некоторое время, пока плазма не испарилась, Зафод лежал, дрожа, потом застонал, осознав, что его модные серебряные подметки на башмаках расплавились, соприкоснувшись с заряженной оболочкой пузыря.

— Ох, Зарк, — причитал он. — Ты хоть представляешь, сколько языков среброязыких дьяволов пошло на эти подметки? Зарк, это худший день моей жизни!

Хеймдалль стоял над ним, сияя ухмылкой до ушей.

— Приятно слышать.

— Этот ваш мост-радуга построен из стали и льда, — попытался хоть как-то отомстить за свои подметки Зафод.

— Ма-алчать! — взревел Хеймдалль. — Пока с тебя шкуру не содрали!

— Да не удрали мы, не удрали.

— Нет, удирали.

— Удирали... Не удирали... Ты уж чего-нибудь одно выбери.

— Я сказал, «не выдрали». Содрали, ясно! Шкуру с живого спустят!

Зафод потешно сглотнул.

— Ладно, не удеру. Это позволительно?

Хеймдалль ушипнул себя за нос и прочитал про себя начало саги Вёльсунгах, что обыкновенно помогало ему успокоиться. Однако на сей раз даже бессмертные строки Сигурда не смогли унять сердцебиения.

Пока Хеймдалль углубился в стихи, Зафод обдумал утрату подметок и пришел к выводу, что у него есть и более серьезные поводы для переживаний.

Он вскочил на ноги, упал, попытавшись замаскировать это позорное падение кувырком назад, снова выпрямился и сделал несколько шагов, пока не нашел походки, позволявшей ему перемещаться без привычных высоких каблуков. Потом выполнил полный оборот вокруг своей оси.

— Bay, — заметил он. — То есть, Хеймдалль, я хотел сказать, ничего себе мирок вы, ребята, отгрохали... Это что у вас, настоящий водопад? Сколько метров, интересно?

Хеймдаллю пришлось произнести про себя еще одну строфу, прежде чем ответить.

— Если тебе интересно, это водопад вечной молодости. А рисунок струй измыслила Фригг.

— Круто. Будущее вообще за ландшафтным дизайном.

— Нет, не так, — мрачно возразил Хеймдалль. — Будущее за Рагнарёком. Боги уйдут, и Вселенная потонет в крови.

— Тем более круто, — кивнул Зафод. — Классный такой фонтанчик. Так или иначе, нам лучше сохранять оптимизм — верно, здоровяк? Мы пока не тонем еще в крови.

Характеристика «здоровяк» и впрямь вполне подходила Хеймдаллю — особенно если смотреть на него снизу вверх. Взгляд снизу вверх на принадлежащую богу нижнюю часть тела вообще сильно действует на человека с невысокой самооценкой. Особенно если эта нижняя часть тела туго обтянута алым трико, поверх которого надет белый в синюю полосочку костюм для прыжков с лыжного трамплина. Хеймдалль практически всю свою жизнь проводил во льдах, поэтому и экипировку себе подобрал соответствующую. Традиционные унты из меха млекопитающих уступили место башмакам для сноубординга, на лбу красовались лыжные очки с оранжевыми стеклами, а нос защищала от солнечного ожога полоска пластиря.

— Ладно. Не люблю торопить события, но, сам понимаешь, меня интересует мой старый приятель Тор. Как думаешь, у тебя есть возможность побыстрее устроить нашу с ним встречу?

Образ апокалипсиса, стоявший перед глазами у Хеймдалля, померк, и он опустил взгляд на Зафода.

— Ты говорил что-то про извинения. Ты хотел извиниться. Зафод расплылся в самой обезоруживающей улыбке.

— Ха, разве я говорил что-то подобное? А если и говорил, разве мог я это иметь в виду? В конце концов, я находился под давлением.

— Ты знаешь правила, Зафод.

— Только не задачи! Право же, Хеймдалль! Все это так старомодно. Я думал, вы, ребята, идете в ногу со временем.

— Асгард не меняется.

— А как же эта водяная фиговина? Ее не было здесь в мое прошлое посещение.

— В смысле, существенно. Асгард не меняется *существенно*. Три задачи, Библброкс — если ты, конечно, еще настроен на разговор.

— Три?! У меня нет времени на три. Ваши дурацкие задачи рассчитаны на вечность. Ну, одну, так и быть, выполню.

— Три, — настаивал Хеймдалль, выпучив глаза.

— Одну, — повторил Зафод.

— Заткнись, пока не прихлопнул как муху.

Зафод попятился (собственными, торчащими из башмаков пятками), потом сделал шаг вперед.

— Блефуешь, здоровяк. Я ведь тоже знаю правила. Никто здесь, в Асгарде, не сорвется с цепи, пока Великий О. не прикажет.

— Не заводи меня, пока я ему не позвонил.

— Правда? И что, интересно, тебе мешает? Может, Один просто не дает своего номера привратникам?

Хеймдалль тряхнул башкой.

— Ох, не делал бы ты этого, Библброкс. Не заставляй меня ему звонить. Он тебя по головке не погладит.

— Ну давай звони. Ведь не позвонишь: он — Номер Один, а ты... у тебя, поди, и номера нету. Вполне возможно, Один наслаждается сейчас рогом хмельного меда, а от твоего звонка расплескает — и что выйдет? Рагнарёк, Зарк меня подери.

Хеймдалль поднял палец размером с торпеду и угрожающе покачал им в воздухе.

— Все. Хватит. Звоню.

— Правда? По-моему, ты меня просто дразнишь. Ля-ля-тополя, а номер-то не набираешь.

— Пеняй на себя, Зафод, — буркнул бог. — Я всего-то предлагал тебе выполнить три задачи. Ну, максимум четыре. — Он сделал причудливое движение рогом, и тот вдруг сложился, без труда уместившись у бога в ладони (надо сказать, тоже не маленькой). — Что ж, будь, что будет. Отступать поздно.

— Еще бы не поздно, если вместо мозгов тесто.

— Тесто! — прохрипел Хеймдалль голосом фольфаганского флегмохорька, которому передавили горло ради нескольких драгоценных (используется в фармакологии и парфюмерии) капель мускуса. — Значит, говоришь, тесто! — Он набрал на клавиатуре горна номер и несколько секунд мычал что-то себе под нос, слушая гудки.

— Алё? Привет, Оди, это я, — произнес он наконец в трубку.

Хеймдалль прищурил один глаз — судя по выражению лица, он получал взбучку от отца богов.

— Да, конечно. Извини. Я понимаю, что у тебя шарики из золотого планктона могут подгореть, а пятна от меда плохо отстирываются. Заморозь рубаху — мороженый мед легче отойдет. Слушай, тут такое дело... у меня тут один тип... Смертный. Я хотел твоего разрешения прикончить его.

Снова взбучка. Даже стоя на десять футов ниже трубы, Зафод без труда улавливал характер разговора.

— Я знаю, что нам не... Я в курсе политических тенденций... Конечно, читал... Ну да, следы от пуль, да.

Зафод отошел в сторонку: ситуации, в которых он не принимал участия, всегда его немного раздражали. Еще в детстве ему поставили диагноз «ВЖКВСатДКиХР(нгуо)НТ», что означает «Всегда живет как во сне, а также Дефицит концентрации и хроническая рассеянность (не говоря уже о некоторой тупости». Впрочем, и во взрослом возрасте Зафод не вылечился, поскольку запомнить название болезни было выше его сил.

— Там вроде как пара «К», — говорил он своему врачу на Эротиконе VI. — Ну, может, еще «Ж».

В результате ему выписали лекарство от УУГ, что расшифровывается как «ужасно усугубленный геморрой». Правда, он и про него всего через пару дней забыл.

В общем, хотя Хеймдалль с Одином обсуждали его ближайшее будущее и связанные с этим неприятности, Зафод отвлекся, любуясь мерцающими огнями Асгарда. Зрелище и впрямь было впечатляющее — даже для того, кто привык к великолепию открытого космоса.

Асгард с его сравнительно скромными размерами трудно сравнивать с Дельтой Мегабрантиса, но и он впечатлял. Начать хотя бы с того, что вся планета заключалась в скорлупу из льда, благодаря которой свет, падающий на поверхность, становился серебристо-голубым, мерцающим. Ну, и саму поверхность сплошь украшали различные ландшафтные изыски, которым позавидовали бы и на Магратее: пенные реки, остроконечные пики с белоснежными шапками и фьорды, замысловатые, как сложная синусоида электрокардиограммы. Сияющие белизной ледники самым невероятным образом соседствовали с полями золотой кукурузы, согретыми теплыми солнечными лучами, исходящими неизвестно откуда — по крайней мере никакой звезды, которая могла бы стать их источником, в обозримом космосе не наблюдалось. Высокие замки цепляли своими шпилями низ облаков, а на башнях дремали, обвив их кольцами, драконы. В общем, это была планета-мечта... с учетом того, конечно, что мечтатели — накачанные тестостероном мужланы, так и не научившиеся вести себя как взрослые.

Хеймдалль чего-то говорил.

— А? — переспросил Зафод.

— Мне дали зеленый свет, — сообщил бог, довольно улыбаясь.

— Какой еще зеленый свет? Зачем тебе зеленый свет?

— Это расхожее выражение. «Зеленый свет» означает разрешение идти.

— Куда идти?

— Никуда. Я никуда не иду.

— Тогда зачем тебе зеленый свет?

Хеймдалль сморщил нос.

— И шагал Сигурд все дальше и дальше, пока не пришел к дверям великого вождя по имени Хеймир; женой его была сестра Брюнхильды, и имя ей было Бекхильда, ибо оставалась она дома, занимаясь женскою работой, тогда как Брюнхильда преуспела в труде ратном на поле брани, и за то назвали ее Брюнхильдой.

— Ясно, — кивнул Зафод, прикидывая, не сможет ли он воспользоваться безумием привратника, чтобы прошмыгнуть по мосту.

Словно прочитав его мысли, Хеймдалль загородил ему путь своим огромным лыжным башмаком.

— Я сказал Одину, что это ты.

Зафоду вдруг разом сделалось заметно менее уютно.

— И что он сказал?

— Он сказал, что ты довольно известная личность, поэтому твою смерть надо замаскировать запутанными обстоятельствами.

— Запутанными?

Хеймдалль пригнулся и встряхнул Гъяллархорн, вернув ему изначальную длину.

— Ты вернул рогу изначальную длину, — заметил Зафод.

— Я собираюсь кликнуть драконов.

— Чтобы они могли убить меня при запутанных обстоятельствах, — догадался Зафод.

Улыбка Хеймдалля сделалась едва ли не шире полумесяца.

— Именно так, Библброкс. Я собираюсь приказать им убить тебя по чистой случайности, но так, чтобы это выглядело намеренным убийством.

— Ох, — выдохнул Зафод. — А как насчет задач? Должен же лежать где-нибудь золотой топор, который мне полагается для вас, ребята, отыскать?

— Ты хотел одну задачу, — хмыкнул Хеймдалль. — Вот именно ее ты и получишь.

Зафод поплевал на руки.

— Отлично. Круто. Может, тогда приступим, не откладывая? А то я тут мерзну. Обрубок шеи от запасной головы, понимаешь ли, очень чувствителен к холоду. Пожалуй, кстати, стоит упомянуть об этом в следующем томе моих мемуаров.

— Задача проще пареной репы, — с невинным видом сообщил Хеймдалль. — От тебя только и требуется пересечь этот мост.

Пересечь мост, подумал Зафод. Где-то мы это уже слышали. Но, конечно, «мост» — слово распространённое и часто используется в переносном смысле.

— Какой еще мост?

— Этот мост! — взревел Хеймдалль, тряся бородой. — Этот самый чертов мост, на котором ты стоишь!

— Ладно, ладно. Я просто хочу полной ясности. Значит, пересечь этот мост, на котором я стою. Что-нибудь еще?

— Над ним цилиндр искусственной атмосферы, так что не уклоняйся в сторону. Если тебе удастся добраться до первой стены, тебе придется на нее залезть.

Залезть на стену... Опять что-то знакомое. Однако же слово «стена» распространено еще больше, чем даже «мост»...

— Значит, перейти и залезть. Ясно. И никаких подвохов?

— Если не считать драконов, которые будут пытаться столкнуть тебя в пропасть — никаких.

Зафод нахмурился.

— То есть не тех милых, добрых драконов, которые поют песенки, как в сказках?

— Почему? Они поют. Поют погребальные песни.

— Правда? Какое слово, кстати, рифмуется со словом «сдирать»? — Скажем честно, с этой репликой Зафод припозднился. Да и вообще момент для нее выбрал самый что ни на есть неудачный.

— Ха! Отлично. Ты только что урезал десять секунд от предельного срока.

Хеймдалль принял пафосную позу — что нелегко, будучи одетым в попугайский лыжный костюм. Потом поднес рог к губам и протрубил протяжную переливчатую музыкальную фразу, подозрительно напоминающую старинную детскую песенку с Бетельгейзе «Аркль-Шмаркль сидел на Шмердли», однако в тональности, недвусмысленно намекающей на близкую драматическую развязку.

Зафод вдруг ощутил неприятный холодок в том месте, где сравнительно недавно находилась его вторая шея. Он повернулся на пятках, на которых всего несколько минут назад красовались серебряные каблуки, и очертя голову бросился по узкому коридору искусственной атмосферы, протянувшемуся вдоль так называемого Моста-Радуги.

Борт вогонского гиперпространственного бюрокрейсера «БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ТУПИК»

Рядовой Туп Неппроходим сидел в гиперзвуковом амортизаторе своей каюты (как на бюрокрейсере называются каюты). Его слегка тряслось: «Бюрократический тупик» вынырнул из гиперпространства примерно так, как пьяный репортер с Бетельгейзе выныривает из-за куста с опорожненным мочевым пузырем (имеется в виду пузырь, принадлежащий репортеру, а не кусту, если только этот куст по чистой случайности не относится к породе кустов Какэтоон, семена которого выбрасываются в струе едкой жидкости в момент, когда рецепторы на листьях ощущают повышенную влажность, — можно сказать, вы мочитесь на этот куст, а он мочится на вас).

Еще восемь прыжков, подумал Туп. И мы сможем стереть с лица Вселенной еще одну разумную расу.

Честно говоря, эта мысль не доставила ему того удовольствия, как полагалось бы. Конечно, для вогона нет большего счастья, чем закрыть дело и поставить папку с заполненными формуллярами на полку, однако, возможно, Туп Неппроходим все-таки не стал еще таким законченным ублюдком, как на-

деялся его родитель. Более того, в последние месяцы Туп, заглядывая внутрь себя в поисках настоящей вогонской твердости, необходимой при выполнении наиболее отвратительных поручений, находил там не сталь и хромпст, но чувственность и сострадание. Это было ужасно, просто чудовищно. Можно ли стать настоящим Простатником, если у тебя в голове бултыхаются подобные эмоции?

Я не хочу становиться Простатником. Я даже простым бюрократом-правоохранителем не хочу становиться.

Ну, конечно, на мостице Туп изображал из себя хорошего вогона: всплескивал похожими на спагетти ручонками, салютя папочке, выражал возбуждение при упоминании о Возмутительно медленных, но неотвратимых торпедах — однако орган, перекачивавший его кровь, к этому не лежал.

Я не хочу никого убивать — даже имея на то надлежащим образом управление документы.

Тупу пришлось несколько раз вдохнуть и выдохнуть, чтобы сформулировать последнюю мысль:

Есть вещи важнее, чем документы.

Он произнес это вслух:

— *Есть вещи важнее, чем документы!*

В горле у Тупа вдруг застрял комок желчи, но маленький вогон так разволновался, что даже не получил от этого ни малейшего удовольствия. Туп выбрался из гиперпространственного амортизатора и засеменил вокруг кровати, пока не нашел плевательницу.

Вот так-то лучше.

Неужели он произнес это вслух? Что же такое с ним происходит?

Туп осторожно присел на краешек койки, что само по себе уже могло бы чуть не до смерти потрясти его однополчан. Вогоны, как правило, не дают себе труда опускать свое седалище на что-либо с какой-либо осторожностью. Обыкновенно раса вогонов предпочитает плюхаться на что-либо без оглядки, чтобы не сказать — с размаху. Довольно часто это сопряжено с телесными повреждениями; впрочем, процесс вставания у вогонов едва ли не опаснее. Хорошо, если под-

нимаясь с любого сиденья ниже барной тумбы, вогон отдаётся лишь ушибом копчика, да и это требовало отменного равновесия и сплевывания нескольких пинт слюны. Однако Туп обладал неслыханным для вогона качеством: крупцей изящества.

Пошарив пальцами под матрасом, Туп извлек оттуда маленький розовый кусочек контрабандного пластика. Сунув этот предмет под мягкое бедро, он некоторое время нервно трепетал, набираясь *хрюмпста* для того, чтобы вытащить его на свет.

— В самый последний раз, — пообещал он себе. — Вот посмотрюсь разок — и выброшу. Совсем выброшу, да. Последний-распоследний раз.

Посмотри на меня, говорила розовая штуковина, грея его сквозь ткань форменных штанов. *Посмотри на меня — и увидишь себя*.

Туп побарабанил пальчиками по рамке, потом, разом исполнившись храбрости, схватился за пластиковую ручку и выдернул штуковину.

Штуковина представляла собой пластиковое зеркальце Барби, купленное на дешевом блошином рынке в Порт-Брасте. Настоящий антиквариат с Земли. Зеркала на борту бюро-крейсера запрещались как класс, поскольку поводов для депрессии у вогонов хватало и без того, чтобы смотреть на отражения своих ряшек.

Необходимое пояснение. Вогоны как раса выжили только благодаря сознательной нацеленности вовне. Помимо отвратительного пристрастия вогонов к отвратительной поэзии, большинство их старается концентрировать внимание на представителях других рас — это позволяет им отвлечься от собственных физических и психологических недостатков. Вогоны редко проводят досуг в плавательных резервуарах и совсем никогда не медитируют в парных, не говоря уже о созерцании своих незадачливых угреватых физиономий в зеркалах. Единственной цивилизацией, благополучно избежавшей намеченного вогонами уничтожения своей планеты, до сих пор остаются тубавиксы с Синнустры — они переслали на суда вогонского флота вирус,

превративший все их мониторы в зеркала. Спустя пять минут после внедрения вируса вогонские корабли открыли огонь из всех торпедных аппаратов друг по другу.

Непроходим смотрел на свое отражение в зеркальце и не испытывал ни малейшего отвращения. Более того — увиденное ему даже нравилось.

Боже мой, думал он. Что со мной происходит?

Что-то с Тупом определенно происходило. И даже, можно сказать, уже произошло. Несколько месяцев назад приготовленной ему на завтрак байды коснулся кончик щупальца мандарина-поганки, в результате чего в его организм попало достаточно психотропных токсинов, чтобы он признал-таки то, что заподозрил уже достаточно давно.

Я не ненавижу себя.

Для вогона одна эта мысль являлась революционной, чтобы не сказать — еретической, и Тупа наверняка изгнали бы с позором из бюрократического цехового сообщества, признайся он в этом при прохождении психологического теста. Если бы, конечно, члены бюрократического сообщества проходили психологический тест.

Рядовой Непроходим в последнее время много, даже очень много думал.

— Я не ненавижу себя, — прошептал он зеркалу. — Во многих отношениях я вовсе не так уж и плох.

И раз уж рядовой Непроходим не настолько плох, чтобы ненавидеть себя, чем он может отблагодарить за это Вселенную? Ну, если не любовью, то хотя бы симпатией, этакой разбавленной версией.

Я себе нравлюсь — значит, возможно, могу нравиться и другим.

— Только если я их прежде не убью, — мрачно заметил Туп своему отражению.

Раз он уже испытал боль, став свидетелем уничтожения землян; случись это еще раз — и он может себя возненавидеть.

Туп крепче стиснул в пальцах крошечное зеркальце.

Зачем я сказал отцу о колонии?

Впрочем, ответ на этот вопрос Туп уже знал.

Затем, что о ней известно многим, и он бы все равно узнал о ее существовании — и тогда я стал бы тем, кто не сообщил ему о ней. И без меня у землян вообще не было бы никаких шансов.

Туп едва заметно улыбнулся своему отражению и запихнул зеркальце обратно под матрас.

Наверняка ведь есть способ спасти их, подумал он. Спасти землян так, чтобы и меня при этом не вышвырнули в космос через торпедный аппарат.

7

Борт «Тангристира»

Корабль Гавбэггера ушел красным смещением из реальной Вселенной в неведомые слои темного пространства. Вид в иллюминаторы открывался такой, что среднестатистический гуманоид выдержал бы всего несколько минут созерцания этого зрелища, прежде чем забиться в эпилептическом припадке или заменить реально воспринимаемые сетчаткой образы на что-нибудь более приятное — кстати, это «что-нибудь» может многое рассказать о личности того, кто это «что-нибудь» видит.

Форд Префект так прямо залился краской.

— Зарктвоюмат! — прохрипел он и прикрыл иллюминатор сумкой. — На своем веку я всякого повидал, но это... это... — И сбежал с мостика, рассудив, что в жизни каждого мужчины случаются моменты, когда лучше побыть одному, а не обсуждать то, что ты видишь. Тем более, если то, что ты видишь, вполне вероятно, произошло из твоего собственного сознания. В случае Форда это происходило из воспоминаний об одном мясном фестивале на Карна-Валле, на который он нарядился мишкой-полло и запутался в штабеле запасных

стульев, а спасла его компания треногих стажеров — пластических хирургов, потребовавших за спасение очень и очень специфическую плату.

— Что это он? — удивилась Рэндом. — Я ничего такого не вижу. Я вообще ничего не вижу. Целую бесконечность ничего.

— Тебе повезло, — заметил Тяверик Гавбэггер. — Можно увидеть вещи и похуже, чем ничего. Ничтожность, например.

— Ух ты, это радует. Вы могли бы зарабатывать, сочиняя тексты для поздравительных открыток.

— Ты слушай, слушай, странная девочка. Может, чему-нибудь и научишься.

— У вас? Нет уж, спасибо. Лучше останусь дурой.

— Твое пожелание, можно сказать, уже удовлетворено.

Рэндом ощетинилась — сильнее, чем обычно — при том, что обычно она ощетинивалась на порядок сильнее, чем среднестатистический клубненосый иглокабан, учувший свору охотничьих псов.

— Да как вы смеете! Знаете, кто я такая?

— Адепт Культа Придурковатости с Заикающихся Грязнопустошой Сантрагинуса-5? — предположил Тяверик.

— Дурь какая!

— Ох, прости, ошибся. Культа Придурков с Заикающихся Грязнопустошой Сантрагинуса-5.

Необходимое пояснение. Этот диалог в некотором отношении схож с тем, который имел место непосредственно перед крахом подлинного Культа Придурков с Заикающихся Грязнопустошой Сантрагинуса-5. В рядах КП во времена его расцвета состояло несколько десятков членов, однако всему пришел конец после затянувшихся пятничных викторин, на которых Хранитель Казны комитета Т'тал Йчунь обозвал Председателя Ойлууна Йджита олицетворением названия сообщества. Дальнейший диалог записан следующим образом:

Йджит: Комитет опознает в выступающем казначея Йчуня.

Йчунь: Еще бы ты меня не узнал. Я твой двоюродный брат. Мы с тобой вместе по пышкам ходили... или тебе хотелось бы забыть о таких делах?

Йджит: Прошу тебя, Т'тал...

Йчунь: Казначей Йчунь.

Йджит: Прошу вас, казначей Йчунь, почему бы нам не разобраться с этим по-человечески?

Йчунь: Тебе ведь ничто человеческое не чуждо, а? Очень по-человечески заваливаться к моей голубе с пачкой контрацептивов на всякий случай, как на прошлой неделе. Прямо-таки побратски.

Йджит: Но я же все объяснил...

Йчунь (с горькой усмешкой): Ну да, бутылка воды. И как это я забыл?

Йджит: Вы хотели сделать какое-то официальное заявление?

Йчунь: Разумеется, хотел. Я выдвигаю предложение изменить название общества с «Культа Придурковатости» на «Культ Придурков».

Йджит: Вы это серьезно?

Йчунь: Абсолютно. «Придурковатость» звучит немного старомодно, простовато. Мне кажется, «Придурки» приадут нам больше серьезности.

Йджит: Серьезности? Мы — общество, посвящающее себя истории комедии абсурда — не серьезнее, чем на вкладышах в готовые завтраки. Серьезность... Дурь какая.

Йчунь: Вот! Ты лишний раз подтвердил мою точку зрения.

Йджит (вскакивая): Йджинин любит меня, а не тебя! Так что оставь ее в покое! А это дурацкое общество можешь оставить себе и делать с ним что угодно!

Йчунь (также вставая и вытаскивая здоровенный мачете, который он каким-то образом ухитрился пронести в зал, спрятав в форменных штанишках в полосочку): Оно не дурацкое — оно придурковатое. Это не одно и то же.

Оставшаяся часть стенограммы не поддается расшифровке, поскольку чернила смыты пятнами крови. Разобрать можно только три фразы: «проверены электроникой», «можешь называть это клоунскими штанишками» и «разумеется, слоны видят сны». Понимайте это, как вам угодно.

Рэндом скрестила руки на груди и чуть наклонилась вперед, словно сопротивляясь встречному ветру.

— Знаю я, о чём вы думаете, Тяверик. Вы думаете, я вот-вот не найду, что ответить, и скачусь к «я вас ненавижу», и выбегу отсюда прочь.

— Я надеялся только, что наш разговор закончится традиционным образом.

— Второй раз вы так легко не отделаетесь. У меня опыт пенсионера, а энергии — как у подростка, и я могу спорить с вами хоть день напролет, если вы этого хотите.

Тяверик Гавбэггер задумчиво потер переносицу.

— Ты даже не представляешь себе, насколько это далеко от того, чего я хотел.

Все время, пока этот диалог подходил к кульминации, Триллиан буквально заламывала пальцы. По части родительского опыта у нее были большие пробелы, поэтому она не имела ни малейшего представления о том, что такое хорошо и что такое плохо в данной конкретной ситуации. Даже если она и могла углядеть неясные очертания чего-то — как близорукий турист созерцает подернутый ночным туманом холм, — она не знала ни чего от этого ожидать, ни как оценить размер и крутизну «холма», если вдруг на него наткнется.

— Рэндом! — рявкнула она и тут же спохватилась. — Я хотела сказать, Рэндом... — Мягко — вот так: — Рэ-э-эндом.

— Что это ты там лепечешь, мама?

Триллиан ощущала, как в ней снова закипает привычное раздражение, но подавила его в корне.

— Я просто хочу быть с тобой помягче... участливее. Но «лепетать»? Лепетать, Рэндом, милая? Я ведь больше, чем просто мать: я твой друг. Но я ничего не лепетала, дорогая.

Рэндом обратила взгляд своих готских глаз-лазеров на Триллиан.

— Правда? А мне кажется, что сейчас ты как раз лепечешь. Лепечешь и трепещешь крылышками. Может, тебе лучше снова на репортаж? Освещать выставку собак или еще чего такого? Чтобы оставить меня наедине с каким-нибудь совершенно незнакомым типом?

Прежде чем Триллиан успела придумать ответ, в котором сочувствие сочеталось бы в должной пропорции с чувством вины, Тяверик Гавбэггер решил, что с него достаточно.

— Корабль, — скомандовал он. — В трубу младшую самку!

Потолок внезапно сделался жидким, из него выдвинулась прозрачная труба, которая, словно примериваясь, покачалась у Рэндом над головой, и с громким чмокающим звуком засосала ее.

Рэндом оказалась в прозрачном звуконепроницаемом коконе, а выпущенный в трубу мерцающий зеленый газ мгновенно усыпал ее. Лицо ее дернулось раз и застыло со странным выражением, в котором Триллиан не сразу узнала улыбку.

— Вот теперь я точно расплачусь, — заявила она, с нежностью глядя на спящую в тесной трубе дочь. — Такой улыбки я у нее не видела уже много лет. С самого детского сада, где ее назначили помощницей арбитра. Она любила штрафовать всех и каждого.

— Ребенок спит. Я могу показать тебе запись ее сна, — предложил зеленый капитан.

В горле у Триллиан снова сгустился комок гнева, и на сей раз она решила, что у нее нет повода сдерживаться.

— Да как вы смеете! — вскричала она, оскорбленно вскинув голову. — Вы обдолбали мою дочь!

Гавбэггер наклонился и подобрал с пола что-то розовое.

— А еще отрезал ей указательный палец.

Триллиан так и поперхнулась.

— Вы... что? Что, черт подери, сделали?

— Ну вообще-то, с формальной точки зрения, это сделал не я, а корабль. У трубы острые края — должно быть, в последний момент она выставила палец. Возможно, пыталась сделать непристойный жест.

— Моя девочка... моя маленькая девочка... Вы отрезали...

Гавбэггер бросил розовый предмет в потолок, который тут же растворил его в плазме.

— Ну-ну. Не отрезал. «Отрезал» подразумевает намеренное действие. А тут налицо в худшем случае случайное стече-
ние обстоятельств.

Триллиан забарабанила по трубе кулаками.

— Артур! Этот псих режет нашу дочь!

— Совсем чуть-чуть и порезал, — возразил Гавбэггер, све-
рившись со своим компьютером-вафлей. — Кстати, компью-
тер уже вырастил ей новый палец.

Триллиан проверила. Так оно и оказалось: на кисти у Рэндом розовел нежной кожей новенький указательный палец. Крови не виднелось ни капли, и внешне девочка не выказывала ни малейших признаков дискомфорта.

— Ваша дочь спит и видит сны, — продолжал Тяверик Гавбэггер, махнув рукой в сторону экрана. — Хотя я, пожалуй, не стал бы демонстрировать вам ее сны. В них как-то много-
вата насилия по отношению к матери.

— Разбудите ее! — потребовала Триллиан.

— Об этом не может быть и речи.

— Разбудите немедленно!

— Сомневаюсь, что это возможно. Она совершенно не-
выносима.

— А вы, значит, выносимы, да?

Гавбэггер обдумал услышанное, потирая большой палец средним, как это принято у его народа, когда надо сосредо-
точиться.

*Необходимое пояснение. Долгое время сородичи Гавбэггера полагали, что этот жест происходит из любимых сказок любимых наложниц, однако потом ученые открыли в суставах указанных пальцев железы естественного блокировщика адено-
зина. Быстрое почесывание сустава большого пальца высвобож-
дает в организм столько же энергии, сколько пять среднего
размера чашек кофейного напитка. В этой связи довольно мно-
гие пристрастились к такому невинному удовольствию и про-
водят весь день напролет на диване, почесывая палец.*

— Думаю, некоторые находят меня невыносимым, —
признался он. — Но готов поспорить, этот ребенок не нра-

вится никому за исключением тех, кто слеп по причине родственных уз.

— То есть я еще и слепа?

— Я не вижу другой причины, по которой вы могли бы терпеть эту особу. С позволения сказать, она просто отвратительна.

— Да как вы смеете?

— Вы хоть слышали, как она со мной разговаривала? Да и с вами, если уж на то пошло?

Щеки у Триллиан горели.

— У нас свои проблемы. Это *наши* проблемы. А теперь отпустите мою dochь.

При одной только мысли об этом Гавбэггер поморщился.

— Может, мне подержать ее некоторое время на складе? И могу ли я попросить у компьютера, чтобы он удалил из ее легких хоть часть этого никотина?

— Как вы смеете даже заикаться насчет склада? — взорвавшись Триллиан, с трудом удержавшись от того, чтобы не топнуть ногой. И тут же спохватилась: — Никотина? Она что, курит?

— Если верить показаниям компьютера, уже не первый год.

— Курит! Когда это Рэндом ухитрилась находить время на курение? Не понимаю даже, когда она дышать успевала — столько она спорила и ругалась.

— Так как насчет склада, а? Вы продолжайте, продолжайте.

Триллиан боролась с искушением.

— Нет-нет. Может, только легкие почистить.

Тяверик потыкал пальцами в экран, и труба с лежавшей в ней Рэндом заполнилась мерцающими лазерными лучами.

— Рэндом придется потеть этой смолой на протяжении нескольких следующих дней. Возможно, ее будет тошнить.

— Вот и хорошо. Это ее проучит. Курить!

Тяверик сунул руку в полужидкий стол и достал из него чашку чая.

— Мне кажется, мы можем оставить ее здесь до самого прибытия в туманность. Никто не в проигрыше, все в выигрыше.

Все-таки было в Гавбэггере что-то такое — обаятельное, и Триллиан вдруг простила ему отрезанный палец. В конце концов, Рэндом чувствовала себя абсолютно нормально. Собственно говоря, лучше чем нормально. Она словно заново родилась.

— Нет... нет, я так не могу. Ведь правда не могу?

Гавбэггер пожал плечами:

— Насколько я понимаю, вас вряд ли можно считать образцовой матерью. Да и что вам какие-то несколько дней в разлуке с дочерью?

Тут-то все обаяние куда-то исчезло.

— Да как вы, черт подери, смеете? Вы, грязный, неотесанный зеленый инопланетянин!

— Мы с вами находимся в межзвездном пространстве, а стало быть, с формальной точки зрения, инопланетян здесь нет.

— Да кто вы такой, чтобы меня судить? Вы хоть знаете, сквозь что мне довелось пройти?

Разговор принял такой оборот, при котором Артур постарался бы покинуть помещение в поисках какой-нибудь неизвестной, безымянной, трудно находимой, но сделавшейся вдруг ужасно нужной вещи. Даже Форду хватило бы одного взгляда на лицо Триллиан, чтобы заткнуть свое отверстие для приема коктейлей, но Гавбэггер, привыкший уже за несколько тысяч лет мечтать о смерти, напротив, инстинктивно наводил свой зеленый нос навстречу любой мало-мальски серьезной опасности.

Маловероятно, конечно, шепнуло ему подсознание. И все же — вдруг эта земная женщина... эта, несомненно, привлекательная земная женщина сможет причинить мне заметный телесный ущерб?

Блажен, кто верует.

— Вообще-то я имею представление о том, через что вам пришлось пройти. Компьютер порылся в ваших воспоминаниях. У меня все это записано.

— Вы залезали в мои воспоминания?

— Разумеется. Я взял вас на борт моего корабля. Вдруг вы оказались бы маньяком-убийцей... при счастливом стечении обстоятельств, конечно.

— Вы не имели права!

— Ага! Вот слова, достойные настоящего журналиста. И куда только делось «Мы не причиним вам хлопот, мистер Гавбэггер»?

— Я просила вас взять на борт нескольких попутчиков, а не рыться у нас в головах!

— Опять-таки, вы неточны в определениях. Никакими орудиями для рытья я не пользовалася.

Триллиан стиснула кулаки с такой силой, что пальцы хрустнули.

— Вы гнусная, вкрадчивая задница!

— Ах, да. Я и забыл, как вы, люди, любите оскорблении, основанные на примитивной физиологии... и примитивных формах жизни. Что дальше? Толстомордая обезьяна?

— Ха! Вы меня недооцениваете!

— Правда? Мне не терпится записать. Я, видите ли, всегда готов учиться.

Триллиан забилась, словно драчун, удерживаемый невидимыми руками.

— Вот-вот, Гавбэггер. Записывайте, записывайте чужие оскорблении — так в вашей жизни хоть какой-то смысл появляется. Портить жизнь другим.

— Ну да, конечно. Это ведь менее почтенно, чем не заниматься собственным ребенком, описывая чужие несчастья, так?

— По крайней мере не я сделала их несчастными.

— Правда? Почему бы не спросить об этом девицу, спящую в трубе?

Подумать, так оба спорщика друг друга стоили, и Тяверик вполне разошелся. Поединок выходил достойный. Он бросил кружку в потолок и полностью сосредоточился на женщине с Земли.

— Ну же, Триллиан Астра. Скажите что-нибудь такое, чего я не слышал прежде миллион раз.

— Зарк вас подери, Тяверик.

— И это, по-вашему, свежо?

— Вы что, серьезно верите, что я буду тратить время, пытаясь произвести впечатление на типа, покалечившего мою дочь?

— Пожалуй, да. Вы, журналисты, всегда пытаетесь произвести впечатление на всю Вселенную. Можете относиться ко мне как к зрителю.

Триллиан, возможно, даже улыбнулась; по крайней мере она показала зубы.

— Зритель? Я никогда не работала на зрителя вашей социальной группы.

— Какой именно группы, интересно?

— Сумасшедших изгоев. Группы несчастных одиночек.

— Несчастных одиночек? — удивился Тяверик.

— Вы же беглец, Гавбэггер. Один на борту, вечно в космосе. Вы — неудачник, одинокий глупец, тратящий впустую полученный вами бесценный дар. Представьте, сколько полезного вы могли бы сделать.

Гавбэггер невольно опустил взгляд.

— Я... я видел такое, чего вы, земляне, даже представить себе не можете. Горящий боевой флот у плеча Ориона. Лучи смерти в темноте у Врат Таннгейзера. И все это канет в небытие, забудется, как слезы под дождем.

— Чего это вас на пафос потянуло?

— Это один из моих любимых фильмов. Я много фильмов пересмотрел.

— И много людей оскорбили.

— Ну... и это тоже.

— И все из-за пары резинок.

— Зарк подери эти резинки! Мы же оба понимаем, что вся доктрина этих чертовых резинок — сплошное надувательство.

— Вы получили в распоряжение бесконечность и профукали ее.

Тяверик тяжело привалился к стенке, уйдя в нее по плечо.

— Да. Профукал. И теперь хочу умереть.

— И я тоже.

Трудно сказать, как подействовала эта новость на Тяверика: удивила или огорчила.

— Вы хотите умереть?

Триллиан коснулась рукой его гладкой зеленой щеки.

— Нет, дурачок. Я хочу, чтобы умерли вы.

— Ну хоть в чем-то мы с вами согласны.

Триллиан заглянула в его изумрудные глаза.

— И как скоро вам хотелось бы умереть? — поинтересовалась она.

Тяверик прожил достаточно долго, чтобы не упускать возможности, буде она представится.

— Ну, не обязательно сейчас же, — ответил он и наклонился, чтобы поцеловать Триллиан Астру.

Она слегка дрожала — но и в половину не так, как девушка в трубе, к которой как раз в это мгновение вернулось сознание.

Асгард

Любимой божественной забавой асов, как известно, является выдумывать для смертных невыполнимую задачу, а потом, запасшись попкорном, наблюдать, как незадачливый принц или соискатель чьей-то там руки надрывает пупок, пытаясь ее выполнить. В число наиболее популярных задач входят убийство самого свирепого из всех свирепых драконов, подъем по наружной стене самой высокой из всех высоких башен или пересечение самой знайной из всех знайных пустынь. Короче, все, в описании чего присутствует «самый-самый». Лучшими из невыполнимых задач считаются почти выполнимые — те, что заставляют несчастного дурачка бегать кругами так близко от победы, что ее, казалось бы, можно потрогать рукой, в то время как сзади к нему подкрадывается поражение, означающее верную, хотя и не обязательно мгновенную смерть.

К тому же задачи смертным ставятся, как правило, по три — чтобы испытуемый, выполнив первые две, вкусили, так сказать, победы и даже испытал некоторый кураж. Тем приятнее испытывающему богу наносить окончательный удар в третьем раунде. Один настоял на произвольном порядке исполнения заданий, так что теоретически у испытуемого смертного всегда имеется шанс на победу. Однако история божественных задач насчитывает лишь один случай, когда смертный исполнил все три и остался жив. Честно говоря, этот смертный на деле оказался не кем иным, как Одином в одном из тех человеческих обличий, которыми он так гордился.

— Ух ты! — пришлось восторгаться остальным богам. — Надо же, какой смертный попался... и как на Одина похож! — говорили они, притворяясь, будто для смертного в порядке вещей перемещаться быстрее срабатывания камер слежения или при необходимости легко менять рост.

И еще можно подумать, оншибко парился, придумывая себе псевдоним, протелепатировал Хеймдаллю Локи. Надо же, «Водин». Ха-ха.

Зафоду Библброксу удалось выторговать одну задачу вместе трех... точнее, Хеймдалль сам предложил такое упрощение, прекрасно понимая, что тот наверняка завалил бы первые две, а следовательно, и удовольствия от его мучений никто не успел бы испытать ни капельки. Правда, и особого сожаления от преждевременной кончины Зафода Библброкса не испытал бы никто, кроме самого Зафода Библброкса.

Мчась во весь опор по Мосту-Радуге, президент Галактики вдруг сообразил, что его все время сносит куда-то вбок.

Равновесие без Левого Мозга ни к черту, понял он. И дыхание.

Он жадно глотал воздух, но в легкие попадала только малая толика кислорода.

Где-то протечка...

На самом-то деле никакой протечки в дыхательных путях у него не было — просто легкие Зафода привыкли к двум трахеям, из которых осталась только одна, и эта единственная

трахея выбивалась из сил. Хуже того, содержание двуокиси углерода в атмосфере Асгарда было для большинства смертных великовато, поэтому по мере приближения к поверхности планеты голова у Зафода кружилась все сильнее.

— Да здравствует поддувало! — завопил он, поскольку фраза показалась ему подходящей моменту.

И пусть этот выкрик не представлял собой ничего, кроме полнейшей галиматии, порождения обдолбанного и задолбанного мозга, но вышло так, что именно эта фраза служила в тот день паролем-командой для пневмопушек Хельхейма, расположенных в глубине под железными копями Асгарда. Что не значило бы ровным счетом ничего, если бы телефонная трубка-рог Хеймдалля, выключаясь после звонка Одину, не уловила пьяные вопли Зафода и не транслировала бы их в эфир и если бы этот сигнал не попал на antennу мобильника Хель, владычицы Хельхейма. И даже так все могло обойтись без последствий, поскольку открытие огня из пушек блокируется паролем — серией щелчков замысловатого ритма, известной только верховным богам Асгарда, да и ту положено отступать по железной жиле в одном конкретном камне в кладке Хлидскьялфа, гигантской сторожевой башни Одина, на которой расположен его трон. Чего не учли хитроож... хитроумные Асы — того, что железо в Асгарде обладает собственной долей магии, а потому эта жила некоторым образом связана с любой крупицей металла, добытого из нее и пошедшего на любые хозяйствственные цели... на строительство моста, например. Так вот, пока Зафод, спотыкаясь и поскользываясь, несся по Бифросту, остатки его оплавленных набоек выступали по льду и железу пьяную дробь, в точности соответствующую коду активации пневмопушек Хельхейма.

На редкость маловероятное совпадение. Один шанс на сорок семь миллионов. Впрочем, пустяк с точки зрения любого, привыкшего к невероятностному приводу и сопутствующим ему совпадениям и прозрениям.

Тут равновесия у Зафода поубавилось еще сильнее, поскольку в пузыре искусственной атмосферы у его головы захихрились крошечные, но весьма ощутимые циклоны.

Взмахи драконьих крыльев, сообразил он. Эти тварюги где-то совсем близко.

И если с равновесием дела у Зафода обстояли так себе, другие чувства при мысли о настигающих его драконах изрядно обострились. Драконы парили в воздухе (настоящем, не искусственном) — до невозможности изящные, с каждым взмахом крыльев вытягивающие длинные шеи. Из ноздрей вырывались языки пламени. Несколько чешуйчатых голов приблизилось к Зафоду; впрочем, сталкивать его с моста они пока не спешили.

Они со мной играют. Чертовы летучие грызуны.

— Привет, джентльмены! — задыхаясь, выпалил он. — Полагаю, подкупить вас нельзя? А то у меня на борту классный репликатор. Все, что пожелаете, ребята. Только попросите.

— Все, что пожелаем? — откликнулся дракон с самыми закрученными рогами — похоже, он был тут за старшего. Голос его напоминал... напоминал... ну, как если бы кто-то засасывал кусок мяса сквозь бутылочное горлышко. — Ух ты! Что ж. Дай подумать. Мы можем отложить съедение на потом — ведь можем, ребята?

— Ну да!

— Можем.

— А почему бы и нет?

Что ж, начало ободряющее, подумал Зафод.

— Так чего вы хотите? Что я мог бы для вас сделать?

Рогатый дракон задумчиво пожевал свисавшую с кончика носа полоску кожи.

— Мы уместимся в твоем корабле — все мы?

— Конечно, уместитесь, — выдохнул Зафод, даже не потрудившись подумать, насколько это соответствует действительности.

— Можешь тогда переправить нас на какую-нибудь другую планету? Чтобы там было побольше жизни?

— Да без проблем. У меня в голове крутятся названия десятка таких планет, а ведь это та голова, что тупее.

Дракон придинулся ближе — теперь голубое пламя из ноздрей едва не опаляло волосы на голове у Зафода.

— И чтобы мы смогли убить всех до единого живых существ на этой планете? — зловещим шепотом продолжал дракон.

— И деревья! — добавил один из его сородичей. — Мы хотим пожечь там все деревья — так, смеха ради.

— И деревья, — согласился старший дракон. — Даже драконам иногда надо оттянуться.

Зафод даже сам удивился тому, что еще способен бежать и говорить одновременно.

— О чём это вы толковали перед деревьями?

— Всех поубивать, да, и отложить яйца в трупы. Это для нас очень важно. Можешь такое для нас устроить, а, смертный человечишко?

— А куда именно в трупы? — поинтересовался Зафод — скорее так, для поддержания беседы.

— Ну, сам понимаешь. В отверстия и углубления. Вот, например, глазницы подходят как нельзя лучше.

И хотя сил у Зафода оставалось совсем немного, да и легкие словно огнем жгло, он старался не обращать на это внимания и продолжал бежать.

И как так получается, что ты вечно вляпываешься во всякое, болван? — обругал он себя. — *Ты хоть знаешь, зачем ты здесь?*

И ведь не знал. То есть вспомнил бы, будь у него хоть пара секунд на размышление. Да хоть одна секунда.

Глубоко-глубоко в недрах Асгарда расположен питающийся энергией горячей магмы блок переработки сточных вод. Так вот, еще ниже и чуть левее — в месте, которое можно вполне заслуженно назвать прямой кишкой Асгарда — находится область под названием Нифльхейм. И уже в самой нижней точке Нифльхейма, которую можно без преувеличения сравнить со сфинктером Асгарда, вы найдете Хельхейм.

Хель, госпожа вышеупомянутого сфинктера, возлежала на груде надувных подушек из змеиных кишок, поглаживая обвившегося вокруг ее шеи дракончика.

— Как тебе моя новая накидка? — поинтересовалась она у Модгуд, своей подружки-трупоеда, в описываемый момент щеголявшей в обличье огромного орла.

Модгуд прищурилась.

— Сдается мне, сладкая моя, что она немного слишком живая.

Хель с ловкостью, свидетельствующей о наличии огромного опыта, свернула дракончику шею.

— А теперь?

— Ну, не знаю, — протянула Модгуд, всегда отличавшаяся избыточной для трупоеда чувствительностью. — Теперь, пожалуй, слишком... слишком безжизненная.

Хель вдруг подпрыгнула на месте и села, расшвыряв подушки.

— Я приняла... Это же... т-т-то самое! — заикаясь от волнения, пробормотала она и глубже задвинула в ухо таблетку наушника.

Модгуд приподнялась на когтях.

— Что-что, сладкая моя? Что приняла?

— Пароль. От самого Одина.

— Какой еще пароль? «Сменить говнофильтр»?

— Нет. Да нет же, птица дурацкая. «Да здравствует поддувало». Пароль активации пневмопушек. Нас атакуют.

Оскорбительное обращение уязвило Модгуд, но она решила, что обида может и подождать — на благо планеты. Опять-таки, настоится — крепче будет.

— Ну-ну, сладкая моя. Спокойнее. К чему истерики? Разве этот пароль не требует подтверждения?

Хель вытерла лоб волосатой лапищей.

— Да. Да, конечно, требует, дружок. Дробь. И прости, если обиделась на «дурацкую птицу».

— Ой, да ладно, — добродушно хмыкнула Модгуд. — Работа у тебя такая, нервная. — В душе она уже прикидывала, как бы сподручнее подсунуть Хель яд. Пусть и не убьет эту сучку, но уж в сортир ее заставит бегать полдня как минимум.

Улыбка облегчения на лице у Хель разом застыла, когда железный трон, на котором она сидела, завибрировал от ударов подтверждающего кода.

— Что там?

— Заткнись, кретинка. Я считаю удары.

Несколько секунд, пока ее госпожа прислушивалась, Модгуд чистила перья.

— Война! — объявила Хель наконец, вскакивая с трона. — На Асгард напали. Наконец-то у меня появился шанс выбраться из этой задницы на поверхность. И если мои орудия спасут нас, значит, прощай, отстойник для лузеров.

— Лузеров?

Хель закатила глаза.

— Больно чувствительна ты для трупоеда. Готовь орудия к бою.

— Которые? Не все же?

— Все.

— А по чему стрелять?

— Не по мосту — там Хеймдалль. Значит, по всему остальному, что движется! — рявкнула Хель. — Может, потеряем при этом несколько драконов... но внутри ледяной оболочки чужие!

Отстойник для лузеров, мрачно размышляла Модгуд, включая компьютер на запястье. Хорошо хоть, мы признали существование современной техники. Не полагаемся на доисторические телефонные звонки и коды-перестуки...

— Слыши, слыши, что ты там думаешь! — взвизгнула Хель. — Что-то про шатры и пирог!

Модгуд потыкала пальцем в экран и активировала пушки.

И да поможет нам Бог, подумала она. Бог, не те боги, что у нас здесь. Другие, менее...

Додумывать фразу трупоедиха не стала — на случай, если Хель все-таки настроит свои телепатические способности.

Зафод уже задыхался; легкие кололо тысячей иголок и булавок. Драконы кружили над мостом. Их было не меньше дюжины, они игриво толкались и покусывали друг друга за хвост. Время от времени они пыхали огнем — не целясь, но достаточно близко от Зафода, — и от моста отлетали куски льда.

Ну... думал Зафод. Погиб, сражаясь с драконами на Асгарде. Не самый плохой конец. Лучше, чем поскользнуться на какой-нибудь кожуре или провалиться в канализационный люк. И все-таки жаль, что мне не добежать до той стены.

Стена. Уж не говорила ли Диона Карлингтон-Хьюсни что-то про стену?

Можно поставить себе новую первоочередную задачу: добраться до этой стены, решил Зафод. Надо сказать, подобная легкость в принятии судьбоносных решений вообще была ему свойственна. Во что бы то ни стало доберусь до этой стены.

Еще через два шага ноги у него подкосились, и дальше он перемещался на четвереньках, отчаянно работая всеми тремя руками.

— Стена, чтоб ее, — хрипел он. — Стена!

Драконы сочли это зрелище презабавным, а один даже достал из-под чешуи сотовый телефон позвонить приятелям.

— Ей-богу, Бёрни, тебе стоит посмотреть на этого идиота. Помнишь того типа на деревянных ногах? Помнишь, он у нас горел как свечка? Так вот, этот даже смешнее. Бросай все и дуй сюда!

То есть драконов будет еще больше. Славно...

Твари едва не сдували крыльями пузырь искусственной атмосферы, цеплялись за Зафодову одежду острыми когтями.

— Эй, осторожнее! Это парадный президентский костюм! Вы хоть знаете, кто я такой, ящерицы?

Мост вздрогнул от тяжелых шагов — это Хеймдалль, не спеша, вышел посмотреть на расправу. Улыбка у него сделалась шире, чем у мэра Оптимизии с его вставными челюстями, когда тот на свои именины сорвал куш в лотерее, а еще узнал, что его главный, еще со школьных времен соперник облажался, и что заведенное на него, мэра, уголовное дело закрыто.

— Ну что, слабо добежать? — поинтересовался бог, глядя на Зафода сквозь оранжевые стекла лыжных очков.

— Это что, приговор? — не понял Зафод.

— Ты не выполнил задачи, Бабблфокс.

— Я Библброкс, — обиделся президент Галактики. — Может, ты этого и не замечаешь, но всякий раз, когда ты делаешь

ошибку в моем имени, мне это неприятно. Я вообще-то позитивно настроенный человек, но это мне почему-то неприятно. И ничего тут нет смешного.

— А по-моему, смешно, Фиблджок, — возразил Хеймдалль и повысил голос, чтобы его услышали продолжавшие плеваться огнем драконы. — А вы как считаете, мои красавчики?

— По мне, так это просто ужас, как смешно, — отозвался альфа-самец в красную полоску, паря над мостом и болтая при этом задними ногами — что труднее, чем кажется со стороны. — Если вас, босс, интересует мое мнение, коверкание его имени — это все равно что...

Следующие звуки, вырвавшиеся из его пасти, мало походили на слова — скорее на визг, перемежающийся намеками на междометия. Впрочем, прежде чем последние успели оформиться в нецензурные выражения, боль окончательно отключила голосовые связки от ответственных за речь долей мозга.

— Какого... — начал Хеймдалль и осекся: на его глазах альфа-самец в красную полоску превратился в облачко плазмы от прямого попадания какого-то неизвестного снаряда.

— Ух ты! — восхитился Зафод. — Всегда хотел узнать, что случится с драконом, если он задержит дыхание.

Новый снаряд угодил соседнему дракону в плечо, и тот штопором устремился вниз, к поверхности планеты, оставляя за собой шлейф иссиня-черного дыма.

— Эй, ты вообще собираешься реагировать? — поинтересовался Зафод. — Где твоя хваленая сверхбыстрая реакция? Или она есть только у главных богов?

Хеймдалль очнулся и развел бурную деятельность.

— Летите, мои красавчики! — завопил он. — Прячьтесь внизу!

Драконы разомкнули боевой порядок и разлетелись во все стороны, стараясь быстрее убраться подальше от места, где кто-то расстреливает их товарищей. Однако при всей своей стремительности они не могли оторваться от снарядов, которые целым роем вынырнули из-за горизонта и по мере захва-

та датчиками целей отворачивали и гнались каждая за своим драконом.

Хеймдалль опять сложил свой рог и набрал номер экстренной связи с Хельхеймом.

— Хель? На нас напали!

— Знаю, — отозвалась дьяволица. — Не беспокойся, я послала несколько дюжин снарядов. Видишь неприятеля?

Хеймдалль всегда славился бдительностью, особенно чуткой благодаря его способности обходиться без сна. В любом скандинавском кабаке вам расскажут, что он увидит, как растет трава, и услышит, как падает на землю лист, — даже если это происходит на другом берегу океана. Однако с тех пор прошло немало времени, и теперь Хеймдалль частенько не прочь вздремнуть после чашечки латте, а уж какой-нибудь листопад и вовсе не заметит.

— Не вижу никого. Только торпеды, летящие со стороны южного полушария.

Хель задумчиво хмыкнула.

— Южного, говоришь? Не с арки Бифроста?

— Да нет. Мост передо мной как на ладони. Говорю тебе, с юга.

— И никаких пришельцев? Ну, хоть зеленых таких, с лазерами, или бластерами, или еще чем таким?

Хеймдалль стиснул Гьяллархорн с такой силой, что тот аж заскрипел.

— Нет. Никаких, Зарк их подери, пришельцев, ясно? Только косяки голубых торпед с розовым выхлопом. Немного похожи на наши, какими я их помню.

— Да нет, нет, — произнесла Хель виноватым тоном подростка, не пропускающего мать к себе в спальню, полную девиц, парней, травы, колес, краденых драгоценностей и прочих предосудительных вещей вплоть до играющей задом наперед музыки. — Не могут это быть наши. У наших выхлоп красный. Ну, светло-красный, но никак не розовый.

Хеймдалль зарычал: еще одного его дракона сбили.

— Плевать мне, какого они цвета. Сбей их, Хель. Можешь их сбить?

— Э... да. Пожалуй, могу. Вот... компьютер вычислил их частоту, и мы можем послать команду на самоликвидацию, что я сейчас и делаю... сейчас.

Оставшиеся торпеды взорвались, разбросав по небу розовые и голубые искры. По льду громко застучали осколки.

— Отлично проделано, — выдохнул Хеймдалль, по щекам которого текли слезы облегчения. — Я доложу Одину о твоих сегодняшних подвигах.

— Правда? Доложишь? Но это же здорово! Конечно, будь это *наши* торпеды, я бы уничтожила их еще быстрее — ведь их-то частоты я и так знаю. Так что это наверняка не *наши* торпеды, да и откуда здесь взяться нашим торпедам... В общем, если кто спросит, отвечай, что не *наши*. Кто-нибудь вроде, например, Одина. *Не наши*. Понял?

Хеймдалль открыл было рот, чтобы ответить, но тут заметил, что Зафод Библброкс собрался с силами и снова бежит, прихрамывая, к стене.

Если он доберется до стены, я обязан буду вести переговоры...

Впрочем, даже осознание этой истины и значительные потери в корпусе драконов не удержали Хеймдалля от ухмылки. Библброкс почти достиг стены, однако пользы от этого «почти» было примерно столько же, сколько от флабуза в любом деле, для которого требовался большой палец — в открывании бутылок, например, или в игре на лютне, или в голосовании на обочине. С таким же успехом уроженец Бетельгейзе мог бы стоять на месте, ибо одолеть бога в беге на короткую дистанцию — дело нереальное. До стены Библброксу оставалось всего несколько шагов, но шансов на победу у него имелось не больше, чем если бы он находился на расстоянии светового года отсюда в свинцовом пиджаке и башмаках из нейтрония.

Поймать Библброкса, подумал Хеймдалль, и не успели еще стихнуть электронные импульсы этой мысли, как он уже стискивал горло Библброкса, прижав того спиной к стене.

— Не знаю, что ты сделал с моими дорогими драконами, но тебе это не поможет!

Зафод ощущал себя так, словно на грудь ему сел сиськодонт. И не какой-нибудь симпатичный травоядный сиськодонт, который и сел-то на него по ошибке и сойдет, едва услышав голос Зафода. Нет, злобный, кровожадный сиськодонт-мутант, не слушавшийся своих родителей в детстве и своего стада в юности, а вместо этого получающий наслаждение, расплющивая добычу задницей, прежде чем ее сожрать.

— Чертов сиськодонт-мутант, — прохрипел, задыхаясь, Зафод.

Хеймдалль сжал его горло чуть сильнее.

— И это все? И это последние слова знаменитого президента Нидлфакса?

И тут Зафод кое-что вспомнил.

— У меня ведь не у одного прозвище имеется, верно?

Бог неуютно поморщился.

— О чем это ты толкуешь?

— Только не вздумай отпираться. У вас, ребята, у всех есть типа тайная кличка. Вроде пароля. Это мне как-то Тор по пьяни рассказал, когда мы с ним бухали на Дзенталквабуле. Мы так набрались... ты даже не поверишь. Я целовался с силагестрийкой.

— Врешь, — прошипел Хеймдалль.

Зафод даже обиделся.

— Гордиться тут, конечно, нечем, но я целовался с той силагестрийкой... и ее хозяином тоже.

— Смертным не дано знать наши прозвища. Это тайна. Ты все врешь.

Огромное гладко выбритое лицо Хеймдалля придвинулось к Зафоду на расстояние в несколько дюймов, и воздух вокруг него буквально гудел от разлившейся в нем ярости. Гъяллархорн — так прямо раскалился докрасна. Зафод покосился на все это, но стоял на своем.

— Я? Вру? По-моему, ты немного перебарщаешь, тебе не кажется? Я всего лишь повторяю то, что мне говорил Тор. Типа не убивай вестника... и все тому подобное.

— Не пудри мне мозги. Я тебя предупредил, смертный.

Нелепость этого предупреждения была очевидна даже Зафоду.

— А то что? Сделаешь со мной что-нибудь страшное? Ну там, драконов натравишь... или голову оторвешь?

До Хеймдалля дошло, что, если уж отрывать Зафоду оставшуюся голову, это надо делать немедленно, пока тот не назвал тайного прозвища, но внезапный приступ сомнений сковал на мгновение его члены. Однако способность инстинктивно воспользоваться подходящим моментом всегда считалась одним из немногих реальных достоинств Зафода Библ-брокса наряду со знаменитой техникой Большого Взрыва, приготовлением «Пангалактического грызлодера» в три руки и методикой сушки волос снизу вверх, сообщавшей его челке особый шик.

— Ну же, Гнутая Палка, — произнес он. — Пусти меня.

И Хеймдалль покорился. Собственно, он не мог не покориться, стоило прозвучать его божественному прозвищу. Бог отступил на несколько шагов и понуро отвернулся.

— Кто-нибудь... да кто угодно... назовет меня в Асгарде Гнутой Палкой, и мне приходится покоряться. Гнутая, черт ее подери, Палка? Ну что за прозвище для бога? — Он принял раздраженно скидывать с моста куски битого льда, от чего на поверхность лежащей под ним планеты просыпался град. — Это все Локи придумал, а Одину, конечно, показалось смешным. «Гляньте-ка на Хеймдалля, — сказал Локи. — Как он на лыжах по склону летит... аж палки гнутся». Босс чуть бородой не подавился от смеха. И с тех пор чуть что — Гнутая Палка то, Гнутая Палка это... Было же у меня прежде нормальное прозвище. Я был Оком Асгарда. Круто, но после дюжины кружек трудно выговорить, вот я и стал Гнутой, мать ее растак, Палкой. — Плечи у великана вздрагивали так, что со спины казалось, будто он всхлипывает от жалости к себе.

— Эй, да что ты, — сказал Зафод, поднимаясь и отряхиваясь. — Чего так расстраиваться? У тебя столько еще впереди.

— Чего у меня впереди? Сижу как идиот на этом чертовом мосту, а компании — всего стая летучих рептилий. — Он с досадой топнул ногой, от чего содрогнулся весь мост. — Вот подумаю, чем они там сейчас занимаются, а? Скажи, чем?

— Ну, я не...

— Оргиями! — выкрикнул Хеймдалль. — Классными такими, старомодными оргиями! А я? Торчу здесь, охотясь за смертными. Я ведь мог сидеть там, весь в латексе, по шею в...

— Да ладно тебе, дружище. Всякого хватает на свете, и даже такого, что у меня в обеих головах не укладывается.

— У Локи два дворца. Два! И это после всех пакостей, которые он натворил. И он столкнется вместе с Одином. А все почему? Нет, почему? Только потому, что умеет запоминать анекдоты. — Хеймдалль повернулся к Зафоду; отсыревшие усы понуро обвисли, в глазах сквозило отчаяние. — Гребаные анекдоты! А мне здесь охранять целую планету. Общий привет!

Зафод сунул третью руку в карман.

— А знаешь, что я вижу перед собой?

— И что? — отозвался Хеймдалль, обиженно выпятив нижнюю губу.

— Я вижу героя.

— Очень мне нужно твое сочувствие, Фиб... Библброкс.

Зафод похлопал бога по ляжке.

— Вовсе я никому не сочувствую, балбес ты этакий. Просто ты настоящий герой. Таких во всей Вселенной не больше десятка наберется. Ты, я, ну и еще человека четыре.

Даже обладая таким огромным подбородком, Хеймдалль ухитился кивнуть так, что этого движения не заметил бы почти никто.

— Ну, может... Сам Один так не считает.

Зафод приподнялся на цыпочки.

— Один меня сейчас способен услышать?

— Пока ты на мосту да в пузыре — может, и нет. Если только не подслушивает специально.

— Тогда, уж прости за откровенность, Один тебя не заслуживает. Я тебе больше скажу: может, это Одину стоило бы посмотреть на себя и задаться вопросом: «Кто должен сейчас пирорвать со мной? Трусливый словоблуд? Или мой верный страж?» Мне кажется, многим было бы интересно выслушать ответ на этот вопрос.

— Трусливый? Ты правда так думаешь? Многим?

— Мы, люди, возможно, и смертны, но не глупы. Народ тебя любит, Хеймдалль. Черт, да он от тебя просто в восторге.

— Может, и любили... когда-то давно.

— Да нет же — сейчас. Знаешь, например, что на Алголе до сих пор существует культ Хеймдалля? Этим солнечным обезьянам ты еще не надоел.

— Правда? На Алголе, говоришь?

— Да и на Земле... бывшей уже Земле... ты был... ну, настоящим богом. Там повсюду стояли твои изваяния.

— А, Земля? — Хеймдалль довольно усмехнулся. — Им вообще все про мой рог нравилось. — Взгляд его затуманился, на мгновение бог Света погрузился в воспоминания о Скандинавии и только потом сообразил, что Зафод умело играет на его слабостях.

— Нет! — рявкнул бог, шмыгнув носом. — Все, хватит. Хватит! Никаких переговоров со смертными.

— А придется. Я знаю твое тайное прозвище.

— Ну да... вот так сразу. Это низко даже для такого, как ты. Зафод решительно упер две из трех рук в бедра.

— Тайным именем твоим заклинаю тебя и требую законного права на вход, Хеймдалль, бог Света, известный также как Око Асгарда!

Хеймдалль хмыкнул (не слишком чтобы недовольно), поднял Гьяллархорн и стукнул им по стене. Огромный пласт льда мгновенно откололся от нее и со скрежетом («Свобода! Наконец-то свобода! Хеймдалль, гад!») рассыпался в мелкую пыль, растаявшую в воздухе.

— Придется мне тебя пропустить, — заявил бог Света. — Тор, поди, в «Колодце Урдов» — завивает горе веревочкой. Он туда, можно сказать, почти переселился. Пропустишь с ним кружку-другую, если он позволит, конечно.

— Только одну, — пообещал Зафод. — Глоточек отхлебну, и все.

Если бы Левый Мозг смог перехватить эту мысль, он бы долго смеялся, объясняя всем, что для Зафода Библброка «один глоточек» означает примерно то же, что для мыши дать прямой ответ на простой вопрос.

8

Борт «Тангристира»

Форд Префект тоже собирался по пиву. Исследователь с Бетельгейзе исполнился решимости наслаждаться, пока дают, тишиной и покоем путешествия по темному пространству. Он занавесил иллюминаторы одеялами, заказал репликатору кружку пива «Гогглз» и подключился к бортовому компьютеру. Конечно, «Путеводитель» тоже оснащен неплохой суб-этап-связью, но бортовой компьютер «Тангристира» работал так быстро, что принимал голограммическую передачу в реальном времени практически в момент, когда она снималась.

Мегабыстро... круто, подумал Форд, не знаящий о голограммах ничего, кроме того, что они мерцают и что их нельзя лизнуть.

Форд зарегистрировался на Ю-торге и поспорил сам с собой на вторую кружку пива, что не профукает все свои настоящие и будущие сбережения прежде, чем успеет моргнуть. Выиграть это пари оказалось проще простого. Вслед за этим он приобрел пару дорогих космических яхт, триста гал-

лонов чесночного желе, небольшой континент на Антаресе для любимого племянника и несколько горшков ядовитых (если их полить) цветов для нелюбимых сослуживцев из Ин-ФиДим Энтерпрайзис — оплатив все это своей безлимитной ресторанный кредитной картой.

Возможно, мне полагалось бы испытывать некоторую вину перед «Путеводителем», думал Форд, когда бы главный редактор Зарнивун Ванн Харл не был бесхребетной марионеткой, принимающей взятки от вогонов.

Вообще-то как полевой исследователь Форд не имел ничего против взяток, но всему есть свои рамки, а для Форда Префекта в эти рамки никак не вписывались те, кто пытался лишить его жизни тем или иным болезненным способом. Убийство с помощью алкогольного отравления он, пожалуй, простил бы, но против уничтожения посредством термоядерных боеголовок решительно возражал.

Восстановив силы и душевное равновесие, Форд поморгал немного и откинулся на спинку кресла.

Спасибо, Докси Рибоню-Клэгг, подумал он. Спасибо, что изобрел суб-эту.

Необходимое пояснение. С формальной точки зрения, Докси Рибоню-Клэгг не столько изобрел суб-эту, сколько обнаружил ее существование. Суб-эта-волны существовали вокруг нас примерно столько же, сколько существовали боги, если не раньше — просто они ждали, пока кто-нибудь начнет закачивать в них информацию. Предание гласит, что Рибоню-Клэгг валялся как-то раз на травке своей родной планеты, лениво глядя в небо. Именно тогда уважаемого профессора посетила мысль о том, что весь окружающий космос буквально настигован информацией, и что он и сам, возможно, мог бы переслать толику своей, если только обработать ее предварительно надлежащим образом. С этой мыслью Рибоню-Клэгг поспешил в свою маленькую лабораторию и сконструировал самый первый известный историю суб-эта-передатчик. При создании его было использовано несколько мельниц для специй, несколько живых новорожденных крысят, разнообразные собранные с миру по нитке приборы, а также профессиональные парикмахерские ножницы. Собрав все

это в единую конструкцию, Рибоню-Клэгг сунул в нее пару фотографий из своего свадебного альбома, нажал на кнопку и принял молиться о том, чтобы они появились в расположенному в противоположном углу комнаты приемнике. Фотографии не появились, зато вместо них на табло высветился выигрышный номер предстоящего тиража национальной лотереи, и это настолько ободрило профессора, что он поспешил запатентовать свое изобретение. Лотерейный выигрыш Рибоню-Клэгг почти полностью потратил на стаю акул-юристов, выигравших процессы против восемидесяти девяти компаний, которые изобрели реально функционирующие суб-эта-передатчики. В результате этого профессор сделался самым богатым человеком планеты — ненадолго, поскольку свалился ненароком в бассейн к своим юристам, и те, подчиняясь инстинктам, его съели.

Форд как раз принял за четвертую кружку, когда дверь его каюты скользнула вбок и на стену-дисплей упал прямоугольник зеленого света.

— А, заходи. Я тут, понимаешь, пытаюсь расслабиться, продувая денежки родной компании. Только свет свой зеленый выключи.

— Очень смешно, — отозвался голос, такой саркастический, что даже глухие как пробка ореховые полевки с Огларуны ощутили бы это усиками.

Форд развернулся в кресле и понял, что свечение исходит от стоявшей в дверях фигуры.

— Что-то вид у тебя зеленоватый, — заметил он.

Рэндом насупилась.

— Ты бы тоже позеленел, посидев взаперти в прозрачной трубе, заполненной газом для счастливого настроения.

— Счастливого? Но на тебя он не подействовал, нет?

— Еще бы ему подействовать, когда родная мать занимается зарк знает чем с этим гнусным инопланетянином — прямо у тебя под носом. Гадость какая.

Форд понимающе кивнул.

— Ах да, принцип Де Бьёфа. Читал, читал — в такой штуке с настоящими бумажными страницами. Ну, которые еще самому переворачивать надо.

— В книге, — кивнула Рэндом. Форд даже не мог сказать, злится она или нет.

— Ну да, точно. Так я понял, тебе не слишком нравится романтический поворот событий?

Рэндом вошла в каюту; с каждым шагом над ее плечами поднималось маленькое облачко зеленоей пыли.

— Нет. Не нравится. Он такой самодовольный. Настоящий...

— П&&добр? — с готовностью подсказал Форд.

— Да. Именно так.

Пальцы Форда нетерпеливо барабанили по воздуху в ожидании возможности взяться за кружку.

— Ну почему бы тебе не поговорить об этом с Артуром? В конце концов, он твой биологический отец.

Рэндом горько улыбнулась.

— Артур? Я пыталась, но у него тоже роман. С его чертовым компьютером.

Эта новость удивила даже Форда. Не то чтобы люди не могли влюбляться в машины — один его кузен как-то провел два года наедине с тостером, — но Артур все-таки оставался для этого слишком уж старомодным, стопроцентным землянином.

— Любовь — штука сложная, — философски заметил он, пытаясь припомнить содержание брошюры, которую ему всучили как-то на курортах Гавалиуса. — Не суди других, пока сама не захочешь жить с кем-нибудь другим, возможно, даже зеленым, вот тогда жизнь вас рассудит и вы пойдете дальше вместе, вот тогда и сможешь судить, потому что судить можно, только испытав то, что хочешь судить... ну и так далее. — Форд перевел дыхание. — Ну, ты понимаешь, я пропустил уже пару пива, так что цитирую приблизительно.

Он поморщился, представляя себе, какой шквал цинизма обрушится сейчас на его голову, но Рэндом неожиданно смягчилась.

— Право же, это очень мило, Форд, — произнесла она ангельским голосом. — Я бы даже сказала — мудро. Пойду-ка

я к себе в каюту, смою хоть часть этого дерьяма и как следует поразмыслю над тем, как не судить людей.

Форд галантно помахал ей рукой.

— За совет денег не беру, юная мисси. Захочешь еще мудрых истин — не стесняйся, заходи к старине Форди. У меня тонны советов в таких областях, о которых большинство даже отдаленного представления не имеет. Что, например, делать, если планета вот-вот взорвется. Уж поверь, по этому конкретному вопросу во всей Вселенной не найти эксперта лучше меня.

И вернулся к компьютеру, теша себя мыслью о том, что исполнил роль Форда Префекта, Наставника Молодых — по крайней мере в этой жизни.

Воспитание... Проще пареной репы. Решительно не пойму, чего из-за этого так парялся.

Будь Форд хоть на капельку более внимателен и хоть на капельку менее рассеян, он мог бы и вспомнить по собственному подростковому опыту, что ангельское поведение в этом возрасте случается исключительно по одной из трех причин. Причина первая: имеется какая-то шокирующая новость, которую придется довести до всеобщего сведения. Беременность, например, или употребление каких-либо запретных веществ, или запретная связь. Причина вторая: сарказм означенной особы подросткового возраста достиг таких высот, что уже не воспринимается никем, кроме других мастеров жанра, к каковым особа, на которую он нацелен, никак не относится. И, наконец, причина третья: разговор медовым голосом — всего лишь отвлекающий маневр, когда ангельски ведущему себя подростку необходимо что-то стырить.

К моменту, когда Форду полагалось бы заметить, что его безлимитная кредитная карта пропала, ее уже вернули на место. Но прежде Рэндом воспользовалась на Ю-торге опцией ретро-покупок и купила кое-что у давным-давно умершего продавца. Кое-что пострашнее трехсот галлонов чесночного желе.

В самом деле, желе с чесноком — не так уж это и страшно.

* * *

— Я самый невезучий человек во Вселенной, — жаловался Артур Дент компьютеру «Тангриснира». — Вечно со мной всякое случается. Не знаю почему, просто так было, сколько я себя помню. Моя нянька утешала меня, давала всякие там конфеты, драже, но называла меня «Тридцать Три Несчастья». Только она была родом из Манчестера, поэтому слово «несчастья» выговаривала как «нисястя».

Мерцающая голограмма, сидевшая, скрестив ноги, в изножье койки, нахмурилась, поворошив память Артура.

— О, — произнесла она. — Драже. На какую-то наносекунду мне показалось...

— Где бы я ни оказывался, всюду появляются какие-нибудь злобные пришельцы и разносят все к чертовой матери. Взрывают или сжигают.

— Но не вас, — заметила Фенчёрч.

— Что?

— Вас не взорвали и не сожгли. Вы прожили долгую, насыщенную жизнь, а теперь начали новую.

Артур нахмурился.

— Да, но... Это был возраст, когда заставляют спать в длинной ночнушке или в пижаме. Можно ли ощущать себя несчастнее? Лежать, можно сказать, связанным...

— Большая часть вашего вида погибла, — перебил компьютер именно в той манере, как это в воспоминаниях Артура сделала бы Фенчёрч. — У вас имелся один шанс выжить из миллиарда, но вы выжили. Дважды. Мне это представляется везением. Такое чаще случается с вымышленными героями.

— Ну да, но...

— А еще у вас красивая дочь.

— Да. Только характер тяжелый.

— Правда? Страннодля подростка. Пожалуй, вам и впрямь хронически не везет.

Артур ощущал себя совершенно раздавленным. И как, скажите на милость, себя ощущать, если по тебе проехали катком? И тут голографическая Фенчёрч расстроила его еще сильнее, высказав довольно неочевидную мысль. Ну, не то,

чтобы совсем уж дурацкую фразу типа «Ой, смотри! Обезьянка!», но ненамного менее причудливую ерунду.

— «Страсть» может быть как существительным, так и наречием, — сообщила она.

— Ясно, — машинально отозвался Артур и тут же опомнился. — А как насчет «удачи»?

— Ну, разговор у нас поверхностный, правда? Так вот, это именно то, что вы хотели знать.

— Что такое « страсть»?

— Да. И почему вы ее, похоже, не утратили.

Артур почувствовал, что сердце его забилось чуть быстрее, так подействовала на него эта истина.

— А ты знаешь? Можешь мне сказать? Только без цифр и формул, пожалуйста.

Фенчёрч почесала лоб, от чего изображение заискрилось.

— Я могу объяснить значение слова « страсть» — все словарные трактовки, синонимы и тому подобное. А также могу рассказать все об эндорфинах, нервных окончаниях и мышечной памяти. А вот сердечное томление остается для меня загадкой. В конце концов, я ведь всего лишь компьютер, Артур.

Артур привычно скрыл разочарование потиранием рук и покусыванием губы.

— Да конечно. Ничего страшного.

— Я изготовлена, чтобы житьечно, а вы — чтобы просто жить.

— Это что, лозунг Кибернетической Корпорации Сириуса? — нахмурился Артур.

Фенчёрч подкрасила две группы пикселей, изобразив румянец.

— Возможно. Все это означает, что целая рекламная фирма полагает, будто вы в это поверите.

— А... Значит, никаких ответов.

— Одни вопросы.

— А мне казалось, главного вопроса мы так и не знаем.

Фенчёрч внимательно изучала ногти.

— Главный вопрос для каждого свой. Для меня, например, это период полураспада топлива в корабельном реакторе. На самом-то деле меня изготовили вовсе не для вечной жизни, это просто рекламный лозунг такой.

— И какой же ответ на вопрос о полураспаде?

— Не знаю. Эта чертова штука использует божественную магию. Ей полагалось заглохнуть еще десять тысяч лет назад.

— Значит, ты ответов тоже не получила?

— Ни фига.

— Мы ведь просто разговариваем, да?

— Вроде так.

— Похоже, здесь все рассчитывают на Тора. Я знаю, он был прежде твоим боссом, но мне он представляется чудо-вишным занудой.

Фенчёрч мечтательно прикрыла глаза.

— Занудой? Нет. Он был замечательный. Божественный.

Такого выражения на лице реальной Фенчёрч Артур ни разу не видел.

— Мне кажется, по этому вопросу мы с тобой расходимся.

— Очень хорошо, Артур Дент. Могу я выбрать из вашей памяти другую тему для разговора?

— Хорошая мысль.

Несколько мгновений компьютер рылся в его воспоминаниях.

— Не хотите ли чашечку чая? — спросил он наконец.

— Наконец-то вопрос, на который я могу ответить, — улыбнулся Артур.

Асгард

Необходимое пояснение. Асы всегда раздували чудеса Асгарда неадекватно их реальным достоинствам. Так, например, Бальдуру, сыну Одина, приписываются следующие слова: «Все здесь огромно, величественно и ослепительно. Вам, смертной мелюзге с вашими жалкими постройками и скарбом даже представить себе невозможно, что такое настояще великолепие.

Великолепие Асгарда свело бы вас с ума... впрочем, есть у нас такие штучки, типа эликсиры, которые вернули бы вам ваши жалкие умишки. Что еще у нас такого... ну, например, космическая корова, слизавшая весь лед с Валгаллы, или тот старикишка, из подмышки которого родился Одинов папаша. У нас в Асгарде такое в порядке вещей».

Примерно такая болтовня в свое время побудила Боума Катарси, харизматичного главу культа агностиков с Горизонтии, тайком пробраться в Асгард, чтобы увидеть все это своими глазами. На планету богов он попал, спрятавшись в живот козлиной туши. Вот что гласит расшифровка передачи, которую он вел с поверхности планеты: «...вонь стоит почти невыносимая, но я постараюсь вытерпеть ее ради вас, друзья мои. Ничего удивительного в том, что в этих богов больше никто не верит, так от них несет. Что-то потрескивает... уж не огонь ли? Пожалуй, пора достать нож и выбираться отсюда, пока тушу не нанизали на вертел. Сейчас... сейчас... нож... Где этот чертов нож? Я же точно помню, что взял его, сунул в карман треников. Ох, черт. Зарк! Я же в джинсах! Огонь все ближе, я уже ощущаю жар. Помогите! СПАСИТЕ! Я верю, верю! Не ешьте меня, пожалуйста...» — дальше слова Боума Катарси сделались неразборчивы, за исключением двух: «ой, ноги» и «мамочки!» На протяжении следующего десятилетия после жертво-приношения Боума на его родной планете расцвел культ поклонения асам, а самой популярной надписью на футболках стали слова «Я ВЕРИЮ. НЕ ЕШЬТЕ МЕНЯ».

В общем, все это говорится к тому, что во времена Боума Катарси об Асгарде не было известно почти ничего, а в наши дни — и того меньше, поскольку ни одному смертному не удалось с тех пор побывать на Асгарде и вернуться оттуда живым, а те смертные, которые утверждают, будто это им удалось, на деле либо Один в человеческом обличии, либо просто психи.

От Моста-Радуги на поверхность Асгарда Зафод Библброкс спустился на шикарном фуникулере. Мало того, что кабина фуникулера отличалась неслыханным комфортом — на полочке даже стоял баллончик жидкости для полировки шлемов, а ноги грели задумчивого вида ящерицы, — так он

оказался еще и чертовски удобным, ибо конечная станция располагалась в самом центре Валгаллы.

В напоминающей блокпост будке иммиграционного контроля сидел викинг, выказавший при виде сходящего на перрон смертного признаки некоторого удивления. Точнее говоря, он был так потрясен, что глаза его буквально выскочили из глазниц.

— Bay, — восхитился Зафод. — Гадость какая. А повторить можешь?

— Не, не могу, — отозвался викинг, возвращая глаза на место. — Побери меня Эдда, кто ты такой?

Зафод чисто инстинктивно выбрал проверенную временем тактику ответов вопросом на вопрос.

— Провалиться мне в ад, а ты кто такой?

— Здесь вопросы задаю я!

— И какие здесь вопросы задаешь... ты?

Викинг закатил глаза и издал звук, похожий на то, как беззубый стариk тянет чай из блюдца.

— Ты что, нарочно меня из себя выводишь?

— А что, тебя нарочно выводят из себя?

Викинг вскочил на ноги.

— Ладно. Я мертвый викинг, меня оживили. Ясно? Мы погибаем в бою, чтобы попасть сюда — а эти сволочи оживляют нас и делают прислугой. Я был капитаном собственной гребаной ладьи. Мы неплохо порезвились в Англии, повыбивали пыль из этих саксов. А здесь меня посадили на контроль. Гребаный контроль — поверишь ли? Меня! Эрика Красную Руку! Красную, сам понимаешь, от пролитой ею крови. Не моей, чужой. — Тут Эрик замолчал, потому что глаза его выказывали явное желание вывалиться еще раз.

— Ух ты! — снова восхитился Зафод. — Да это у тебя в привычку входит.

— Да, подгнивать начинают, — признал викинг, протирая глаз рукавом.

— Но сейчас как, лучше?

— Ага, — вздохнул Эрик. — Их, знаешь ли, полезно проветривать.

Зафод похлопал его по плечу.

— Тебе, приятель, стоит последить за душевным здоровьем.

— Спасибо. Это первые добрые слова, что я слышал с тех пор, как подрядился в тот набег на Британию. Я, может, даже прослезился бы, если бы мог.

— Всегда пожалуйста. Зафод Библброкс всегда готов нести радость в такие места, которые другим президентам недоступны.

Эрик подслеповато прищурился, поднеся блокнот к самым глазам.

— А, да. Библброкс. Хейми-лыжник звонил мне насчет тебя. Только забыл упомянуть, что ты из смертных. Зачем щадить сердце старины Эрика, если он и так мертв? И так всегда.

— Я вообще-то Тора ишу.

Эрик оживился.

— Э, его-то найти проще простого. «Колодец Урдов». Ступай к Иггдрасилю, самому огромному вязу, от него налево... только единорогам денег не давай, они от этого наглеют. И еще: встретишь вдруг парня с носом, типа крючковатым, откликающегося на «Лейф» — передай ему: сдается мне, мы с ним глазами случайно поменялись.

Даже Зафод при всех своих способностях без труда нашел золотое дерево — и это при том, что его то и дело отвлекали толпы похожих на зомби оживленных викингов, шатавшихся по улицам, стискивавших костлявыми лапищами корзины с бельем из прачечной или волочившихся на поводке за крошечными собачками.

— Фигня какая, — раздражено буркнул он. — У них у всех крючковатые носы.

Дерево оказалось огромно. Его сверкающие ветви спускались до самой земли под тяжестью привязанных к ним мечей и щитов павших героев, а также рекламы фирмы-изготовителя готовых завтраков, каковая, если верить надписи

на биллбордах, являлась генеральным спонсором транспортировки павших героев валькириями с поля боя.

Зафод махнул рукой на поиски парня по имени Лейф и свернулся в захламленного вида переулок, со стен которого осыпался хлам, потому что они и состояли из хлама. Впрочем, поскольку дело происходило все-таки в волшебном королевстве, хлам летел и обратно с земли на стены.

— Ну и хлам, — не выдержал Зафод, отметив про себя, что фраза эта не только отображала его эмоции, но и констатировала факт, а также могла служить предостережением тому, кто по чистой случайности шел за ним следом.

— Это ты мне, чувак? — произнес зычный голос, и Зафод сообразил: то, что он принял за сталагмит из мусора, на деле представляло собой пробившийся сквозь булыжную мостовую грязный-прегрязный корень вяза Иггдрасиля.

— Прошу прощения, — спохватился Зафод, ощущая некоторую неловкость от разговора с деревом. — Я принял тебя за деталь местной канализации.

— Не слишком и ошибся, — буркнул Иггдрасиль; никакого рта или других органов речи при этом не наблюдалось — неудивительно, что Зафод не сразу определил источник звука. — Тут прямо на землю, знаешь сколько дерьяма выливают... а мне все это корнями впитывать. И еще потом кое-кто удивляется, почему у меня IQ понизился. Как пожрешь, так и... в общем, так и думаешь.

— Я тут Тора ишу.

— Большого Рыжего? Вот в эту дверь, прямо перед тобой.

Зафод сощурился в полумраке, однако отыскать дверь оказалось не легче, чем органы речи Игдасиля.

— Не вижу никакой двери.

— Для этого нужно произнести волшебное слово.

Зафод потер виски и сосредоточился.

— Ладно. Не говори. Сейчас... сейчас... Всплывает в памяти. Не «Дерево — это круто»?

— Лесть любые двери откроет, — хмыкнуло дерево и раздвинуло заросли плюща на отсыревшей стене. Под ними

обнаружился проем, из которого сочился никотиново-желтый свет. — Валяй, чувак, заходи.

Зафод сделал шаг внутрь. Ему не пришлось пригибаться, поскольку дверь пробивали для заметно более крупной особы.

Планета Бабуля

Стоя у окна своего кабинета, Хиллмен Хантер любовался тропическим великолепием планеты, приобретенной им на краю туманности.

Все правильно сделал, Хилли, произнес голос покойной бабули у него в голове. Не увези ты этих людей с Земли, составляющие их атомы уже разлетались бы теперь по Вселенной. И как ты думаешь, что бы они предпочли — некоторые ущемления гражданских свобод или смерть?

Хиллмен понимал, что бабулин голос прав, но никак не мог отделаться от ощущения, будто где-то — он никак не мог определить, где именно, — его надули. Можно было провернуть всю эту сделку с большей выгодой, но Зафод Библброкс каким-то образом скрыл от него подобную возможность, и теперь Хиллмену было больно думать о том, что его облапошил такой очевидный тупица.

На столе загудел вызов по внутренней связи, и Хиллмен отвлекся от созерцания пейзажа. Он помахал рукой над датчиком, и над столом возникла маленькая голограмма его секретарши.

— Да, Мэрилин?

— Тут вас хочет видеть одна леди.

— Она записана на прием?

Мэрилин надула губки, словно затруднялась с ответом.

— Она говорит, ее запишут.

— Как-то это немного загадочно, Мэрилин. Попроси ее, пусть прояснит немного.

Прежде чем Мэрилин успела ответить, в кресле для посетителей напротив рабочего стола Хиллмена возникла женщи-

на. По прошлым собеседованиям Хиллмен уже привык к тому, что соискатели, мерцая, материализуются перед его столом, однако эта женщина возникла как по щелчку выключателя.

— Госспади! — охнул он.

— Вообще-то нет, — возразила та. — Меня зовут Гея, мистер Хантер. — Голос у нее был умиротворяющий, можно сказать, даже слегка убаюкивающий.

— Ах, да. Гея, Мать-Земля. — Хиллмен порылся в стопке резюме. — Вообще-то в мои намерения не входило проводить собеседования с божествами женского пола.

Гея уставила в Хиллмена взгляд своих темно-карих глаз.

— Конечно, но ради меня вы сделали бы исключение, так что я просто решила поторопить события.

В сочетании с голосом взгляд действовал прямо-таки гипнотически, и Хиллмен вдруг понял, что общество этой привлекательной леди ему нравится. Весьма.

— Возможно... Возможно, вы поступили разумно.

Лицо у Геи напоминало формой сердце с пунцовыми, чувственным губами.

— У вас ведь найдется время поговорить со мной, правда, Хиллмен?

— Да. Госспади, ну конечно, черт подери.

— Я Мать-Земля, но Земли меня лишили, вот я и нашла себе новый дом. Я могла бы быть счастлива здесь. И вы, кстати, тоже.

— Да, Мать-Земля. Счастлив, как свин...

— Я полагаю, нужда в дальнейших собеседованиях отпала?

— Разумеется. Зачем мне другие кандидатуры?

Гея улыбнулась и подалась вперед, ближе к нему. Хиллмен обратил внимание на то, какие у нее пальцы — изящные, но сильные.

— Я могу напоить эту землю плодородием. Здесь все пойдет в пышный рост.

— Это здорово. Плодородие нам не помешает.

Мать-Земля развела руки, и Хиллмен вдруг ощутил себя как в молодые годы.

— Женщины будут пышногрудые, и мужчины будут сгирать от желания.

— И это тоже... того... кстати.

— Что ж, нам осталось всего лишь обсудить всякие мелочи, связанные с жалованьем.

Вот такие вещи говорить Хиллмену Хантеру как раз не стоило. Туман у него в голове мгновенно рассеялся, и он вдруг ощутил насущную потребность задать несколько вопросов.

— Жалованьем? И что это за мелочи, связанные с жалованьем?

— Ну, сущие пустяки. Вы же не ожидаете, что я смогу содержать свиту без...

— Свиту, вы сказали? Я не помню, чтобы в моем запросе что-то говорилось о свите. Одна вакансия, на одно лицо.

— Но наверняка же богиня моего статуса...

Хиллмен оскалился как акула.

— Какой статус? На последнем месте работы вы не особенно отличились. Насколько я помню, планету терзали хронические неурожаи, а то, что все-таки собиралось, было отправлено пестицидами.

— Ну, на Земле ход событий несколько вышел из-под контроля, — признала Гея. — Однако такого больше не повторится.

— Да ну? Что ж, попробуем представить себе различные варианты развития событий. Допустим, случится восстание, внезапный рост веры в другого бога. Как, интересно, вы с этим справитесь?

Гея мягко улыбнулась:

— Видите ли, в прошлом мне приходилось справляться с различного рода проблемами. При необходимости я вполне могу проявить твердость.

— Будьте добры, поясните.

— Раз, помнится, Уран спрятал Циклопа в Тартар — чтобы тот света белого не видел. Это причинило мне ощущимую боль: в некотором роде, если вам не известно, Тартар является частью моих внутренностей. В общем, я смастерила большой серп, и когда Уран заглянул по обыкновению ко мне в

покои вроде как поболтать о самочувствии моего отца, мой сын Хронос укоротил ему этим самым серпом причиндал. — При воспоминании об этом Гея чуть в ладоши не захлопала. — Славная ночка выдалась. Мне кажется, я ответила на ваш вопрос. Строгая, но справедливая — вот мой девиз. Серп этот, кстати, у меня где-то завалялся: никогда не знаешь, когда такая вещь пригодится.

Хиллмен крепко сжал ноги, ощущая себя так, словно это ему серпом по яйцам полоснули. Он надеялся только, что такого испытать ему больше не доведется никогда. Придвинув к себе резюме Геи, он размашисто написал на нем:

Только через мой труп.

Асгард

Зафод шагнул в самую вонючую обитель греха, из каких его только вышибали, и мгновенно почувствовал себя как дома.

Вот это место для меня, подумал он. Даже воздух такой... угрожающий.

И он не преувеличивал. В воздухе буквально клубились разноцветные сгустки миазмов, тщетно пытавшихся заразить окостеневших зомби и полубогов. Зафод мысленно помянул добрым словом Левый Мозг, который снабдил его во сне прививкой от всех известных инфекций — от А до Я.

Облако с жужжанием окутало голову Зафода, нашептывая ему на ухо: «Раскройся, расслабься». Однако запах антивирусной вакцины в поту отпугнул вредных микробов.

Случись такое в кино, все бы застыли и отвлеклись от своих занятий, чтобы покоситься на симпатичного незнакомца. Однако подавляющее большинство завсегдатаев «Колодца Урдов» уже так набралось, что и кружки на столе перед собой видели с трудом, не говоря о незнакомцах. Послышался, правда, одинокий женский голос: «С днем рождения, мистер президент!» — но вполне возможно, этот выкрик можно отнести на счет белой горячки.

Зафод спустился на три ступеньки и, осторожно обходя зловещего вида дымящиеся лужи, подошел к барной стойке — огромной, нависавшей над ним подобно горному утесу.

Бледный, оживленный магией бармен-викинг, на блестящей башке которого сохранилось еще с полдюжины волос, посмотрел на него сверху вниз.

— Чем могу помочь, парень?

— Можешь, например, сказать мне, где Тор, — ответил Зафод.

Бармен присвистнул дырочкой в правой щеке.

— И с чего бы это тебе искать Тора? Вид у тебя здоровый, процветающий и все такое.

— Ты хочешь сказать, он сейчас не в духе?

— Можно сказать и так, — согласился бармен. — Он теперь только и делает, что квасит и режется в шахматы. И чем больше проигрывает, тем больше пьет.

— Что, так вообще и не выигрывает?

Бармен хихикнул.

— Выигрывать? Здесь у нас выигрывающих нет, парень.

Зафод повнимательнее взгляделся в викинга.

— Тебя ведь Лейфом звать, не так ли?

Бармен вдруг рассвирепел. Он выхватил из наплечных ножен маленький боевой топорик и принялся крошить стойку.

— Передай Эрику, пусть сам явится, коль хочет поговорить о глазах. Так и передай ему от моего имени. Пусть сам приходит, тогда и поговорим.

— Обязательно передам, — пообещал Зафод. — Если только останусь в живых после беседы с Тором.

— Не Тора бойся, — посоветовал бармен, ткнув пальцем в направлении темной ниши за стойкой. — Бойся других мелких ублюдков.

Зафод невозмутимо подмигнул ему.

— Не беспокойся. Чай, не первый год в шоу-бизнесе — мне ли не знать, как управляться с ублюдками?

По меркам Асгарда, бар был тесноват, но Зафоду показалось, будто по дороге к столу Тора он изрядно сбросил вес. За

это время он миновал несколько пьяных драк, пару магических ритуалов (в одном из которых использовались раскаленный вертел и стая воюющих в унисон волков), погребальный костер, на котором поджаривались трупы и колбасы, а также замерзшее озеро, по льду которого гномы на коньках удирали от гнавшегося за ними трехногого чудища.

Вот здесь я пожил бы, подумал Зафод.

Впрочем, все веселье стихло на подступах к нише Тора. Похоже, все тут придерживались неписаного закона, согласно которому Бога-Громовержца надлежало не трогать, а неписаный закон, в свою очередь, основывался на надписи, сделанной на выбеленной стене чем-то, подозрительно напоминавшим запекшуюся кровь: «НЕ ТРОЖЬТЕ МЕНЯ, И Я, ВОЗМОЖНО, ОСТАВЛЮ ВАС В ЖИВЫХ. ВПРОЧЕМ, ОБЕЩАТЬ НЕ МОГУ. СКАЗАЛ ЖЕ — «ВОЗМОЖНО».

Зафод пересек черту, за которой веселье стихало как выключенное, и в первый раз с тех пор, как перешагнул через порог бара, ощущил на себе взгляды нескольких десятков глаз.

Не дрейфь, напомнил он себе. Тому, что между вами было, в обед сто лет. Он, возможно, и забыл уже об этом. Я и сам-то смутно помню... какой-то там межпланетный конфликт, связанный с волшебным зонтиком и тайной формулой мороженого-чемпиона. Зафод нахмурился. *Фигня. Зонтик и мороженое связаны совсем с другим богом.*

Зафод наконец разглядел своего когдатошнего приятеля — тот сидел за круглым столом спиной к толпе. Надо сказать, спина впечатляла: шире ледника среднего калибра, с холмами мышц и горными вершинами лопаток. Рыжая шевелюра собрана в неопрятный хвост, кончики рогов на шлеме пожелтели от долгого пребывания в спертом воздухе кабака.

Зафод начал уже прикидывать, с какой шутки начать разговор, когда тишину нарушили писклявые, словно кто-то надышался гелием, голоса:

— Что? Неужели?

— И это ход?

— Сколько лет мы этим занимаемся? И ты так ничему не научился!

Зафод осторожно шагнул в нишу и заглянул Тору под локоть.

Писклявые голоса, как выяснилось, принадлежали набору золотых шахматных фигур, выстроившихся на клетчатой доске. Собственные, деревянные фигуры Бога-Громовержца понуро молчали.

Особенно распинался маленький золотой слон.

— Ну же, Тор! Мы сто раз об этом говорили. Никогда не оставляй своего короля без прикрытия. Это даже ребенку понятно. Чертовым малолеткам.

— А ну попридержи язык! — рявкнул Тор таким голосом, от которого по спине Зафода побежали струйки холодного пота. Голос напоминал рык тигра, доносящийся со дна глубокого колодца; стоит ли удивляться, что дамы, как правило, просят порычать еще немного.

— Или что? — поинтересовался слон. — Мы — древние шахматы Асов. Убить нас ты не можешь: мы такие же бессмертные, как ты, только, с позволения сказать, гораздо старше.

— Вот расплавлю вас, болтунов, и сделаю себе ночной горшок... правда, маловат будет, ну да ничего, сойдет. Как вам такое?

Слон только рассмеялся.

— Можешь грозить нам чем угодно, детка. Все равно тебе мат.

Тор побарабанил по столу пальцами.

— Вы пока выстройтесь к новой игре, ребята, а у меня тут дельце одно незакрытое. — Неуловимо быстрым движением он развернулся и метнул тяжелый боевой молот, что лежал, оказывается, у него на коленях, точнехонько в голову Зафода.

Молот застыл в воздухе в полудюйме от Зафодова носа, а потом медленно — как собирающая овец овчарка — начал теснить его в угол.

— Классный молоточек, — прохрипел Зафод. — Я так и знал, что ты меня не убьешь.

Тор снова повернулся к нему спиной.

— Убирайся, Зафод, пока я не позволил Мъельниру сделать то, о чем он мечтал с того проклятого дня, когда мы с тобою познакомились.

Зафод попытался сделать шаг вперед, но молот только крепче прижал его к стене.

— Ну же, дружище. Я такой долгий путь проделал, чтобы с тобой поговорить.

— Да ты хоть знаешь, зачем ты здесь? — хмыкнул Тор. — Ты вообще хоть чего-нибудь помнишь?

— Ну, не совсем, — признался Зафод. — Но, с другой стороны, у меня перед носом висит здоровенный молот, грозящий попортить мне морду лица... а ты ведь знаешь, как мое лицо нравится народу — стоит ли удивляться, что мне немногого трудно сосредоточиться?

Тор слегка ссгутился.

— Раньше народ любил *мое лицо*, — вздохнул он. — Мной восторгались, когда тебя еще на свете не было.

— Тобой снова могут начать восторгаться. Собственно, за этим я и здесь — вот, точно вспомнил.

— Уходи, Зафод. Уноси свою жизнь и убирайся прочь из моей. Единственная причина, по которой я не убиваю тебя здесь и сейчас, так это то, что брешь в душе трупами не заделаешь. Видишь, жизнь меня кой-чему все-таки научила. — Он щелкнул пальцами, и Мъельнир послушно вернулся к нему в руку. — А теперь уходи, Библброкс. Мне надо пообщаться с типом, спонсирующим обуздание моего тяжелого характера.

— Можешь поговорить с нами, приятель, — подал голос золотой слон.

Тор смахнул рукавом пот со лба.

— Знаю. Я знаю, что вы, ребята, меня не бросите.

— Может, нам убить этого смертного? — предложила одна из пешек. — Хоботок мог бы его задушить...

Не услышав никаких других предложений, Зафод не колебался и полсекунды. Напрягая силы, он вскарабкался сначала на подножку, потом на стул, а потом по резной ножке — и на стол, за которым сидел Тор.

Бог-Громовержец сгорбился над кружкой пива так, словно боялся, что ее вот-вот украдут. Взгляд его уставился в стол, на лице играли желваки. Назревала буря. Кстати, в данном конкретном случае это были не просто слова: над головой у Тора клубилось маленькое грозовое облачко, из которого змеиными языками высовывались разряды молний.

— Славное местечко, — заметил Зафод, устраиваясь на пепельнице. — Хотя пара-тройка стереоэкранов здесь бы не помешали. Ну, может, еще джакузи. Иногда приятно, чтобы пузырьки к пиву.

Тор схватил кружку и шмякнул ее дном о стол, расплескав пену через край.

— Вот тебе все разом, — буркнул он. — И пиво, и пузыри.

Зафод расценил это как предложение (что, вообще говоря, случалось с ним довольно часто), быстренько разделся до исподнего (едва не забыв вынуть из последнего батарейки) и прыгнул в кружку. Погрузившись в янтарную жидкость по горло, он сделал несколько отчаянных гребков всеми тремя руками и только потом позволил себе отхлебнуть глоток.

— Нравится мне это место, — заявил он, побулькав немного. — Классные здесь... как это у вас называется?

— Сортиры?

— Нет. Другое.

— Обслуживание?

— Ага! Оно самое.

Тор заворчал, и туча над его головой ощетинилась молниями.

— Это «Колодец Урдов», Зафод. Тут гудят вместе полубоги и простой сброд. Я специально хожу сюда, чтобы меня не тревожили.

— «Простой сброд»! — заявила над ухом у Зафода золотая ладья. — Не слишком ли сильно сказано? Этак недолго и до сползания в мат.

Тут внимание Зафода привлекли (точнее, отвлекли) несколько дюжин загорелых ног и несколько сотен белоснежных зубов.

— Слушай, мне кажется, вон те дамы атлетического сложения делают нам знаки.

Тор нехотя оглянулся. Несколько статных валькирий не спеша смывали кровь со своих доспехов, на которых красовался логотип «Зуги-Нуги».

— Даже не думай, Зафод. Они не про тебя.

Зафод выбрался из кружки.

— Не про меня? Чего это ты такое говоришь?

— Я просто реально смотрю на вещи. Вглядись в них как следует. Ты же им и до лодыжки без трамплина не допрыгнешь. Подумать, так они и не про меня тоже.

Зафод отряхнулся как собака.

— Да ладно! Ты не похож на того Громовержца, каким я тебя помню. Вот как, например, мой приятель Тор провел выходные с некоторой Эксцентрикой Галлумбиц, и в результате она же ему и заплатила!

— Брось, Зафод.

Зафод торопливо натянул штаны.

— Но ведь тебе именно это и нужно, дружище! Ты да я, на блин... в обществе милых дам. Ты как знаешь, а я пошел к ним.

— Нет.

— Очень даже да. Может, я и невелик ростом, но уж *je ne sais quoi* определенно не лишен.

— Чего-чего ты не лишен?

— Не знаю точно, — признался Зафод. — Но до сих пор мне это не мешало.

В глазах у Зафода появился хорошо знакомый Тору блеск.

Необходимое примечание. Этот блеск не имеет никакого отношения к т.наз. «блеску», продаваемому в косметических киосках. Значительно ближе по своим характеристикам он к тому романтическому выражению, каковое можно часто увидеть в глазах самцов флагратонской рыбки-нарцисса, которая готовится надуться при виде самки в брачный период. Надо сказать, надувается рыбка до размеров, значительно превышающих допустимые пределы эластичности рыбкиного тела, что, как правило, приводит к весьма впечатляющему взрыву. Вполне возможно, именно это зрелище призвано произвести должное

впечатление на самку, каковая, надо отдать ей должное, несколько дней выдерживает траур, прежде чем надеть свое лучшее жемчужное ожерелье и вернуться к месту обычного проживания на рифовом барьере.

Список литературы:

Любовь, которая разорвет меня на части, Э.Х. Хвост-Чешуя (фамилия автора заключена в траурную рамку).

— Вернись, Зафод. По-хорошему тебя предупреждаю.

Но Зафод уже пересек стол и огибал плевательницу.

— Это же то, что тебе нужно, Тор. Сам потом будешь меня благодарить. — И он обратил свой неотразимый взгляд на валькирий. — Добрый день, леди. Возможно, мы с вами еще не знакомы, но завтра вы будете по мне скучать.

Валькирии удивленно повернулись к нему, однако их улыбки вдруг исказились, как если бы смотреть сквозь лупу. Какое-то мгновение Зафоду казалось, что это вызвано раскалившимся от похоти валькирий воздухом, однако почти сразу же он понял, что это Тор накрыл его стеклянным стаканом. Последнее болезненно напомнило ему о том, как мал он в этом мире великанов. Точнее говоря, рост его был ровно таким, каким хотелось Тору. Зафод не сомневался, что всего пару секунд назад не поместился бы в этом стакане.

— Ну же, Тор! — крикнул он, и голос его отдался от стеклянных стенок причудливым эхом.

Надо же, подумал Зафод. Ну и акустика здесь у них... голос словно ноющий.

— Ты же у меня словно ведущий в воздушном бою, — не сдавался он. — Мы же одна команда. Вспомни этих антигравитанцовщиц из Хэндолд-Сити!

Тор потянул перевернутый стакан к себе, и Зафоду пришлось бежать, чтобы его ненароком не прищемило краем.

— Никогда не бывал в Хэндолде, — сообщил Тор, угрожающе склонившись над стаканом.

— Правда? А я-то не сомневался... Должно быть, это кто-то другой с Асгарда. Точно помню рыжую бороду. Уверен, что это не ты?

— Уверен, Зафод. Я же бог — мы ничего не забываем. В том-то и проблема.

Тор поднял стакан, и Зафод почувствовал, что растет, становясь если не подобным Тору, то по крайней мере не мелким зверьком.

— Проблема? Что еще за проблема?

Тор грохнул кулаком по столу, расплескав пиво.

— Что за проблема? Что, зарк ее подери, за проблема? Эй, Зафод, ты это серьезно? Ты вообще можешь хоть недолго быть серьезным?

Зафод нахмурился.

— Очень много вопросов сразу. Проблема... Зарк ее подери? Что ты там третья спрашивал?

— Ох, это бесполезно, — буркнул Тор и сделал глоток пива — хороший глоток, в котором запросто утонуло бы целое стадо сиськодонтов — Для Зафода Библброка ничего на свете не стоит и ломаного гроша, если только не касается лично его самого.

Эта реплика потрясла Зафода до глубины души — он-то искренне полагал, что одно общение с ним делает людей счастливыми.

— Какие ты жуткие вещи говоришь. Я же много лет был лучшим твоим другом.

— До тех пор, пока не уговорил меня выложить то видео в суб-эту, — горько произнес Тор. Тучка над его головой потемнела, и из нее заморосил дождь. Не требовалось особых психологических познаний, чтобы догадаться о причине этого явления.

Зафод обнаружил, что он ниже бога всего на голову. Водрузившись на ближайший к нему стул, он перевел дыхание и решил, что может немного разрядить атмосферу шуткой.

— Грех не присесть на такой славный стул, — заявил он, побарабанив по столу. *Бац! Бац!*

Тор нежно погладил Мъельнир.

— Еще слово, Зафод... Еще одно слово...

— Слушай, почему бы нам не забыть это видео? Оно давно осталось в прошлом... кстати, позволь сказать тебе кое-что

о прошлом. Суть в том, что прошлое целиком там и есть. В прошлом. Помнишь тот афоризм насчет прошлого? Которое все равно уже в прошлом? Не помню точно, как там сказано, но однозначно — в прошлом. А прошлое складывается типа из воспоминаний, а воспоминания из всякой там мертвичины, которая все равно не может уже навредить. Из атомов там и всего такого. Кажется, кварков еще — не помню точно. В общем, из всякой хрени, которая лежит себе и ничего никому не делает.

— Ты к чему-то клонишь, Зафод? Или мысль тоже осталась в прошлом?

Зафод закинул руку на массивное плечо Тора.

— Я клоню только к тому, что, может, это была и не лучшая из моих идей — насчет того видео, — но доходы с продаж падали, вот мы и пытались придумать что-нибудь, чтобы вернуть тебя в топ. Ну, и потом, видео-то вышло ничего так, с задором, с огоньком... честно тебе скажу: некоторым это понравилось.

— Некоторым? — взревел Тор. — Вроде тех идиотов с пароходной прогулки? Ну да, кретинам, может, и понравилось. Да только вот беда, остальная часть Галактики, *нормальные* смертные, не оценили идею переодеть бога оборванцем из трущоб.

Зафод пожал плечами.

— Ну, не могу не признать, имела место и некоторая *негативная* реакция.

Тор потер виски.

— Негативная... реак... Я знаю: ты, Зафод, туп как пробка — но даже ты мог бы заметить, что за провал получился. Мой папаша стер в хлам всю ту планету, на которой мы снимались. Все мои храмы поносили — красивые, заметь, храмы! Я скатился в рейтинге любимых богов с четвертого места на шестьдесят восьмое, прямо за Скаои. За Скаои! Гребанным божеством каких-то там снегоступов!

— Снегоступы бывают очень даже полезны. Да ладно, дружище, почему бы тебе не выбросить всю эту дурацкую историю из памяти? Мне же удалось.

Тор запустил пальцы в бороду.

— Но тот костюм, Зафод! И еще моллюски пом-пом...

Зарк! — подумал Зафод. *Попался.*

— Ну, не рассчитал немного.

— И еще все мои реплики, — добавил Тор, брезгливо передернув плечами.

— Считай, что ты всего лишь исполнял роль.

— Удин так просто обосрался. Котятами. Нет, правда, настоящими полосатыми тигрятами. Мать смотреть на меня не могла. Заявила Локи, что у нее всякий раз перед глазами тот бюстгальтер из латекса.

— Это художественный образ. Не все воспринимают искусство.

— Ты хоть знаешь, сколько людей видели этот ролик?

Прошлые пять лет он был в топе рейтингов суб-эты.

— Вот! Ты сам сказал! «Прошлые» пять лет. Это видео уже в прошлом. А в следующем году выйдет новый ролик с Тором, который берет тебя туда, где ты хочешь находиться.

— Ну да, — мрачно буркнул Тор. — И что ты задумал на этот раз? Я должен выпрыгивать из банки желе-трясучки?

Зафод придвинулся к нему вплотную.

— О нет, друг мой. Никаких излишеств. Никакой бутафории. Все по-настоящему. Я нашел одного бессмертного типа — того самого, что угнал у тебя корабль, — и он жаждет встретиться с тобой в поединке.

Висевшая над головой у Тора тучка заискрилась электрическими разрядами.

— Валяй дальше, Заф, — произнес бог. — Слушаю внимательно.

Хиллмен Хантер

Хиллмен Хантер представлял собой не просто стереотип ирландца — нет, он представлял собой стереотип Пэдди давно минувших лет; такие существуют исключительно в воображении патриотов-кельтов, полных ностальгии и виски.

Голову Хиллмена венчала курчавая рыжая шевелюра, лицо сплошь усеивали рыжие веснушки с хороший пятак каждая, походка вразвалочку намекала на юность, проведенную в седле, а расстегнутая рубаха демонстрировала почти теряющийся на фоне рыжей растительности золотой крестик. Короче, Хиллмен Хантер мог бы служить таким же символом Ирландии, как мешок картошки или скрипка-волынка. При встрече с ним стоило больших усилий удержаться от специфического акцента, хвалы Господу за хорошую погоду и распросов о самочувствии музыкантов U2. Даже голос его сто процентно соответствовал внешности, да по-другому и быть не могло, поскольку Хиллмен старательно копировал выговор Барри Фитцджеральда, ирландского актера, пожилые годы которого совпали с младенчеством телевидения. Собственно, и все остальные черты подбирались Хиллменом с той же тщательностью. Волосы он красил, поскольку седеть начал с восемнадцати лет. Курчавость достигалась с помощью бигуди и укладочных щипцов, в то время как веснушки — часами, проведенными под ультрафиолетовой лампой.

И к чему все эти старания? Очень просто. Бабуля объяснила ему это много лет назад.

«Люди покупаются на то, что их успокаивает, — сказала она тогда, ловко перерезая серпом горло откормленной свиньи. — Стоит тебе сделать так, чтобы им было спокойно, и они купят все, что ты им продашь».

Эта мудрость в сочетании с кровавыми брызгами намертво врезалась Хиллмену в память, и, можно сказать, бабулин урок пошел ему впрок.

Сделай так, чтобы людям было спокойно, и ты сможешь продать им все, что захочешь.

В результате Хиллмен превратил себя в подобие любимого актера и посвятил жизнь продаже дорогих штучек богатому люду. Он продавал суперкары и яхты, потом занялся лошадьми и заморской недвижимостью. Людям импонировало то, что он натурал, не лишен способностей, а более всего — его привычка дарить маленькие, инкрустированные бриллиантами дубинки. К сорока годам Хиллмен сколотил себе мил-

лионное состояние. К пятидесяти он не стал еще миллиардером, но приближался к этому, ездил от одного своего поместья к другому на «ягуаре», а ходил по ним с помощью пары биогибридных бедер, которые не только функционировали лучше старых, но и могли сами звонить производителю в случае неполадок.

Примерно тогда в голову Хиллмену пришла мысль о том, что еще больше денег можно было бы заработать, если бы только удалось собрать всех богатеев в одном месте и окучивать их на ежедневной основе. Вот только как этого добиться? Ответ пришел к нему как-то вечером в выпуске новостей. Времена стояли нелегкие, кризисные, и немногочисленному Ордену Сестер Периодического Покоя пришлось продать с аукциона часть церковной недвижимости — конкретно, остров Иннисфри.

Это так возбудило Хиллмена, что одно из его бедер послало тревожный сигнал в токийский сервисный центр.

Иннисфри. Остров, послуживший источником вдохновения для любимого бабулиного кино — «Тихий человек». Целулоидный дом, выстроенный по его шаблонам. Судьба сама подмигивала ему, можно сказать, сама пихала в руки подсказку, только что молотком по голове не лупила с намеками.

Хиллмен основал фиктивную фирму (имейся у кого-либо на Земле доступ к суб-эта-сети, он без особого труда смог бы отследить ее структуру вплоть до развлекательной корпорации в системе звезды Барнарда) и купил остров на условиях сохранения за Орденом небольшого участка для пикников.

И в первое же туманное утро, скользя по глади Слиго-Лох-Джилл на лодке с подвесным мотором, Хиллмен Хантер понял, что напал наконец на свою золотую жилу.

— Госспади, — выдохнул он все с тем же характерным произношением. — Вот же она, земля обетованная.

На месте, забронированном Орденом для своих пикников, он выстроил самый дорогой жилой дом с оздоровительным комплексом, а чтобы клиенты текли к нему только самые богатые, придумал новую религию и добавил в рекламный буклет ее основные постулаты.

Необходимое пояснение. Хоть сам Хиллмен Хантер и не мог тогда этого знать, галактический журнал «Ого-Го» сравнил его с Каром Палтронлом с планеты Эсфловиан, сумевшим убедить своим красноречием несколько замкнутых общин в том, что, согласно логике, именно им суждено быть избранными и выжить, когда настанет Армагеддон. Надо сказать, карьере его немало содействовало везение, ибо по чистому совпадению на Эсфловиане действительно случился Армагеддон в виде жесткой ядерной терапии. М-р Палтронл сколотил на этом некоторое количество бабок, однако по-настоящему разбогател, разработав компьютерную программу под названием «Гуру-Бог», выдающую в зависимости от социальных характеристик паствы и экономической ситуации соответствующее откровение или заповедь, а также список противопоказаний, размер и характер необходимых жертвоприношений и прочие полезные мелочи. Дорогое, т.наз. подарочное издание программы давало также возможность ее обладателю, зарегистрировавшись на сайте производителя, официально считаться богом, обойдясь без обычных, требуемых традицией трех чудес.

Мы будем называться Орденом Бабулистов, решил Хиллмен (сам, без помощи каких-либо компьютерных программ). И верить мы будем, скажем, в существование планеты Бабуля, уготованной Господом для истинно верующих. И чтоб в один прекрасный день всех этих истинно верующих забрал космический корабль и отвез их — первым классом, заметьте! — на вышеупомянутую планету... так что оно, кстати, даже правильно, что все истинно верующие будут собраны в одном месте в ожидании обетованного корабля. А иначе они могут опоздать к посадке, и им останется только торчать на Земле и ждать апохалипсиса... ну, или в лучшем случае следующего корабля, где им могут не то что первого — даже бизнес-класса могут не дать.

Хиллмен устроил вброс информации о новой религии как-то в выходные, в скибберинском «Кейси-баре». Вброс, правда, не обошелся без одной-единственной, но серьезной проблемы: никто из местных не знал, как правильно произ-

носится слово «апокалипсис». Сам Хиллмен, например, искренне верил в то, что в нем присутствует буква «х».

На это никто не купится, хихикали в туристических бюро — что, разумеется, почти гарантировало успех предприятия.

Первыми на остров высадились ирландские мультимиллионеры, за ними последовали коллеги из России и Южной Африки. Убедительности ради Хиллмен договорился с некоторыми членами британской королевской семьи... и тогда открылись шлюзы, защищавшие побережье от наводнений. Последнее, надо сказать, даже огорчило Хиллмена: шлюзы гарантировали защиту на тридцать лет вперед, к тому же он лишился двух третей разрекламированных пляжей.

Три года спустя Хиллмен пас стадо своих супер-мегабогачей, которые мерли по полдюжины в месяц, оставляя Хиллмену солидные доли своего мирского состояния, поскольку тот обещал держать их головы в морозильнике до самого прибытия инопланетян.

— Это действует, поскольку это проще простого, — частенько говаривал Хиллмен своему заместителю Баффу Орпингтону. — Ведь чтобы быть бабулистом, не нужно делать ничего особенного. Ничего тебе не отрезают, никто не окунает тебя в воду, никаких тебе заповедей, никакой кары за грех — ничего. Все, что от тебя требуется — это быть богатым да еще надевать бабулистскую футболку на пятничные посиделки. Проще не придумаешь.

Необходимое пояснение. Честно говоря, имеется религия, требования которой еще мягче, чем у бабулизма. Прихожане Храма Тсс-Тсссс, имевшего некогда популярность в Зонах Брекинданского Разума, пришли к выводу, что подавляющее большинство галактических войн происходит по вине религиозных фанатиков, насильственным способом распространяющих свою религию. Поэтому они решили, что их собственный способ обращения в веру будет совершенно безболезненным — более того, обращение это может происходить даже без ведома обращающихся. Все, что для этого требовалось — это чтобы один из верующих в течение пяти секунд подержал нацеленный в вашу

сторону мизинец и прошептал: «Бип!» — после чего вы могли бы считаться обращенным. За каких-то пять брекинданских лет Храм Тс.-Тс. по скорости распространения обогнал в Зонах Разума все остальные религии. К несчастью, поскольку во имя Тссс-Тссссс не было развязано ни одной галактической или хотя бы планетарной войны, даже никого не казнили мученической смертью, Галактический Совет по делам религий отказался признать Храм, и тот самораспустился за какую-то половину лунного цикла.

Хиллмен Хантер ужасно гордился делом рук своих и затянул уже переговоры с правительством Австралии о строительстве второй общины где-нибудь у антиподов. И вот как-то раз в четверг, когда Хиллмен, сидя на толчке, играл в шарики на своем коммуникаторе, ему пришел видеозвонок с какого-то неопознанного, судя по всему удаленного номера. Это удивило Хиллмена, поскольку телефон его обычно видеозвонков не принимал. Все же он нажал на кнопку «ответ», стараясь держать на всякий случай экран отвернутым от своих голых коленок. Ему даже пришла в голову мысль, что это бабуля им за что-то недовольна и звонит ему с того света.

На экране коммуникатора появилось лицо. Не бабулино: слишком мало морщин и подбородков.

— Утро доброе, — вежливо поздоровался Хиллмен; лицо показалось ему безобидным, даже успокаивающим. — И с кем имею честь?

— Возможно, с ответом на твои молитвы, — отзвалось лицо. — С концом твоей радуги.

Хиллмен тут же прибег к проверенной реплике из бабулинного арсенала.

— Да ну, Данни У?

Лицо нахмурилось.

— Чего? О чём это ты? Будь добр, изъясняйся понятнее. Твой акцент сбивает с толку мою рыбку... при общении с другими обезьянами такого прежде не случалось.

Псих, подумал Хиллмен, и, по размышлении, это его заблуждение вполне можно понять. Полный бред.

Мне тоже так кажется, Хилли, прошептал ему на ухо голосок давно умершей бабули.

— Движения ваших губ не совпадают с произносимыми словами, — заметил Хиллмен. — И кстати, на моем телефоне нет приема видеозображений.

— Таково одно из моих чудес, — объяснило загадочное лицо. Надо сказать, довольно туманно объяснило; Хиллмену еще предстоит привыкнуть к его манере. — А что касается губ и слов, так это из-за того, что у тебя нет рыбки-авилюнки, поэтому перевод осуществляется бортовыми системами моего корабля. Ясно? Я доходчиво объяснил, человек-обезьяна?

Хватит с меня этих приколов, подумал Хиллмен.

— Ну-у, ла-адно, — произнес он вслух. — Здорово это у вас получилось — влезть в телефонную сеть, но мне пора. Мне, понимаете, нужно возглавлять религию. — Он дал отбой, поднялся со стульчака и собирался уже приступить к ответственной процедуре застегивания ширинки.

— Не так быстро, — произнесла голова, появившаяся — в заметно увеличенных размерах — на двери туалета. — Простым нажатием кнопки от меня не отключиться, Хиллмен Хантер.

От потрясения Хиллмен уронил штаны и, попятившись, плюхнулся обратно на стульчак.

— Во имя всего святого... — выдохнул он. — Как вы это проделываете?

Лицо сстроило издевательскую мину.

— Это? Для тебя эта ерунда — «проделать что-то»? Я тут готов предложить тебе абсолютную, можно сказать, власть — а ты восхищаешься проекцией изображения на плоскую поверхность на металлическом каркасе? Хиллмен, дружище, да ты просто невежественный п**дебол. Не сочи за оскорблениe.

Хиллмен и не думал оскорбляться до того мгновения, когда услышал слово «оскорблениe». Тут ему в голову пришла одна мысль.

— Так вы с Бабули? Так ведь? Выходит, я, черт меня подери, все это время говорил правду? — Хиллмен так давно впаривал людям историю про Бабулю, что порой и сам начинал в нее верить.

Голова расхохоталась так громко, что Хиллмен едва не обделался.

— Нет, обезьяна глупая, ни хрена ты никакой правды не говорил. Нет никакой планеты Бабуля. — Тут рот у лица сложился в хитрую ухмылку. — Точнее говоря, пока нет.

— Продолжайте, — сказал Хиллмен, у которого нюх дельца окончательно взял верх над природным скептицизмом.

— Я намерен сделать инвестиции в вашу планету — которой, кстати говоря, осталось жить совсем недолго. Я нашел в суб-эта-сети информацию об этой вашей общине, и, сдается мне, каждый богатый старикан с готовностью выложит все до последнего медяка тому, кто смог бы на самом деле перенести их на мифическую планету Бабуля прежде, чем Земля взорвется к чертовой матери. А оказавшись на этой самой мифической Бабуле, они наверняка не смогут обойтись без сильной власти.

Сильная власть, подумал Хиллмен. И тут же: вздор, дермо все это.

И сразу — как это частенько бывало в переломные моменты его жизни — в ушах его зазвучал шепот покойной бабули.

— Не отмахивайся от этого, Хилли. Этот дурак может сделать для тебя больше, чем кажется. Апо... ха... липсис грядет — время делать ноги с этой планеты.

Так и знал, что там есть буква «ха», подумал Хиллмен.

— Вообще-то, без одному Богу известно каких аргументов во всю эту хрень поверить довольно трудно, — произнес он вслух.

Ухмылка на лице сделалась на несколько дюймов шире.

— Как насчет огромного космического корабля, возникающего из ниоткуда? Как тебе кажется, это смогло бы убедить остальных обезьянок?

Хиллмен пропустил мимо ушей «обезьянок» — в конце концов, дело есть дело.

— А работы у вас имеются?

— Я могу показать кое-что покруче, — заявил Зафод Библ-брокс, ибо это был, конечно же, он собственной персоной. — Я могу показать тебе летающую голову.

Планета Бабуля

Итак, Хиллмен Хантер заделался на планетоиде большой шишкой, руководя колонией численностью восемьдесят семь пожилых богатеев, не считая обслуживающего персонала. Он обладал богатством и властью, вот только минутки понаслаждаться этим у него никак не выдавалось. Богатые пенсионеры, как он обнаружил довольно быстро, — самая капризная публика в Галактике. Все им не так или не вовремя. Не улучшало ситуации и то, что магратианские строители планет крайне неохотно принимали рекламации и собачились по каждому самому мелкому пункту, словно никто и никогда не говорил им, что у домов, например, должны быть крыши или полы.

— Так вы еще и окна хотите? — вопрошал в таких случаях прораб, и брови его взмывали от удивления так высоко, словно вот-вот оторвутся и улетят совсем. — Вам надо было сообщить об этом шесть месяцев назад. Мои ребята запросто поставили бы окна, знай они наперед. Хотите, чтобы мы ставили окна, придется отзывать водопроводчиков, они уже работают на площадке. Это будет не по вкусу малярам, которые должны работать следом за водопроводчиками. А некоторые из наших малярш замужем за водопроводчиками, и это вызовет напряжение в семьях. А еще у нас на рабочей площадке нехватка массажисток, так что у моих парней в мышцах повышенная концентрация молочной кислоты. И в конце концов, вы платите — вам и решать. Я всего только хочу сказать, что лучше бы вы сказали что-нибудь раньше, а не срывали нам график своими дурацкими запросами.

Необходимое пояснение. За всю историю разума во Вселенной известен лишь один документально подтвержденный случай, когда строители не ударились в истерику при изменении

проекта. Этот случай имел место на Бетельгейзе, когда м-р Кармен Цапцарап, известный торговец автомобилями, отоспал список изменений планировки назад по времени, еще до начала работы над проектом. Стоит добавить, что документы были переданы подрядчику исключительно свирепым на вид саблезубым терьером.

В минуты же, свободные от препирательства со строителями, Хиллмен занимался попытками найти подходящего для власти над планетой бога, и задача эта на поверку оказалась вовсе не такой приятной, как он рассчитывал. Хиллмен представлял себе философские беседы о природе счастья или потрясающие воображение демонстрации божественной мощи. Вместо этого ему приходилось рыться в грудах потрепанных резюме, в которых отставные полубоги пытались изобразить себя круче, чем они были на самом деле.

Довольно скоро Хиллмену стало ясно: когда бог вставляет на второй странице резюме строчку о творческом отпуске для божественной медитации, это означает, что последнюю тысячу лет или около того он оставался безработным. Если бог претендует на некоторое управление погодой, скорее всего он просто вовремя заглядывал в метеопрогнозы, после чего с готовностью принимал на себя ответственность за последующие атмосферные явления. А если бог вовсю выпячивает свою вседесущность, существует большая вероятность наличия у него брата-близнеца, ошивающегося где-то на другом конце вселенной.

Сплошной отстой, с горечью думал Хиллмен. Ну просто ничего более или менее качественного.

Он как раз скормливал последнюю пачку резюме в настольный уничтожитель бумаг, когда в дверь сунул голову Бафф Орпингтон.

— Угу, Бафф. Мы готовы?

Бафф с готовностью качнул своими подбородками.

— Все готово, Хиллмен. Мы в настроении надрать кое-кому задницу.

Нельзя сказать, чтобы эти воинственные слова сильно подняли Хиллмену настроение.

Надрать задницу? Да большинство колонистов и трусцой-то бегают с трудом. Любая задница, которую они захотят надрать, должна быть неподвижной, мягкой и невысоко расположенной.

Обсуждаемые задницы принадлежали в данном конкретном случае колонистам, прибывшим на Бабулю с Запада — те по религиозным причинам похитили лучшего в Конге француза-повара. Причина состояла в том, что похитители принадлежали к секте сыромантов — предсказателей будущего по сырью. Жан-Клод же прославился приготовлением божественного кьюше из четырех сортов сыра с каперсами и копченой лососиной. Против каперсов и лососины сыроманты не имели ничего, но вот сыр посчитали явной ересью.

И ведь предупреждали меня магратиане, что такое может произойти, с грустью сообразил Хиллмен. Смена планеты — самое болезненное, что может случиться с разумным существом... если не считать, конечно, ритуала, при котором тебя топят в соусе-барбекю, а потом швыряют в яму к кровожадному траальскому жукозавру, или как его там. Люди становятся фанатиками того, что они оставили навсегда. На Земле сыромантия была безобидным хобби, а вот на Бабуле превратилась в одержимость. Асиду Префлюксу удалось обратить в нее всю свою деревню.

Следом за Баффом Хиллмен вышел на улицу; в первый раз до него дошло, что со спины Бафф напоминает медведя-гризли, на которого с трудом натянули штаны из шотландки и штормовку — этакий волосатый глыба-человечище, у которого даже на руках волосы трепещут на ветру.

На городской площади выстроилось для смотра войско, и вид его превзошел самые худшие опасения Хиллмена. На площади не виднелось ни одного человека из прислуги.

Хиллмен повернулся к Баффу Орпингтону.

— Где персональные тренеры?

— Ушли.

— Даже Льюис?

— Все до единого.

— А косметологи?

— Мы ни одного косметолога уже неделю не видели. Моя Кристель десять дней живет без маникюра. Она на пределе.

Это потрясло даже Хиллмена.

— Десять дней? Варварство какое. Почему мне не доложили?

— Вы занимались собеседованиями. Тут все рушится, Хиллмен. У нас на весь город дай Бог, чтобы полдюжины поваров осталось. Люди вынуждены, — Бафф сделал глубокий вдох, набираясь решимости, — готовить сами.

В Хиллмене разгорелся благородный ирландский гнев.

— Мы платили безумные бабки не за то, чтобы готовить самим. А что контракты? Эти типы заключали ведь контракты.

— Мой парень, Кико, — подал голос из строя Баки Браун, нефтяной магнат из Техаса, — велел мне засунуть контракт туда, куда солнце не заглядывает. Он сказал, это новый мир, и в нем все должны быть равны. Он сказал, мы обращались с прислугой как с рабами.

Хиллмен пришел в ужас. Вот что случается, когда у руля не стоит божество.

— Этому пора положить конец. Сначала отбивать вторжение, потом еще и прислуга уходит в леса, забив на все. Госспади спаси и сохрани, как молодым, благополучным людям без деловых навыков выжить в этом новом мире? — Хиллмен едва не забыл вставить соответствующее его образу «Госспади», настолько происходящее выбило его из колеи.

Баки мрачно глядел на носки своих мокасин из кожи феррагамского аллигатора; он не питал никаких иллюзий насчет того, как долго они протянут в лесу.

— Вы хотите, чтобы мы отправились в леса? Папаша что-то рассказывал мне об этом, но самому мне ни разу не доводилось бывать в таких.

Да ты и в школу ни дня не ходил, подумал Хиллмен.

— Мы не идем в леса, мистер Браун. Это все развлечения для молодежи. Нет, мы заманим их обратно с помощью квартир класса премиум-плюс.

Теперь уже Бафф пришел в ужас.

— Но не тех, с видом на залив — ведь нет?
— Если потребуется — и тех.
— С круглосуточным дежурством консьержа?
— Не уверен. Консьержи слянили с транзитным кораблем уже месяц назад. Надо было и им квартиры предложить. А может, и членство в спортивном клубе.

— Но не могут же консьержи обслуживать сами себя, — взвыл Бафф. — Это же сумасшествие какое-то. Весь мир сошел с ума, что ли?

Как любой профессиональный торговец, Хиллмен не задержался с решением.

— Роботы, дружище. Мы закажем роботов. Я слышал, корпорация «Сириус» продаёт андроидов, внешне практически не отличающихся от людей. Это же просто идеальное решение, что тут может пойти не так?

— Пожалуй, это получится, — кивнул Бафф, немного смягчившись. — А может, стоит пригласить каких-нибудь инопланетян, которым нравится работа на свежем воздухе? Они даже могли бы платить нам. Поищите в своем «Путеводителе», а?

— Обязательно поищу, но для начала отправим этих шутов собираться.

Хиллмен окинул взглядом площадь Джона Уэйна. Как только все пошло наперекосяк так быстро? Шесть месяцев назад эта площадь была оживленным центром новой обороны, а теперь сквозь булыжную мостовую пробивается трава, и оконные стекла изъедены странными синими жуками.

Нам нужен бог. Срочно.

Баки Браун осторожно кашлянул.

— А откуда мы знаем, что сыроманты собираются напасть на нас именно сегодня?

Бафф обрадовался возможности лично дать ответ. Он расставил ноги пошире, покачиваясь на пятках, словно готовился поднять штангу.

— Сегодня единственный день, когда они могут это сделать. С понедельника до среды они варят сыр. Предсказания по сырку происходят в пятницу. В субботу и воскресенье они

обсуждают результаты ритуала. Мирские занятия допускаются только в четверг.

— А откуда нам это известно?

— Ну, Асид прислал нам письмо на мыло. На случай, если кто из нас захочет принять его веру. Очень, надо сказать, славная презентация. Куча иконок и больших икон с сыром. Короче, если мы не обратимся, всю планету предадут Ана-Фете.

Хиллмен на мгновение отклячил челюсть, но сразу взял себя в руки.

— Ана... Фете? Да ты шутишь?

Бафф ухмыльнулся:

— Серьезней не бывает. — Он достал из кармана мятую распечатку. — А... вот: «День грядет, и обрушится Кара на преданных Ана-Фете неверующих — огромная и ужасная, похожая на Сыр, ибо все огромное и ужасное, равно как и все сущее происходит от Сыра».

Хиллмена начинало уже тошнить от одного слова «сыр».

— Огромная и ужасная... госспади. Кто написал этот бред?

— Асид. Он называет это Первой Заповедью Сыромантии.

— Чертов мелкий рыжий вонючий выскочка! — взорвался Хиллмен. — Кем он себя воображает?

Ответом на этот вопрос стало неловкое молчание собравшихся. Дело в том, что Асид во многом напоминал Хиллмена, если не считать мелких стилистических деталей и манеры одеваться. И, похоже, не замечал этого только сам Хиллмен.

К счастью, пауза не успела затянуться, поскольку в кармане у Баффа зазвонил мобильник.

— Ох, прости... Досадно, право: я как раз хотел ответить на твой вопрос насчет того, кем возомнил себя Асид, а у меня телефон звонит, так что придется мне не отвечать на твой вопрос, а ответить на вызов. Нет, правда, жаль.

Он выудил из кармана мобильник и откинул крышку.

— Да? Ты уверена? Хорошо, мы выступаем. — Бафф драматическим жестом захлопнул крышку телефона. — Сыроманты на подходе.

— Чего? Правда? Кто это звонил?

— Силки. Она дежурит в кофейне «Книжного амбара».

«Книжный амбар» был самым высоким зданием на бульваре, с остекленной кофейней на третьем этаже. Идеальное место для того, чтобы наблюдать за подходами со всех сторон, одновременно листая свежие журналы. Силки Бэнтем сама вызывалась наблюдателем, поскольку обожала романы-ужастики, а это занятие позволяло ей за время дежурства проглотить пару глав с зомби и вурдалаками.

— И как она?

— Злая как черт. Ей пришлось самой варить себе кофе.

Хиллмен чувствовал себя так, словно из-под ног у него вынули землю. *И персонал «Книжного амбара»...* Нет, с этой сыромантской заварухой пора кончать сегодня же.

— Ладно, ребята, — произнес он, топая ногой для вящей уверенности. — Как у нас с оружием?

Оружием ведал Бафф. На Земле он был фанатом Кирка Дугласа, и это сочли достаточным основанием для назначения на должность заведующего арсеналом.

— Не так плохо, — отозвался тот, ведя свое разношерстное воинство к постаменту памятника Шону-боксеру, стоявшего в центре бульвара. У постамента лежал весь боевой арсенал бабулиотов.

— В основном садовые инструменты, — объяснил Бафф. — Вот, например, электротриммер. Он достаточно массивен, и им можно здорово кого-то порезать. Еще есть пара грабель — ими можно бить и колоть... типа того. Лично себе я выбрал эту клюшку для гольфа — не моя любимая дубинка, разумеется, но и ею можно врезать как следует. Чертовски опасная штука в умелых руках.

Даже при том, что Хиллмен сам, лично подписал в свое время указ, запрещающий экспорт с Земли настоящего оружия, он надеялся на арсенал посолиднее.

— Класс! — произнес он с деланным энтузиазмом. — Покажем этим уродам, как умеют сражаться люди города Конг. — Он выбрал себе триммер и собирался уже нажать кнопку «пуск», но Бафф осторожно тронул его за локоть.

— Подождите лучше, пока бой не начнется. Батареи почти разряжены.

— Ясно.

— Обычно этим занимается Хосе, но он сбежал с одной из ваших горничных.

— Ясно. Ладно. Справимся как-нибудь с тем, что есть.

Неровной колонной направились они к городским воротам. Поселение в целом воспроизводило оригинал на Иннисфри, только проектировщики добавили бульвар вдоль залива. У самого берега стояли на мелководье плывины-колокольчики; некоторые из них читали, но большая часть поправляла загар, жалуясь при этом на несправедливость судьбы, подсунувшей им свободный от крокогаторов залив ко времени, когда сезон перелетов вот-вот закончится.

Необходимое пояснение. Плывины-колокольчики — вообще птицы необычные. Уникальность этого вида состоит в том, что они стали жертвой собственной привлекательности... ну, и еще склонности к инцесту. На протяжении многих столетий они славились в Галактике как мастера самых изысканных украшений из перьев, и так продолжалось до тех пор, пока какой-то торговый атташе Галактического Совета не объявил во всеуслышание о том, что их великолепное оперение может служить идеальным украшением любого уважающего себя водного курорта или частного бассейна. На этом традиционный жизненный уклад для плывиунов-колокольчиков закончился, поскольку тут же понабежали толпы стервятников от культуры, которые начали разводить бедных птичек ради великолепного оперения (не брезгуя, разумеется, жесточайшей отбраковкой), каковое оперение экспорттировалось затем во все края Галактики на потребу избалованным банкирам и дипломатам. Плывины-колокольчики не оказывали особенного сопротивления, ибо по натуре своей тщеславны и любят, когда ими восхищаются. Стервятники же от культуры нарциссизмом не отличались, зато бесцеремонно паслись на других видах, а прибыль переводили на бухло и сладкие десерты.

— Мы с вами словно два противоположных конца одной радуги, — заявил как-то раз стервятник от культуры плывиуну-

колокольчику. На что плывун отвечал, что да, конечно, если один из концов радуги в деръме, а конкретно тот, на котором находится стервятник.

— У меня до защиты два месяца осталось, — прощебетал один плывун другому. — А я к диссертации и не приступал еще.

Другой заметил на мосту массивную фигуру Баффа.

— Эй, Баффи, привет. Как твой гольф?

— Неплохо, Перко. Совсем даже неплохо. А ты — кончил ты свою книгу?

Перко закатил глаза.

— Она вся у меня в голове, Баффи. Мне всего только осталось угнездить свою задницу на стул и начать печатать... ну, ты меня понимаешь.

— Я тебя очень хорошо понимаю, — заверил его Бафф, не имевший ни малейшего представления о том, что говорит птица, но пребывавший в позитивном настроении.

Воины Конга дошли следом за Хиллменом до главных ворот, которые их предводителю пришлось поднимать с помощью домкрата.

— Черт, надо было кому-нибудь из нас выучить код открытия ворот, — выдохнул Хиллмен, качая рычаг. — Чушь какая. Магратиане дали папку с резервными кодами, но ведь их там сотни. Двери с электронными замками, кассовые аппараты, приемники суб-эта-связи. Ничего, черт подери, не работает без кодов.

Как только ворота приподнялись на высоту, позволяющую пролезть под ними, войско выбралось наружу и остановилось, глядя поверх поросших пурпурной травой бугров на разделявший два поселения тропический лес. Собственно, переплетение густых ветвей и обилие на них листвы, плодов и живности не позволяло разглядеть ничего за исключением пробитого в зарослях лазером туннеля с полуциркульным сводом.

Хиллмен достал из кармана коммуникатор, навел объектив на туннель и увеличил изображение.

— Вижу этих извращенцев, — буркнул он. — Едут сюда на тележках для гольфа. Госспади, на кавалерийскую бригаду не похоже, так?

Стоявший за его спиной отряд расхохотался — в точности так, как они видели в кино про войну. Потом остальные тоже навели свои мобильники на приближающуюся колонну.

— Я насчитал десятерых, — сообщил Баки, обладатель самого дорогого мобильника с лучшей оптикой. — А нас все-го восемь.

— Да, но мы на господствующей высоте, — возразил Хиллмен.

— Ну и что?

— Это всем известно: кто на высоте, у того преимущество... жизненно важное, мать его, преимущество в такой ситуации.

— Я этого не знал, — не сдавался Баки. — Значит, не всем, так?

— А теперь ты знаешь?

— Ну, пожалуй.

— Что ж, значит, все-таки всем. Я прав?

Хиллмен одержал в этой словесной стычке верх, но радости от этого не испытывал. В конце концов, Конг, как предполагалось, будет мирным поселком. Здесь вообще не должно быть стычек, пусть и словесных.

— Не вижу я никакой пользы от этой вершины, — уныло бубнил Баки. — Некоторые из нас чуть не в босоножки обуты, а здесь полно острых камней. Подошвы-то все равно что твоя бумага тонкие.

— Я надел туфли для гольфа, — объявил Бафф с кровожадной ухмылкой. — Чтобы сподручнее топтать этих ублюдков. Мозги им разнести в брызги.

Необходимое пояснение. Хоть сам м-р Орпингтон этого не знал, по прямой линии он происходил от Сигурда, знаменитого воина-вика. Именно поэтому он частенько добавлял в пиво мед, а также втайне мечтал обрубить дурацкие косички жены топором. Эти тайные помыслы были впоследствии извлечены из его подсознания рыбкой-авилонкой, в свете чего сделались

совершенно ясными причины его пристрастия к облегающим штанам из тюленьей кожи, которые он надевал, собираясь играть в гольф.

Хиллмен быстро сообразил, что намечающаяся конфронтация может принять неуправляемый характер.

— Ну-ну, ребята. Никакого вышибания мозгов. Во-первых, театральные медсестры спутались с парой слуг из гольф-клуба и живут с ними в пятнадцатом бараке, а во-вторых, не мы тут рабочий класс. Никаких драк, если только нас к этому не вынудят.

— Ладно, Хиллмен, — смирился Бафф. — А если они начнут нас оскорблять? Или наших дедов?

Щеки у Хиллмена разом утратили обычный румянец.

— Если кто-нибудь оскорбит мою бабул... бабушку, я ему череп размозжу.

За дорогой наблюдали не только бабулисты. В густых кустах у входа в туннель пригнулись в ожидании атаки несколько голодных, мускулистых хищников. Один из них, мощный тип с длинными, сильными пальцами, впился зубами в черствую корку, но ее сразу же выхватил вожак стаи.

— Чего это ты делаешь? — поинтересовался вожак по имени Льюис Тидфил.

— Мне нужна энергия, — отозвался его подчиненный, которого звали короче: Пекс.

— Но это хлеб.

— Ну и что?

— Углеводороды после трех дня? Ты с ума сошел.

— Всего одну корочку, ничего больше.

Тидфил высоко поднял хлеб, чтобы его видели все персональные тренеры и косметологи.

— Одна корка... ничего больше... Знаете, сколько в ней ложек сахара? Знает кто-нибудь?

— Две? — предположил Пекс.

— Семь! — взвизгнул Тидфил. — Семь! Съешьте это после трех дня, и это будет как если бы вы поставили себе сахарную клизму!

— Да ну, Льюис.

— Пятьдесят отжиманий, на пальцах. Три, четыре — пошел!

Пекс наступил.

— Но я хотел есть. Мне осточертели эти фрукты с ветки. Я хочу чего-нибудь свежеиспеченного или жареного.

— Затем мы и здесь. А теперь упал — отжался!

Пекс покосился на симпатичную ему маникюрщицу. Такие у нее были ногти... словно их сначала окунули в кровь, а потом в алмазы. Ему очень не хотелось позориться у нее на глазах.

— Нет, Тидфил. Качайся сам. Кто вообще назначил тебя вожаком?

Льюис Тидфил выпрямился во весь рост, потом подогнул колено, чтобы рельефнее смотрелся пресс.

— Я сам назначил себя вожаком благодаря квалификации.

— У меня тоже неплохая квалификация.

— Ты всего лишь *инструктор по фитнесу*, — произнес Тидфил тоном, каким обычно говорят с экрана жестокие диктаторы, серийные убийцы или симпатичные бойфренды бывшей подружки. — Любой болван может провести выходные в сраном спортзале и стать *инструктором по фитнесу*.

— У меня диплом есть.

— А у меня — степень, — парировал Тидфил.

— Я работал с гилями.

— Я эксперт по силовым тренажерам, — невозмутимо отвечал Тидфил, — и я могу давать консультации на уровне терапевта.

Пекс достал спрятанный под шорты (что несколько уронило его в глазах маникюрщицы) журнал.

— Меня напечатали на обложке «Men's Health». Вот, смотри.

Тидфил загнал последний гвоздь в крышку гроба своего соперника.

— Я работал консультантом по фитнесу на реалити-шоу. У нас выступали звезды сериалов!

Это был удар наверняка. Пекс припал к земле и начал отжиматься, ведя отсчет вслух.

— Вот и отлично, — кивнул Тидфил. — А теперь вы, остальные, не расслабляйтесь. Они на подходе. — Он окинул взглядом своих подчиненных. — Черт, краска сошла. Гrim, будьте добры.

Две визажистки с пристегнутыми к рюкзакам баллончиками жидкого загара ловко подновили полосы на коже мужчин-тренеров.

Из-за деревьев вынырнул тренер по оздоровительному бегу.

— Они едут по тракту. Жан-Клод в последней тележке.

— О'кей, слушайте все, — сказал Льюис Тидфил. — Значит, так. Все, что нам нужно — это захватить Жан-Клода, и тогда каждый получит блинов из пшеничной муки. Разогрейтесь бегом на месте и нападайте по моему сигналу.

— А что за сигнал? — поинтересовался Пекс, делая паузу в отжимании.

— Выстрелю тебе в башку из стартового пистолета.

— Чего?

— Или просто скомандую «вперед». Еще вопросы есть?

Пекс снова коснулся подбородком земли.

— Нет. Все ясно.

Тидфил улыбнулся ослепительной белозубой улыбкой.

— Отлично. А теперь все, раз-два, раз-два, выше колени. Как следует, как следует!

Нападение произошло совершенно неожиданно. Персональные тренеры вынырнули словно ниоткуда и стремительно налетели на последнюю тележку, стоило той выехать из туннеля.

— Какого... — охнул Баки. — Видели? Видели, что случилось?

Никто не ответил — все, не отрываясь, смотрели на драму, что разворачивалась на асфальте. Атака вышла не хирургически точной, зато стремительной и беспощадной. Отряд загорелых, выкрашенных в полосы атлетов вырвался из зеле-

ной стены туннеля и в мгновение ока утащил схавшую последней тележку обратно в кусты. Водитель даже не успел нажать на кнопку экстренного вызова висевшего у него на шее коммуникатора. А потом все стихло, если не считать оседавшей пыли, чертыханий коренастого тренера, не успевшего как следует разогреться к атаке, да еще зайчиков от набриолиненных волос в глазах невольных зрителей. Прошло несколько секунд, прежде чем в колонне вообще заметили пропажу арьергарда.

— Госспади, — прошептал Хиллмен, и это в первый раз вышло у него не по привычке, а искренне. — Это... Глазам своим не верю. Не могут люди двигаться так быстро.

Бафф, с которым они не раз обсуждали, не завести ли и им персональных тренеров, глубокомысленно кивнул.

— Угу. Вот эти вам бы подошли. Потрясающая спортивная форма.

— Они совершенно одичали, — пискнул Баки. — От них нет спасения. Вы что, надеетесь остановить таких вашим триммером? Нам конец! Конец!

Пожалуй, настало время проявить командные качества.

— А ну соберитесь, трусы несчастные! — рявкнул Хиллмен. — Нам еще нужно разобраться с сыромантами.

Он говорил правду. Сыроманты не повернули назад; более того, они прибавили ходу. Не факт, что они готовились к атаке на бабулистов — гораздо вероятнее, они стремились убраться как можно дальше от места засады на случай нового нападения тренеров.

— Нам бежать вниз с холма? — поинтересовался Баки.

— Забудь про этот чертов холм, — буркнул Хиллмен и тут же спохватился: с формальной точки зрения Баки остался клиентом. — Не думайте о холме, сэр. Просто следуйте моим командам.

— Так мы, заарктурь их медь, будем крошить черепа?

— За... арк... Бафф, что еще за «зарк», черт подери?

— Так, подцепил словечко у одного из торговцев в космопорту.

— Так держи его при себе, особенно в присутствии дам.

Бафф пожал плечами.

— Да без проблем, шеф. Вот бы мне сейчас в руки меч. Настоящий, заарк... пардон, большой двуручный, с кожаной оплёткой рукояти. Будь у меня такой меч, я бы умер счастливым и вознесся бы прямиком на небеса.

Баки осторожно подергал его за рукав.

— Когда все это кончится, вы бы поговорили с моей женой, психиатром. Если, конечно, нам удастся вытащить ее с пляжа. Она, видите ли, спуталась с молодым телохранителем. Если верить ей, это типичный случай проецированного наоборот эдипова комплекса. Я, понимаете, все перепробовал, даже таблетки чертовы чуть не упаковками жрал, а толку...

— Надеюсь, я не переживу сегодняшней славной битвы, — продолжал Бафф, не обращая внимания на жалобы Баки.

Тележки с сыромантами медленно поднимались по единственному на Бабуле двухполосному шоссе на холм.

— Да заткнулись бы вы, — буркнул Баки.

Хоть Бафф и утверждал позже, что это вышло совершенно случайно, именно в это мгновение носок его туфли для гольфа врезался в лакированный штиблет Баки, изрядно его поцарапав.

Необходимое пояснение. Этот сравнительно безобидный инцидент послужил началом беспощадной вендетты, которая, продолжаясь столетиями, уничтожила три планеты, восемнадцать тяжелых космических линкоров и маленькую гостиницу на нейтральном мире. Впрочем, имелись и положительные последствия: запретная любовь двух представителей враждующих родов, про которую позже сняли кино, написали несколько книг и поставили довольно кассовую пьесу.

Список литературы:

Браун и Орпингтон — Новая порода, Бандера Браун-Орпингтон.

Сыроманты начали разворачиваться полукругом, однако этот боевой порядок сразу же нарушился, когда водитель номер четыре не справился с управлением, и его тележка, скатившись задним ходом вниз по склону, врезалась в дерево

банталли. К счастью для водителя, дерево пребывало в спячке, иначе наверняка наложило бы на него проклятие.

— Славное начало, — ослабился Бафф, поигрывая своей клюшкой.

Асид Префлюкс сошел на землю с головной тележки, потратил пару секунд на то, чтобы испепелить взглядом не-задачливого водителя номер четыре и обратил взгляд на бабулистов.

Просто страх было видеть, насколько они с Хиллменом похожи — вплоть до вдовьего треугольничка волос на лбу и заостренного как у какого-то адского лепрекона подбородка. Собственно говоря, если бы бабулисты присмотрелись к своим врагам внимательнее, они могли бы заметить, что в отряде у последних имелось несколько их двойников.

— Сыр поведал мне, что вы скажете что-нибудь такое про нас, — возгласил Асид.

— Жаль, Сыр забыл поведать вам что-нибудь про засаду на дороге, а, ребята? — быстро парировал Хиллмен. Его войско поддержало шутку смехом, который по десятибалльной шкале потянул бы в среднем на шесть — от негромкого хихиканья до не очень искреннего хохота. Так себе вышла шуточка — на четверочку, не выше.

— Не смей шутить с Сыром! — возмутился Асид. — Из-за тебя нас всех предадут Ана-Фете.

Бафф сделал легкий замах клюшкой, словно целясь Асиду в лоб.

— Вот из тебя сейчас плавленый сыр получится!

На сей раз рассмеялись громче. На твердую восьмерку.

На щеках у Асида выступили красные пятна.

— Ну давайте, давайте. Изdevайтесь над Сыром. Это ведь так просто, да?

— Ну... — неопределенно пробормотал Баки.

— Ага. Так я и знал. Ладно, ребята, давайте уберем этих с дороги и займемся делом.

Паства Асида сгрудилась у него за спиной. Вид они имели угрожающий — настолько, насколько можно иметь, будучи

вооруженными предметами, так или иначе связанными с сыром.

— Что это? — поинтересовался Хиллмен, тыча пальцем в деревянное приспособление. — Прочищать канализацию?

— Это поршень для маслобойки! Будто сам не знаешь!

— Откуда мне знать, приятель? Мне сыр делают, прежде чем я его на хлеб положу.

— Богохульник! — взвизгнул Асид, и все его воинство откликнулось на это возмущенным воплем.

— Нет, вы только послушайте этот зудеж, — не выдержал Бафф. — Ну правда же, зудеж.

— Чего?

— Ничего, Хиллмен. Ну почему, почему ты не разрешаешь мне убрать этих нытиков? Их всего восемь осталось.

— Не время еще, Бафф. Может, наши друзья не намерены драться. Может, они приехали вернуть нам Жан-Клода.

— Вовсе нет! — выкрикнул Асид, и тут же запал его иссяк. — Если честно, его у нас больше нет. Его тренеры захватили и потащили, наверное, в свою деревню на пляже.

— Мы видели. Выходит, вы оставили одного из истинно верующих в лапах врага?

Асид сложил указательные и большие пальцы треугольником и коснулся этой фигурой лба.

— Служение Сыру требует жертв, — произнес он.

Остальные повторили его жест.

— Во имя Сыра, — выдохнули они в унисон с лицами, столь серьезными, что их можно было бы продать рекламному агентству в качестве картинки для кампании по раскрутке «Хлоп-По-Мозгам, антидепрессанта для всей семьи».

Хиллмен со товарищи сразу же состроили соответствующие рожи и расхохотались так, что двое даже пукнули, не удержавшись.

— Во имя сыра, — прохрипел Хиллмен. — А я-то думал, дальше сбрендить уже некуда.

Асид вздохнул.

— Значит, вы не готовы встать в наши ряды?

— Нет. Не готовы. Почему бы вам не присоединиться к нам, Префлюкс? Варите себе свой сыр на здоровье, только без крайностей. У нас же одна беда на всех. А вместе мы уж как-нибудь перехитрим эту прислугу.

— Нет. Все должны преклоняться перед Сыром.

— Во имя Сыра, — повторили остальные.

Теперь настала очередь Хиллмена вздыхать.

— Раз так, полагаю, нам придется сражаться.

— Другого пути нет. Только по лицу не бить.

— Конечно, нет. Мы что, звери? И по яйцам тоже.

— Нам вообще запрещено касаться гениталий неверующих, если на руках нет перчаток из сыра, а их делать мы еще не научились.

— Значит, по лицу и яйцам не бить.

Баффа словно невидима рука удерживала от того, чтобы немедленно броситься на врага.

— Ну же, давайте начинать.

— Еще одно, — сказал Асид. — Я и паства моя будем биться, убрав рабочую — ту, которой мы сыр варим — руку в карман. Поэтому, по правилам честного поединка...

— Значит, одна рука, не по лицу и не по яйцам?

— Договорились. Если победим мы, вы присоединяйтесь к нашей счастливой общие, а если вы — мы будем возвращаться, пока не одержим победы.

Хиллмен зажмурился, пытаясь услышать голос бабули.

Что мне делать, бабуля?

Ответ последовал мгновенно:

Взгрей этих идиотов. Задай им такую трепку, чтобы они хорошенъко ее запомнили.

Буззделано, бабуля. Буззделано.

— Отлично, — произнес он вслух. — Бафф, покажи, на что ты способен.

Бафф ухмыльнулся, продемонстрировав, казалось, больше зубов, чем помещаются обыкновенно во рту у человека.

— Аааааргхх! — взревел он, колотя себя в грудь как разъяренный медведь. Перед глазами у него стояли образы пылающих святынь. — Смерть сыромантам!

— Или по крайней мере хорошую взбучку, — согласился Хиллмен, включая свой триммер.

— Не по яйцам! — успел пискнуть Асид прежде, чем на него налетел Бафф Орпингтон. — Не по я-а-а-ай!..

И тут в небе над головами сражающихся со зловещим гудением возник огромный, вращающийся круг сыра. Это внезапное, никем не ожиданное явление привлекло внимание присутствующих быстрее, чем выход Эксцентрики Галлумбиц в прозрачной футболке с надписью «ПЯТНИЦА — ДЕНЬ ХАЛЯВЫ!», имевший место однажды во время пятничной службы на планете Нерд в созвездии Девы. Даже Бафф Орпингтон, забыв про свой боевой порыв, недоверчиво уставился в небо.

— Быть того не может, — выпалил он. — Глазам своим не верю.

Асид Префлюкс сделался белее самого сливочного из всех сливочных чеддеров.

— Ана-Фета! — взвыл он, истово прижимая сложенные треугольником пальцы ко лбу. — Таки навлек ты на нас Ана-Фету, Хиллмен Хантер!

Хиллмен выключил триммер.

— Чего? Нет. Наверняка нет. Что-то тут не так. Ведь правда?

Асид и отряд его сыромантов, отчаянно крестясь... точнее, треуголясь, пятились от стены поселка.

— Мы не собираемся умирать за твои грехи, Хантер. Пусть гнев Сырного Круга падет на тебя одного.

Сыроманты повернулись и бросились наутек. Это оказалось нелегко, поскольку на бегу они продолжали бить поклоны и изображать знак Сыра, в результате чего больше половины их успели попасть в высокую траву, прежде чем они добежали до своих тележек и, завывая электромоторами, на предельной скорости погнали по дороге обратно к себе в деревню. Случись на опушке тренерская засада, никакой Сыру не спас бы их от полного разгрома; впрочем, на сей раз Сыру, похоже, было гораздо интереснее парить в небе над бабулистами.

— И что ты об этом думаешь? — поинтересовался Хиллмен у Баффа.

Бафф пожал могучими плечами.

— Не знаю точно. Может, гауда, а может, и чеддер.

К этому времени Сыр решил, что он уже достаточно побывал сыром и разнообразия ради превратился в вращающийся глаз (кстати, любимое из всех его воплощений).

Хиллмен шумно перевел дух, и ноги его от облегчения чуть не подкосились.

— Ну конечно. Мог бы и сам догадаться.

Огромный глаз закрутился еще быстрее и превратился в экран, на котором шло некое подобие реалити-шоу с участием бегемотика Пинки. Несколько секунд Пинки скакал как безумный, потом экран взорвался и стал облаком маленьких пушистых шариков с зубами; зубастые шарики мгновенно сожрали друг друга и открыли взгляду белоснежный космический корабль. Столь прекрасный, что по сравнению с ним даже Межзвездный Экспресс с Сириуса казался бы не симпатичнее скопления прыщей на носу у сорокалетнего мужчины, катающегося на велосипеде с крыльышками вокруг своей кисти при презентации новой методики прочистки засорившейся канализации.

Необходимое пояснение. Это сравнение уместно почти везде за исключением города Шанк близ известных Катушек Бесконечности на Синеке Аллосимания. Население Шанка составляют Пшавряне, которых с детства учат не ждать от жизни ничего. Точнее говоря, каждого, кто уличен в ожиданиях (безразлично каких) трижды, сбрасывают с горной вершины. Впрочем, могут сбросить и после первого раза, поскольку ожидать второго и третьего — все равно грех. Так вот, в городе Шанке прыщавого сорокалетнего мужчину на велосипеде с крыльышками расценили бы как символ неожданной красоты. Тем более, засоры канализации Шанку не грозят, ибо сила притяжения планеты составляет всего 1,2 метра в секунду за секунду, и дермо просто улетает с ее поверхности в космос.

Ослепительно-белый корабль колыхнулся как кисель, потом со звуком, напоминающим шлепок лимонной дольки о массивный золотой бруск, обрел материальность. Секция фюзеляжа пошла пузырями как газировка в стакане и исчезла, открыв высокую фигуру в рогатом шлеме.

— Тор! — возгласил божественными голосами хор ангелов.

— Аллилуйя... — пробормотал Хиллмен.

Бафф Орпингтон, заливаясь слезами, пал на колени.

9

Борт «Тангриснира»

Ладья Гавбэггера вынырнула из темного пространства, как угорь выплывает из-за коралла. Из дюз вырывались струи странного голубого пламени, сгущавшегося в кристаллы при соприкосновении с реальной материей. В то же время на борту «Тангриснира» не осталось ни одного пассажира, не изменившегося за время путешествия.

Вряд ли в этом можно винить само темное пространство — рукав темной материи имеет природу скорее эмоциональную и способен служить ускорителем чувств, которые в других условиях вызревали бы несколько лет. Для существа из нормального космоса всего один взгляд в сердце темного пространства эквивалентен дюжине приключений на волосок от смерти. Наверное, сама Вселенная выбрала такой способ сказать вам, что жить все-таки стоит. Что весьма неплохо, если только чувства у вас в сердце добрые, а не наоборот.

Пока корабль хвостом вперед спускался в атмосферу Бабули и описывал ленивую спираль вокруг большего из двух

поселений, сканируя при этом все до единого атомы планеты, пассажиры его буквально разрывались от противоречивых чувств. До такой степени противоречивых, что сердца у них едва не плющились об грудную клетку, а мозги готовы были выплеснуться из черепной коробки наружу.

Итак:

Триллиан

Неужели это любовь? Неужели??? Возможно ли, чтобы я — после всего пережитого — случайно столкнулась в разгар планетарной катастрофы с мужчиной и увлеклась им?

Но он ведь не человек, правда? Господи, подруга, ты ведь даже не знаешь, кто он. У тебя нет ни малейшего представления ни о том, что за тип этот Гавбэггер, ни даже о его физиологии. Представляешь, какие сюрпризы могут ожидать тебя в брачную ночь! Твои родители в гробу перевернутся от хохота, если твой свежеиспеченный муженек будет ждать от тебя, что ты снесешь на ковер яйца, чтобы он их оплодотворил...

Ох... Нет, это уже слишком. Не могу я так. Не могу.

Но почему не можешь? Ты в свое время с головой отдалась Зафоду, а ведь ты его даже не любила. Вот теперь тебе выпал шанс обрести счастье, а ты воротишь нос.

Мой нос... Нос... Артуру мой нос нравился. Может, мы с Артуром еще могли бы... Уж наверняка это было бы славно.

Но ты не любишь Артура. Ты его никогда не любила, да и он сам, кроме Фенчёрч, ни о ком не думает.

И как быть с Рэндом? Ты ей сейчас нужна. Ты ведь бросала ее уже, не забывай. Ты обещала, что будешь жить ради дочери.

Но если я откажусь от своего счастья, сделает ли это ее счастливой?

Ну... обычно это помогает...

Но я люблю его. Мама дорогая, я его люблю!

Кого это ты называешь мамой? Держи себя в руках, подруга.

Я могла бы любить двоих. Такое разрешается.

Возможно. Но Рэндом должна занимать первое место.

Рэндом

Запихнуть меня в чертову зеленую трубу, да? Ну, я им покажу. Мистер Бессмертный думает, что он бессмертен, так? Может, ему стоило лучше порыться в суб-эта-сети. Может, если бы его компьютер не был занят, строя глазки моему папаше, он мог бы откопать почти незаметную страничку на почти незаметном сайте, в которой рассказывается история Пинтолаги, шестипалого бессмертного с Сантрагинуса, получившего бессмертие в качестве проклятия от обиженного им электронного пояса-массажера. И как его в конце концов убили.

Значит, говорите, Тяверик Гавбетгер мечтает умереть? Ну, если так, не могу же я оказаться неблагодарной сволочью и не помочь ему в этом?

[и тише]: ты была политиком. Любящей женой. Президентом Галактики... и ты собираешься помочь этому типу угробиться?

Я потеряла мужа, работу и надежду на будущее. Пора подумать и о себе.

[снова тихо]: что ж, справедливо. Тогда убей его.

Тяверик Гавбетгер

Неужели это любовь? Неужели?

Ну же, Гав-Гав, это голос темной материи.

Нет. С темной материей во мне яправляюсь. Не первый год летаю на этом корабле. Нет, кажется, я и правда люблю эту женщину. Такое же все время случается, чуть не в каждом

фильме. Нежданные связи, любовь с первого взгляда... как гром среди ясного неба.

Но это не кино. Вот послушай новости хоть немножко — сразу станет ясно, к чему приводит любовный гром среди ясного неба.

Но это любовь. Такое возможно. Почему бы и нет? В конце концов, неужели я не заслуживаю ничего такого?

Ты заслуживаешь смерти. Разве не ее ты искал все эти годы?

Да, искал. Но только потому, что ничего другого в моей жизни не встречалось. Вообще ничего — кроме компьютера на краденом корабле. А теперь что-то появилось. То есть кто-то.

Не отвлекайся. У тебя появилась реальная возможность сделать так, чтобы тебя убили. Не профукай ее из-за смертной.

Я сам был когда-то смертным. Не такие уж они и плохие.

Да, правда? Скажи, кто ты теперь и что ты сделал с настоящим Тявериком Гавбэггером? Можешь, конечно, меня поправить, если я ошибаюсь, но разве не мы с тобой провели несколько последних тысячелетий, оскорбляя смертных? Разве не ты собрал полный комплект «Полнейшей Энциклопедии Придурков»?

Да, но...

И разве тебе прежде ни разу не казалось, что ты влюбился?

Да, но там все было по-другому. Мне казалось, будто я влюблен, но теперь я понимаю: это было всего лишь отсутствие отвращения. А у Триллиан много замечательных качеств.

Триллиан. Если это, конечно, ее настоящее имя.

Вот теперь ты просто цепляешься к мелочам.

Все, что я знаю — это что впервые за Зарквон знает сколько лет у тебя появился шанс умереть. Не слишком большой, но все-таки шанс. Если этому идиоту Библброксу удастся прорваться, вполне реальный шанс. Ты готов рисковать этим из-за какого-то увлечения смертной?

Да. Если она согласится принять меня, рискну. А нет — возвратимся к плану «А».

Какому это?

Оскорблять всех на этой планете в надежде, что кто-нибудь
будь меня да убьет.

Что ж, аминь.

Артур

Бред какой-то. Провести большую часть перелета, разговаривая с компьютером?

Ну вообще-то ты разговаривал сам с собой. Компьютер всего лишь роется в твоей памяти и подбирает подходящие реплики из уже имевших место разговоров. Прислушайся хорошенько — и услышишь щелчки в месте склеек.

Знаю, знаю. Но трудно оторваться от этого. Я уже терял один раз Фенчёрч, и едва не умер из-за этого. Даже сейчас, через столько лет не могу не думать о ней.

Столько лет? Не так уж и много времени прошло.

С учетом виртуальной жизни — много. Я ведь черт знает сколько прожил на том пляже, рисуя портреты Фенчёрч.

Помню. Чудовищные портреты. Надо двигаться дальш.

Ты хочешь сказать, до тех пор, пока вогоны не уничтожат и эту новую планету?

Или до тех пор, пока я ее не спасу. Не забывай, мне приходилось ведь уже спасать планеты.

Слается мне, приятель, это наша с тобой последняя жизнь. Сколько мы еще можем спасаться при уничтожении планет? Вряд ли еще раз.

Вогонов может утихомирить Гавбеттер. Или Тор — кто уж там из них победит. В конце концов, Вселенная велика, а мы часть ее. Не хотелось бы провести остаток жизни за виртуальным флиртом с набором плат и проводов.

Ну... ла. Ты прав, конечно, но здесь мы в безопасности. Нас здесь никому не найти, не то что угрожать термоядерными боеголовками.

И что, мы останемся здесь навсегда?

Нет... Полагаю, нет.

И что нам тогда делать?
Действовать.
Что-то у меня настроения нет.
Действуй!
Ладно. Фенчёрч забыта?
Разумеется. Совершенно. Фен... как ее там?
Хороший мальчик.
[совсем тихо]: Фенчёрч... Разве ее забудешь?

Форд

Я целых восемь минут могу не моргать. Восемь минут — наверняка это рекорд или я не знаю что. Кстати, не моргать очень успокоительно. Ну, я и до того, как подняться сюда на борт не то чтобы уж слишком напрягался, но сейчас просто как в нирване... или не-рвани? Последнее не лишено смысла, потому что одет я не в рвань какую-нибудь... вот только почему полного покоя все-таки не получается?

Пиво, пиво... Пейте пиво пенное, морда будет... так, ладно.

О! Блин! Ну и дурак. Я знаю, что мне делать. Надо написать что-нибудь для «Путеводителя» про этот корабль — на случай, если издательство сумеет когда-нибудь выставить этих вогонов коленкой под зад. Боже праведный, вот это будет сенсация. Многим ли смертным удавалось путешествовать на борту «Тангриснира»? Ну, не знаю. Наверняка немногим, ручаюсь, зато следующий, кому это удастся, сможет воспользоваться полезной, информативной статьей «Путеводителя». Точно. Теперь подумаем, что бы такого написать. По возможности сжато, чтобы не дать этим ублюдкам в издательстве возможности порезать текст. Что-то такое, что говорило бы о моем несомненном авторстве и одновременно передавало бы всю гамму эмоций от этого замечательного золотого корабля. Моим последним материалам недоставало компактности. Поэтому напишем покороче. Строго по сути.

Без всяких там вводных слов и лирических отступлений — быка, так сказать, за рога. Так держать, капитан.

Ага! Нашел! Есть только одно слово, способное передать душу и меня, и этого потрясающего судна. Удачная характеристика, популярная равно как среди старых ворчунов, так и среди юной поросли.

Крутой.

Все собрались на мостице наблюдать за спуском к новенькой с иголочки голубой планете.

Форд сделал шаг к выпуклой стене, и она разом стала прозрачной.

— Я хотел, чтобы она так сделала, — с ухмылкой сообщил он. — Я только подумал, и корабль послушался.

Вид открывался потрясающий; даже Гавбэггер оторвал на мгновение взгляд от профиля Триллиан, чтобы полюбоваться бликами золотого света на гребнях волн.

— Это... красиво, — произнес он тоном досрочно освобожденного из заключения, которому после двадцати лет отсутствия вернули вкусовые рецепторы. — Да. Красиво.

Триллиан обвела руками его бицепс.

— Красиво? Это потрясающе, сказочно. Я-то думала, вы не испытываете недостатка в эпитетах.

— Только не в добрых, — с улыбкой признался Гавбэггер. — Видите ли, на продолжении некоторого времени я ими вообще не пользовался — а все благодаря этим неблагодарным смертным. Последнее к присутствующим не относится.

Проходившая мимо Рэндом *случайно* задела Гавбэггера локтем.

— К большей части присутствующих здесь не относится, — уточнил он.

Рэндом мило улыбнулась:

— Я только хотела сказать, мистер Гавбэггер, что искренне надеюсь, что вы сегодня умрете. Как вам и хотелось.

— Рэндом! — потрясенно воскликнула Триллиан. — Что за гадости ты говоришь! И потом, этого не случится. Зафод

Библброкс в жизни еще не исполнил ни одной своей угрозы, не говоря уж об обещаниях.

Гавбаггер улыбнулся ей.

— Не беспокойтесь. Это же темное пространство. Оно усиливает человеческие эмоции; люди говорят совсем не то, что имели в виду. Она успокоится.

— Я бы на это не слишком рассчитывала, — насупилась Рэндом.

Но Триллиан ее не слушала. *Оно усиливает человеческие эмоции*, думала она. *Люди говорят совсем не то, что имели в виду.*

— Боже мой, — произнес вдруг компьютер тоном школьницы-фанатки. — Это же Тор. На том краю острова. Я запеленговал Тора. Глазам своим не верю. Вот интересно, он меня еще помнит?

Гавбаггер нахмурил брови.

— Ты уверен?

— Конечно, уверен, балда. С моей памятью на лица ошибки исключена.

— Ладно, хватит лыбиться. Просто посади нас на поверхность.

— Куда? Рядом с Богом-Громовержцем?

Гавбаггер отвернулся от Триллиан.

— Нет. Сажай прямо здесь. Мне нужно еще поразмысльить немного.

Отлично, подумала Триллиан. *Мне тоже нужно время поразмышлять.*

Отлично, подумала Рэндом. *Мне еще должны доставить специальный заказ.*

Конг

— Зафод Библброкс, — произнес Хиллмен так, словно само это имя было грязным ругательством (что, впрочем, соответствует истине на довольно многих планетах). — Зафод, мать вашу, Библброкс.

Зафод развалился в шезлонге на главной площади, скинул башмаки и закатал все три рукава.

— Что это ты заладил, Хиллмен. Можно подумать, я несчастье какое-то, а не решение всех твоих проблем.

— Решение каких проблем?

— А какие у тебя проблемы? — тем же тоном поинтересовался Зафод.

Хиллмен как раз барабанил пальцами по столу в надежде, что официантка это заметит и примет его заказ. Услышав вопрос, он застыл, не выбив дроби до конца.

— Ну, для начала у нас нет официанток. Они все сбежали в поселок на пляже с нашими физкультурниками. И все бухло тоже с собой забрали.

Зафод потянулся за своими башмаками.

— Приятно было поболтать с тобой, Хиллмен. Не покажешь ли ты мне, кстати, в какой стороне этот ваш поселок на пляже?

— Это все вы, черт тебя подери, виноваты, Зафод. Все было хорошо, пока не возник этот западный город. Нет, только представьте себе: его назвали Сырополем! И у них прислу-га взбунтовалась даже прежде, чем у нас. — Он уставил палец в Зафода. — Вы хоть понимаете, что некоторым из наших достойных жителей приходится самим чистить свои сортиры? Что это, блин, за цивилизация такая?

— Каждое вновь созданное общество сталкивается с детскими проблемами, но нет таких, которые нельзя было бы разрулить с помощью дипломатии и алкоголя.

— Детскими? Этот псих Префлюкс далеко уже не детская проблема.

Зафод честно попытался сдержать смех, но тот прорвался через нос.

— Что тут смешного, Библброкс?

— О, ничего. Так.

— Нет уж, скажите. Я настаиваю.

— Просто ты обозвал Асида Префлюкса психом.

— Ну и что? Он и есть псих. Натуральный чертов псих.

— Если он псих, то ты тоже.

Хиллмен насупился.

— Что это вы хотите сказать?

— Ну, то, что он — это ты, а ты — это он. Только не говори мне, что ты сам этого не замечал.

— Вздор, дерньмо какое-то, — буркнул Хиллмен, но какой-то леденящий холод в животе подсказал ему, что так оно и есть.

— Западный город? Сырополь? Это вы, ребята, сами и есть, только из другого измерения. Я неплохо заработал на вас в первый раз, вот и подумал — эй, почему бы не повторить? Я как раз собирался уже за третьей группой, когда — БАЦ! — вогоны нагрянули.

— Значит, Земли больше нет?

— Окончательно и бесповоротно. Даже Арклю-Шмарклю, всей его коннице и всей его рати не собрать эту планету, как бы они ни старались.

— Чего?

— Ну, это такой старый детский стишок с Бетельгейзе. Аркль-Шмаркль пытался склеить яйца, грохнувшиеся со стены. Трагический финал.

— Ясно. Ладо, вернемся к этой планете. Выходит, я — Асид Префлюкс? Этот надутый, сбрендивший зануда? Вы это хотите сказать?

Зафод щелкнул пальцами третьей руки (надо сказать, на отработку этого у него ушло несколько месяцев).

— Бадабинго. Ну, не совсем он. Ты — его версия, но сдвинутая от него вдоль вероятностной оси на несколько Вселенных. Отсюда и некоторые различия. Например, имя. Ты отрастил брюшко, он нет. Ты красишь волосы, он — натуральный рыжий. В таком роде.

У Хиллмена не хватило сил опровергать окраску волос. Одно дело — знать, что во Вселенной существует бесконечное количество альтернативных Хиллменов Хантеров, и совсем другое — находиться с одним из них в состоянии войны.

— Не верю! — выпалил он наконец. — Вы меня подставили, Библброкс. Вы стравили меня с самим собой.

Зафод в наигранном ужасе хлопнул себя по щекам.

— Я? Тебя?? Подставил??? Это гнусный наговор. Я всего лишь пытался заработать пару баксов. Ты же знал, Хиллмен, что будут и другие колонисты. И не моя вина, что вы, обезьянья отродье, вечно со всеми воюете — даже с версиями самих себя. — Зафод вдруг выпрямился, как подброшенный. — Срань господня! Я же прав, так? Я просто привел убедительный довод.

Хиллмен злился, но молча. Библброкс действительно привел убедительный довод. Он спас им жизнь и перенес на новый Эдем. И если земляне облажались и здесь, его вины в этом не было. Хиллмен покосился туда, где Бафф Орпингтон вел себя как ребенок, попавший на сахарное месторождение — кружил, высунув язык и лихорадочно стискивая свою клюшку для гольфа, вокруг Тора.

— Колония разваливается, Зафод, — признал Хиллмен. — Бог мне, и впрямь, не помешал бы.

Зафод сделал вид, будто удивлен оборотом, который привнесла их беседа.

— Что ж, бог у меня есть.

— Это настоящий Тор? Правда ведь?

— Это действительно он, и я — его менеджер.

Хиллмен разинул рот, захлопнул и снова открыл.

— Что? Даже боги теперь стоят денег?

— Проснись, Хиллмен. Боги всегда стоили денег. Но я могу устроить тебе скидку.

— Но хоть эксклюзивные права на него мы будем иметь?

— Этого я обещать не могу. Тор играет в высшей лиге. Божество первого класса. Не одна цивилизация мечтает поклоняться ему.

— Но он хоть вездесущ?

— Нет, зато быстр и легок на подъем.

Хиллмен обдумал это. Бог такого уровня, как Тор, мог бы быстро наставить эту планету на путь истинный. Префлюксов сырный круг не имел шансов устоять перед большим молотом Тора, да и прислуга могла бы хорошенько задуматься, зная, что им предстоит держать ответ перед Богом-Громовержцем.

— Когда он может приступить к работе?

Что-то бибикнуло в недрах Зафодовых штанов, и тот принялся хлопать себя по карманам до тех пор, пока не нашел сверхплоский компьютер, который дал ему Гавбэггер.

— Практически сразу, — ответил он, глянув на дисплей. — Тору только нужно покарать кое-кого своим божественным гневом. Вам, ребята, пожалуй, стоит на это посмотреть — так сказать, тест-драйв вашего приобретения. Я думаю, зрелище выйдет впечатляющее. — Он поднес ко рту руки рупором. — Эй, Тор. Готов действовать? Бессмертный уже приземлился.

— Ты уверен, что это необходимо? — поинтересовался Тор, подозрительно косясь на Баффа Орпингтона, который как раз пытался поднять Мъельнир. — Уж не знаю, готов ли я. Видел этого парня? Он что, хохмит так или впрямь считает меня великим? Говорит, что хочет стать жрецом, носить рясу. Ты ведь этого хочешь, парень, да?

Бафф переступил с ноги на ногу и утвердительно кивнул бычьей башкой.

— Да, — прохрипел он. — Да, да, да!

Сырополь

Приземлившись на очаровательном зеленом лугу за оклицией поселка, ладья Гавбэггера мгновенно превратилась по цвету, форме и фактуре в небольшой поросший травой холмик. Пасшиеся поблизости стадом большие емельянские коровы, только-только начавшие спорить, кто первой предложит свое сочное мясо прилетевшим, чертыхнулись и вновь занялись раскраской транспарантов к демонстрации протеста против сыромантов, которые отказывались их есть.

Гавбэггер дематериализовал люк, и пассажиры с наслаждением ступили на твердую землю.

— Как здесь славно, право, — произнесла Триллиан. — Так мирно... — Тут на нее налетела, едва не врезавшись ей в грудь, корова.

— Съешьте меня! — истерически проревела корова. — Съешьте меня!

Триллиан отпрянула от влажного розового носа.

— Э... нет, спасибо. Я вегетарианка.

— Овощи! — с омерзением буркнула корова. — Ну что вы в них находите? Почему им все удовольствие, а нам... Клетчатка с витаминами, только и всего. И что, черт подери? У меня жопа белками сочится. Буквально.

Прежде чем пассажиры «Тангриснира» успели сделать хоть шаг, их окружило стадо разъяренных коров.

— Мы — бешеные коровы! — скандировали они. — Мы — бешеные коровы!

Артур не удержался и прыснул:

— А знаете, это ведь смешно. Там, на Земле, была эпидемия...

К нему подступила бурая корова.

— Вы ведь не вегетарианец, нет, сэр?

— Ну, если на то пошло, нет.

— Ручаюсь, сэр, вы не отказались бы от славной вырезки с молодым картофелем и полбутылкой красного?

Артур погладил себя по животу.

— Подумать, так не откажусь. Звучит очень соблазнительно. Настоящий стейк. Никаких репликаторов. То, что надо — настоящее, без дураков мясо. — Было время, когда мысль о животных, мечтающих отдать себя на заклание ради стола, приводила Артура в ужас, но теперь он обнаружил в своем сердце некоторый оптимизм.

Темная материя, подумал он. Это ненадалго.

— Ты просто мысли мои читаешь, дружище Артур, — заявил Форд. — Я вообще-то не слишком люблю питаться разумными существами, но эти ребята такие настойчивые...

Бурая корова подняла переднюю ногу и подтолкнула Артура с Фордом в направлении топившейся дровами жаровни.

— И как вам, сэр, приготовить стейк? А вам, сэр?

— С кровью, — отозвался Форд. — Настолько сырой, чтобы его смог оживить ветеринар с дефибриллятором.

— Думаю, мне средней прожарки.

Корова достала откуда-то салфетку и накинула ее на согнутую переднюю ногу.

— Отлично. А вино?

Артур не имел ни малейшего представления о том, как обстоят на этой планете дела с винами. Сомнительно, чтобы у них успели вызреть хорошие винтажные сорта.

— На ваше усмотрение.

Гавбэггер ощущал себя несколько неуютно в окружении остальных коров. Как-то никогда он не питал особых симпатий к говорящим четвероногим. Это была фобия, с которой он боролся с переменным успехом.

— А ну, зверюшки, отойдите-ка подальше, пока я не поджарил вас своим бластером.

— Ну наконец-то! — вскричала одна из коров.

— На максимальной мощности, можно? — взмолилась другая.

Триллиан взяла Гавбэггера за руку.

— Я знаю этот вид. Они хотят, чтобы их съели.

— Я их не собираюсь есть. Но застрелить могу.

В Рэндом все еще бурлили эмоции недавнего перелета.

— Почему бы вам не перестрелять их всех, а, пришелец?

Продемонстрируйте моей мамочке, кто вы есть на самом деле.

Гавбэггер ощутил, как сжимает его руку Триллиан, и волнение его немного отпустило. Он посмотрел на нее.

Как такое случилось? Как вам это удается?

Как уже говорилось выше, Вселенная питает отвращение к нежным чувствам и не допускает, чтобы они затягивались надолго, так что каждый полный любви взгляд уравновешивается где-нибудь в недрах космоса адекватной дозой грубости. А иногда и неадекватной.

Необходимое пояснение. Тяверик Гавбэггер — или, как описывает его энциклопедия H2G2, «зеленый чувак на крутом корабле, который шляется повсюду и оскорбляет людей», — к описываемому моменту пережил в реальном пространстве три полных нежности мгновения с Триллиан Астрай — или, как

назвал ее журнал «Ого-Го», «везучей красоткой, отловившей ловца». Из каждого из этих мгновений поплатился во Вселенной какой-либо невезучий тип. Глэма Фоддера, чиновника из отдела городского планирования с Альфы Центавра, укусила за палец карликовая полевка, забравшаяся в его пакет для ленча из-за того, что поставщик пакетов поменял фирменный цвет своей продукции. Урсула Диффер, консультант по вопросам семьи и брака со сверхгорячей системы Гастромили, испытала приступ леденящего ужаса, когда назначенная на 15.00 семейная пара оказалась ее собственными сыном и дочерью, которых она бросила в молодости. Морти Гrimm, солист модной группы «Видимая часть спектра» с Хуулуувуу, долго еще лечился у психотерапевта после того, как техник-осветитель навел на него прожектор, залитый по ошибке синим гелем.

Впрочем, этот полный нежности момент был прерван появлением колонны тележек для гольфа. Возможно, появление это вышло бы еще эффектнее, сумей головная тележка сокрушить запертые ворота, не запутавшись в проволоке и щепках.

Обращавшаяся к Артуру корова презрительно сплюнула жвачку.

— Зануды. И такие люди здесь у власти.

— Вегетарианцы? — предположил Артур.

— Нет. Они любят свиней. Просто обожают свинину. Но нас, несчастных коров, почему-то в меню не вставляют. Так что хвала Господу, сэр, что вы прилетели. Хвала Господу!

Из обломков изгороди и тележки выбрался Асид Префлюкс.

— Эй, Артур! — окликнул Форд. — Что получится, если скрестить изгородь с тележкой для гольфа?

Артур так и не успел ответить на этот несколько неожиданный вопрос, потому что как раз в это мгновение их окружила толпа сыромантов.

— Прочь от жаровни! — пронзительным голосом скомандовал Асид. — Эти коровы нужны нам самим.

— Давай я их отвлеку, — прошипел Форд на ухо Артуру. — А ты пока веди Буренку к жаровне.

— Позвольте возразить, — возмутилась подслушавшая это корова. — Видите ли, нас не всех зовут Буренками. Точнее говоря, в просвещенных кругах имя «Буренка» практически не котируется. В этом сезоне популярны Трисджем и Поллигрина.

Асид протолкался сквозь стадо и остановился, запыхавшийся и слегка помятый, перед путешественниками.

— Кто тут у вас старший? — поинтересовался он.

Гавбэггер, стараясь не прикасаться ни к чему жующему или шумно дышащему, сделал шаг вперед.

— Наверное, я. Я Тяверик Гавбэггер, капитан этого корабля.

— Какого еще корабля? Не вижу никакого корабля.

— Он просто замаскирован, недоумок прышавый.

Асид вспыхнул.

— Что? Да как вы смеете?

— Вот теперь все как положено, — успокоенно кивнул Гавбэггер. — Потрясение, злость... Хорошее напоминание о том, почему я занимался этой работой.

— Занимались? — переспросила Триллиан.

Гавбэггер уставился на свои ботинки — все еще относительно чистые.

— В последнее время это мне разонравилось.

По мере того, как подтягивались остальные колонисты, Асид смелел.

— Пардон, что вмешиваюсь в ваши нежные отношения...

(На борту круизного лайнера, пролетавшего мимо звезды Барнарда, судовой врач чихнул и вогнал себе в коленку шприц. Следующие два дня коленка, несмотря на все ее протесты, провела на жесткой водной диете.)

— ...но чего вам здесь нужно, Гавбэггер?

— Я привез вот этих землян к их сородичам, а сам я собирался оскорбить всех здешних жителей, но, думаю, не стоит и стараться.

Асид немного воспрянул духом.

— Эти люди — наши сородичи? Тоже сыроманты?

Гавбэггер потрясенно почесал подбородок.

— Сыроманты? Так вы, ребята, сыроманты? Ушам своим не верю!

Воодушевление Асида снова упало ниже плинтуса.

— Можете дальше не говорить: вы не верите в Сыр. Вы считаете, что все это только у меня в голове.

— Да нет. Я действительно знаком с Сыром. Правда, со стариной Сырищем не видался уже, кажется, целую вечность.

Префлюкс пал на колени. Что-то с шумом всхлюпнуло, другое что-то фыркнуло.

— В-вы знакомы с Сыром? Вы находились в Его высочайшем присутствии?

— Высочайшем? Кто это вам такое сказал?

— Господин Сыр... сам... в моих видениях.

Гавбэггер кивнул.

— Значит, все еще любит фантазировать. Есть вещи, которые никогда не меняются. Найдет пустую башку и забирается туда — старина Сырище всегда придерживается этой тактики. Мы с ним любопытно познакомились: черт знает сколько времени назад я нанял Сыришу, чтобы он меня убил. Он пытался сделать это с помощью черпака или чего-то в этом роде. Разумеется, ничего не получилось, зато с тех пор у меня хроническая нетерпимость к лактозе.

— Это вы навлекли на нас Ана-Фету?

— Ана-Фету? Бред какой. Вы серьезно? Нет. Ну, правда: как вы можете надеяться, что над вами не будут смеяться, с такими-то теологическими терминами? Но если вы имеете в виду большой круг сыра над соседним поселком, боюсь, что это просто космический корабль, возвращающийся из невероятностного пространства.

— А не Ана-Фета?

— Полагаю, нет. По правде говоря, старина Сырище, может, и бог, но по части явлений не мастак. Последнее, что я о нем слышал — это что он готовился к экзаменам на божество среднего разряда, но, судя по тому, что нигде здесь не развешаны календари и постеры со Святым Сыром, похоже, он их провалил.

— Мне тоже так кажется, — заявила одна из коров. — Он лузер, такой же, как ты, Префлюкс.

— Заткнись, корова, или да поможет мне...

Корова снова сплюнула жвачку.

— И что ты сделаешь? Уж не съешь ли?

— О! Вот это верно! Не буду есть ни тебя, ни кого из твоей родни. Где бы ни прятались — найду и ни кусочка не съем!

Корова пришла в ужас.

— Я еще с тобой разберусь, Префлюкс, — пообещала она.

У Асида в кармане заверещал мобильник, и он коротко переговорил с кем-то, оглядываясь на темневший в зелени туннель.

— Значит, вы представляете здесь Сыр, Гавбеггер?

Гавбеггер нахмурился.

— Я не говорил, что представляю. Мы с ним так, немного знакомы. Пару раз по пиву сходили.

— Значит, вы друг, — настаивал Асид. — Хотите, станете нашим героем.

— В лучшем случае — знакомый.

— Просто мне только что позвонил наш информатор. Сказал, что Хантер раздобыл себе настоящего бога.

— А-а...

— И он как раз собирается сюда.

— Ясно. А вы хотите, чтобы я выступал за вас от имени Сыра.

— А вы согласитесь? Это было бы потрясающе. — Асид поспешил сотворил треугольник.

— Это еще что такое?

— Сырный треугольник. Умиротворение Сыра. Я типа сам придумал.

Гавбеггер рассмеялся.

— Не шевелитесь. Надо сделать фотку и послать Сырищу. То-то он смеяться будет!

Асидов треугольник дрогнул.

— А он что, нас не видит? Сыр не повсюду вокруг нас?

— Сырище-то? Да он только и умеет, что за тарелку цепляться и посыпать всякие бредовые кисломолочные мысли. Но могу рассказать про него еще одно: он любит говядину и сыр. Особенно блюда, в которых говядина сочетается с сыром.

Асид бессильно уронил руки.

— А мы все это время сберегали сосуды сыра...

В воздухе вдруг затрещало, и Артур внезапно ощутил, как встают дыбом волоски у него на руках.

— Что-то у меня ощущение, что пора уносить ноги, — признался он. — Тор мог меня и запомнить.

В небе на востоке, прямо над лесными верхушками темнело грозовое облачко. Из его брюха с равными промежутками времени выстреливали фотогеничные молнии; издалека казалось, будто кто-то довольно крупный едет на этих молниях верхом.

Гавбеггер кривовато улыбнулся.

— Библброкс и впрямь раздобыл этого громилу. Прямо не верится.

— Уж поверьте, — сказал Форд. — Вы же сами обозвали его толстожопым, не забывайте.

Триллиан прикрыла глаза рукой и сощурилась, пытаясь разглядеть Бога-Громовержца.

— Такая показуха... Большой молот — это, понимаете ли, еще не все. Может, это просто шоу со световыми эффектами. Может, он даже биться не хочет.

Подобные заявления почти гарантированно приводят к противоположным и — с учетом характера вовлеченных в события персонажей — мелодраматическим событиям. Триллиан как журналистка могла бы и подумать, прежде чем произносить такое.

Необходимое пояснение. Существует теория, сформулированная психологом Шиком Бритхаусом — полной противоречий фигурой с Каппы Какрафуна. Согласно этой теории, вся Вселенная построена на неопределенности, поэтому определенное заявление или действие порождает мгновенный энергетический вакуум, в который устремляется диаметрально противополож-

ное заявление или действие. К примерам наиболее известных порождающих вакуум заявлений относятся:

«Ну уж это сюда точно не подойдет?»

Или:

«Мы мирные люди. Даже силастические бронеборцы со Стритфакса не захотят воевать с нами».

Или:

«Классный вид у тебя в этом свитере, Феликс. Уж наверняка теперь никто не обзовет тебя фриком и не спустит в мусорпровод».

Или:

«Может, это просто шоу со световыми эффектами. Может, он даже биться не хочет».

Субатомные существа услышали шипение мгновенно покинувшей вакуумное поле энергии, и тут же в этот вакуум ударила мощная молния, выжегшая значительную часть луга. Когда дым рассеялся, на этом месте виднелись только обугленные коровы скелеты и огромное «Х» посередине.

— Вот свезло-то гадам, — с завистью пробормотала одна из оставшихся в живых коров.

Головной мозг и приданые ему нервные узлы Гавбэггера разрывались от противоречивых эмоций. Тысячу лет самой заветной мечтой его было умереть, но сейчас в окружающем его мраке забрезжил луч света — вероятность того, что причины, по которым он искал смерти, не так уж и серьезны. Перед ним неожиданно встала дилемма: воспользоваться почти верным шансом на то, что его убьют, или попытаться прожить несколько счастливых (что еще не факт) десятилетий с этой уже начавшей умирать женщиной?

— Я думаю, это «Х» обозначает место поединка, — заметил Форд, держа в руке кусок поджаренного мяса, и повернулся к ближайшей от него корове. — А соуса не найдется? Суховато получилось.

Артур обнаружил, что подобное поведение потрясает его не в такой степени, как прежде. Наверное, частое лицезрение эксцентричных кулинарных пристрастий Форда несколько размыло его этические нормы.

— Тут кто-то, кажется, говорил про вино? — произнес он, стараясь, чтобы голос его звучал не слишком оптимистично.

Рэндом насупилась, чего никто не заметил, поскольку это было одно из двух обычных выражений ее лица (отличительной особенностью второго являлись презрительно поджатые губы).

— Гадость какая, — произнесла она, плавно сменив выражение лица на номер второй. — Вы оба просто свиньи.

— Свиньи? — встрепенулась корова. — Не говорите мне о свиньях!

10

Среди разумных существ Бабули пронесся слух о том, что в Сырополе вот-вот случится серьезная заваруха, так что разумнее всего держаться оттуда подальше, пока земля не перестанет трястись. Поэтому, разумеется, все немедленно поспешили на сожженный луг у городской окраины — все, кроме Никльза Эдера, бывшего мэра Нью-Йорка, запертого в городскую кутузку на время ломки.

Первыми на место прибыли птички, плывины-колокольчики; это удалось им по причине наличия гибких, чувствительных перьев, с помощью которых их вожак, Перко Сент-Уоринг Крап, управлял взятым напрокат микроавтобусом. Перко остановил автобус, направив его в кювет, и послал двоих членов стаи занять места у изгороди, пока остальные принялись искать капуччино без молока.

Следующими объявились инструкторы: не обращая внимание на полуденное солнце, они бежали по травке правильным ромбом. На одном плече каждый нес велосипед, на другом — визажистку.

— А разве не проще ехать *на* этой штуковине? — поинтересовался Артур у молодого человека атлетического сложения, продолжавшего бежать на месте рядом с ним.

— Ох, да не будьте ребенком, — огрызнулся инструктор и отодвинулся подальше, оставив Артура недоумевать.

Тор разминался на опаленой траве, отбрасывая несколько теней разом и на всякий случай проверяя, застегнута ли у него ширишка. Он нервничал. По правде говоря, хотя об этом не догадывался никто — особенно Зафод, — он просто боялся. Это было его первое появление на публике со времени выхода того злосчастного видео... хорошо хоть, никто из присутствующих его, похоже, не видел. В представлении этих людей он оставался богом первого класса, никогда не опускавшимся до приработков в сомнительных кино. Нет, положительно у него имелся шанс произвести на них впечатление. Так сказать, укрепить репутацию.

Если я сегодня проверну всё удачно, сообразил Тор, это поднимет мой рейтинг. Право же, надеюсь, этот бессмертный тоже постараётся и не умрет слишком быстро. Божество, убивающее не относящегося к божествам, вызовет мало симпатии, если не разыграть все как положено.

Толпа к этому времени собралась уже изрядная, и в воздухе царила атмосфера праздника. Плывины-колокольчики помоложе выщипывали из хвостов старые перья и сбрасывали их вертолетиками на толпу, в то время как набравшиеся кофе ветераны радовали зрителей групповым пилотажем.

Инструкторы выстроили на уцелевшем клочке травы живую пирамиду, а мягкосердечные визажистки утешали отчаявшихся жителей Конга и Сырополя, большая часть которых давно уже разучилась приводить себя в порядок без посторонней помощи.

— Мои волосы! — всхлипывала одна пожилая дама. — Я нацелила на них эту штуку, которая дует горячим воздухом, а они так и не поменяли цвет.

— И эти ногти! — возмущалась другая. — Они все растут и растут. Что ни день, все одно и то же. Вернись, Джасмин. Пожалуйста!

Злобный взгляд Баки Брауна перемещался тем временем по треугольнику. Сначала он посмотрел на свои башмаки, потом на Баффа Орпингтона и, наконец, на высокого заго-

релого мужчину в красных тренировочных штанах, вьетнамках и с зажатым в зубах тренерским свистком.

Бог-Громовержец возвышался над ними на пару, если не тройку голов.

Я могу сплотить этих смертных, думал Тор. Один бог. Одна вера. Чем больше людей будут верить в меня, тем сильнее я стану. И бьюсь об заклад, наверняка одна из этих девиц умеет как следует заплеть бороду. Стоило этой счастливой мысли посетить его голову, как прежняя неуверенность накатила на него с удвоенной силой. Это будет катастрофа. Все, кто имеет доступ к суб-эта-сети, меня ненавидят. Как бы чувственно ни убивал я этого бессмертного парня, они увидят все лишь в черном свете. Тор передернул плечами. Ну, если на то пошло, бороду заплести все равно стоит; это могло бы поднять дух.

Стоявший на противоположном конце опаленной проплешины Гавбэггер, напротив, ощущал головокружительную легкость. Наконец-то настал момент, когда он может послать материальный мир к чертовой матери. Бесчисленные годы страданий подошли к концу.

Пожалуй, этот парень справится, думал Гавбэггер. Ну, я еще позлю его немного советами, и он прихлопнет меня своей кувалдой.

Вид Тора и впрямь вполне внушал доверие. Энергия исходила от него волнами, и он разминался, швыряя молнии в коров, добровольно вызвавшихся поработать движущимися мишенями.

Он сойдет. Нутром чувствую.

Впрочем, момент Гавбэггера торжества портила одна неприятная заноза. Женщина с Земли, Триллиан Астра, изменила его.

Мое сердечные клапаны качают кровь как сумасшедшие. У меня пропал аппетит. И мне совершенно не интересно оскорблять людей. Почти как если бы я подцепил вирус... но я не могу заразиться ничем.

Гавбэггер понимал, что происходит. Темное пространство уловило проблеск интереса и усилило его настолько, что ему начало казаться, будто он влюблен.

Неужели именно так и случилось? А может, мне все-таки повезло наконец? Разнообразия ради?

Сомнительно.

Вышеупомянутая дама стояла тем временем у ограды, ругаясь с дочерью. *Кстати, не забывай, старина Тяверик, что вместе с женщиной ты получишь и девчонку.*

Странное дело, эта мысль почти не вызвала у него раздражения.

Труба-то никуда не делась, пусть этот выход и не вызвал у Триллиан особого энтузиазма.

Гавбэггер помахал рукой, и Триллиан помахала в ответ.

Черт... Даже не помню, когда я в последний раз кому-нибудь махал.

Триллиан оборвала дискуссию, повернувшись спиной к Рэндом и зашагала через луг, оставляя в земле глубокие отпечатки своих каблуков-шпилек.

— Ох уж эта девчонка, — сказала она, тронув Гавбэггера за локоть. — Знает, как довести меня до белого каления.

— Что она сейчас говорит?

Триллиан заметно побледнела, если не считать пунцовых пятен на щеках.

— Все, что, как ей известно, мне не хотелось бы от нее слышать.

— Это все темное пространство. Пройдет.

— Не думаю. Рэндом ненавидит меня и все, что мне дорого. Мне кажется, если бы я вдруг любила Артура, она бы и его ненавидела.

— Так вы его не любили?

— Нет. Почувствовала просто, что начинаю стареть, а другого генетического материала с Земли не было.

— Ясно.

— Я бросала ее одну. Не нарочно, так выходило. Вот она меня за это и ненавидит.

— Да нет, вряд ли так уж ненавидит.

Триллиан резко мотнула головой.

— Еще как ненавидит! Говорит, это из-за меня у нее такая жалкая жизнь. И еще, что, если она не может выйти замуж, то с какой стати я...

Тут Триллиан осеклась — на половину фразы позже, чем следовало бы.

Гавбэггер потрясенно закашлялся, потом кашлянул еще пару раз, чтобы скрыть неловкость.

— Я вас напугала?

— Нет. Вовсе нет. Могу ли я считать, что вы относитесь ко мне, как к потенциальному мужу?

В глазах у Триллиан блестели слезы.

— Да, но это все просто слова. Вы ведь так давно мечтали об этой минуте, а мне нечего предложить вам, кроме лишений. Я живу для Рэндом, я ей это обещала. Идите и примите смерть, не беспокойтесь обо мне.

— По вашим словам, я выхожу последним эгоистом.

Триллиан вытерла щеку.

— Нет, я прекрасно вас понимаю. Это ужасно — жить бессмертным, даже на вашем замечательном корабле. Пить пиво, оскорблять людей, будучи на деле таким милым и славным. Наверняка такая жизнь казалась вам адом, я понимаю.

— В вашем описании она так просто гламурная.

— А разве нет? Помнится, ваше имя связывали с несколькими старлетками.

— Они вызывали у меня чисто физиологический интерес. Эти самки ничего для меня не значили.

Как известно, эта фраза стоит третьей в списке тех, которые не стоит говорить особям женского пола, вне зависимости от их биологического вида.

— Ничего не значили? Почему это?

Гавбэггер развел руками.

— Но почему они должны были значить? Даже пока мы занимались любовью, они старели.

Номер два.

Глаза у Триллиан опасно вспыхнули.

— Старели? Мы все стареем, Тяверик. Верите или нет, я тоже старею.

Гавбэггер сообразил, что давнее отсутствие опыта разговора по душам прямо-таки потрясающе повышает его шансы умереть в одиночестве, причем в самом что ни на есть ближайшем будущем.

— Ну, возможно, вы и стареете, — в отчаянии произнес он. — Но у вас впереди еще много лет, пока вы не состаритесь настолько, что не станете годны к воспроизведству.

Вот уж это, несомненно, был номер один. Бадабинго. Зеленая палка в зеленой дырке.

Зафод с Фордом, воссоединившись, отмечали это традиционным бетельгейзианским ритуалом рукопожатия, который оба помнили не дальше второго движения — пожатия локтя.

Форд движением фокусника вытащил из сумки пару драконовых яиц и тут же соорудил им с Зафодом по коктейлю.

— Люблю оперу, — признался он, когда эффект от коктейля несколько ослаб. — Под нее здорово бухается. И жаль еще, что у нас нет красного ила повалиться.

Зафод облизнул губы.

— Красный ил... Давние воспоминания. Помнишь тот инструмент?

— Еще бы не помнить.

— А эту штуковину с кривым концом?

— Спрашиваешь! Как нам только удалось тогда ноги унести. Монахи... Откуда ж нам было знать?

Они сидели на клочке упругой травы, счастливо избежавшем устроенного Тором фейерверка, и смотрели на паривших над ними плывинов-колокольчиков.

— Слышал, они несут яйца прямо в воздухе? — сказал Зафод. — Какой-то варварский способ воспроизведения.

— Эти птицы несут чертову кучу яиц. Они просто пытаются бороться с перенаселением.

Через луг к ним направлялся Артур, явно намереваясь нарушить их посиделки какой-то важной информацией, чего

большинство уроженцев Бетельгейзе терпеть не могут и стараются не допускать.

Необходимое пояснение. Как известно, бетельгейзиане вообще предпочитают полностью игнорировать действительность, особенно в случаях, когда в руке у них стакан чего-то алкогольного, тем более, если в бокале гипнотически позвякивают кубики льда, благодаря чему даже самая неминуемая катастрофа кажется пустяком, не заслуживающим внимания. В этой связи уместно привести не слишком известный пример жестокой космической иронии: жители праксибетельских селений как раз наслаждались увертюрой оперы Пантиоха «Чудовищное падение Хрюнга», когда это падение действительно произошло. Спасся один отец Форда Префекта, да и то лишь потому, что удрал с работы в надежде поймать на свой «Путеводитель» более чистый сигнал и сполна насладиться арией Последнего Из Бегемотов. Упомянутый же Хрюнг мало что смог сказать по поводу своего падения, если не считать извинений за причиненные неприятности и обещания никогда, никогда больше не исполнять излишне содержательных танцев.

— Вогоны, — произнес Артур, неопределенно ткнув рукой вверх, в небо. — Сюда летят вогоны.

Зафода вогоны, похоже, волновали не больше, чем слоноподобные жуки жукоподобного слона.

— Не бери в голову, обезьяныш. Наслаждайся моментом.

— Не брать в голову? — вскинулся Артур. — Ты что, не видел, что они сделали с Землей? Забыл, на что похожи эти лучи смерти?

Зафод откликнулся на это столь снисходительной улыбкой, что на Ашшоввии его закатали бы за такую в тюрьму лет на пять, не меньше.

Необходимое пояснение. Политическая напряженность на Ашшоввии так высока, что строгому регулированию подлежат даже выражения лица и интонации голоса. Затянувшийся на два десятилетия пограничный конфликт в Ковтова начался с неосторожно приподнятой брови. Впоследствии оказалось, что ее просто так выщипали, откуда пошли поговорки «семь раз

отмерь — один раз выщипи», «щипка без причины — признак дурачина» и «щипал один, а выщипали всех».

— Землю уничтожили грибулонцы, — возразил Зафод. — Не вогоны. Это довольно сложно — я не надеюсь, что ты сумеешь понять.

— Сложно? Чего тут сложного?

— Для обезьяны сложно. Просто — только для развитого существа.

Артур помахал у него перед носом пальцами.

— Я развитый. Видишь, большой палец.

— Большой палец? — презрительно фыркнул Зафод. — Если бы все сводилось только к эволюции, Галактикой бы сейчас правили термокроты.

— Термокроты, — пояснил Форд. — У них восемь пальцев, и все большие. Банки с пивом открывать — просто классно, но мозговых клеток ненамного больше, чем у кирпича.

— А помнишьте кирпичи? И ячмень, и, возможно, чеснок?

— Сразу об этом подумал. Особенно о ячмене.

Артур затряс руками перед собой, словно играл на невидимом аккордеоне.

— Вогоны! Эй? Вогоны летят!

— Знаем, знаем, — кивнул Зафод. — Но по дороге сюда им придется прыгать через довольно сложные участки космоса. По моим расчетам, на это им потребуется лет двести, если они вообще сюда доберутся.

— Двести? Ты уверен?

— Ну конечно. Расслабься, Артур.

Если бы Форд в описываемый момент не припал к стакану, выражение «по моим расчетам» из уст этой конкретной головы Зафода Библброкса могло бы насторожить его, однако солнышко пригревало, их окружали хорошенъкие девушки, и Форду не хотелось, чтобы образ слюнявого вогона нарушал идиллию.

Артур же, напротив, пребывал в настроении, далеком от идиллического, так что и нарушать было нечего.

— Какой-то ты очень благодушный, Зафод. Разве тебе не полагалось нервничать?

— Нервничать? С чего это мне нервничать? Тор вновь на коне, а начать карьеру заново помог ему я. Все складывается так классно, что я подумываю, не заморозиться ли, дабы сохранить хорошее настроение грядущим поколениям.

— А как эта история с «толстожопым»?

— Каким еще «толстожопым»?

— Гавбэггер обозвал тебя толстожопым, помнишь? С этого-то все и началось.

Взгляд у Зафода заметался из стороны в сторону: он лихорадочно рылся в памяти.

— Не-а. Не помню ничего такого. Толстожопый, значит? Не говорил он такого.

Даже весь опыт общения с Зафодом не спас Артура от потрясения.

— Ты все забыл, Зафод? Что ты вообще здесь делаешь?

Зафод потрепал Артура по плечу.

— Я просто знаю, куда и когда мне попадать, — заявил он особым тоном, приберегаемым им для мгновений, которые он полагал важными для других. — И не пытайся меня понять; будь просто благодарен тому, что ощущаешь тепло ауры Зафода Библброка на своем восторженном лице.

По правде говоря, лицо Артура не слишком подпадало под характеристику «восторженное».

— Как знаешь, Зафод. Но он обзвывал тебя толстожопым, уж поверь мне на слово.

— Раз? Или несколько?

— Несколько раз.

Зафод вспрыгнул на ноги.

— Отлично. Пора начинать вечеринку. Сколько, говоришь? Больше восьми раз?

— Раз двенадцать. Десять как минимум.

Зафод зашагал по горелой траве.

— Тор. Тор, дружище. Готов сниматься?

Жаль, что я не курю, подумал Гавбэггер. И почему? Все время поддерживать здоровье, пытаясь одновременно найти какого-нибудь идиота, чтобы тот меня прикончил? Какая-то

тут нестыковочка, Тяверик, приятель. Или какая-то часть тебя все-таки хочет жить?

Гавбэггер потер внезапно зачесавшийся нос и решил, что все предыдущие попытки свести счеты с жизнью все-таки пригодились — подготовили его к последнему, смертному поединку с одним из Асов.

Гавбэггер стоял в гордом одиночестве на противоположном от Тора краю проплешины, а тот никак не мог отвязаться от своего менеджера, группы чиновников, нескольких восторженных инструкторов и девицы, которая заплела ему бороду.

— Ну же! — окликнул Гавбэггер. — Или мне весь день ждать?

— А почему бы и нет? — хихикнул плывун-колокольчик с забора. — Мне казалось, ты бессмертный.

Это вызвало громкий смех, так что Гавбэггер решил не спускать такое наглой птице с рук... то есть, с крыльев. *При общении с хамом всегда надо брать его за самое что ни на есть живое* — собственно, он всегда действовал согласно этому девизу.

— Что-то у тебя перья на хвосте грязные какие-то, а, птичка? Ты что, пачкаешься в постели?

Остальные птицы рассмеялись так громко, что на землю обрушился целый град снесенных яиц, а птичка-обидчик бросила на Гавбэггера такой злобный взгляд, что тот даже порадовался перспективе быть убитым через несколько минут.

Тор наконец завершил свои дела в углу ринга и встал с Мье́льнира, на котором сидел.

А вот и мы. Давно пора бы.

Бог-Громовержец превосходил Гавбэггера ростом раза в четыре, но ни медлительности, ни неповоротливости ему это не добавляло. Двигался он, правда, так, будто опасался что-то по неосторожности сокрушить.

Должно быть, я здесь единственный, кто не боится этого парня, подумал Гавбэггер и тут же поправился. Я и Библрокс — единственные, кто не боится этого парня. Библрокс, вероятно, думает, что сможет выиграть этот поединок.

И тут произошла очень странная вещь. С каждым шагом, что делал Тор по обугленной земле, он, казалось, становился все меньше и меньше.

Марево от жары, подумал Гавбэггер. *Наверняка это из-за нее.*

Но это было не марево. Тор действительно уменьшался, и ко времени, когда дошел до перекрестья выжженного на земле «Х», рост у Бога-Громовержца сделался такой, что его вряд ли пустили бы на большую часть ярмарочных аттракционов без сопровождения взрослого.

— Эй, — произнес он. — В чем дело?

Гавбэггер удивленно заморгал.

— Думаю, во мне. С твоей точки зрения.

Тор ощупал свое крошечное тельце.

— Ты... того... извини. Это все Зафод придумал. Если бы я просто вышел и прихлопнул тебя, какой бы вид я имел в глазах зрителей? Просто громила, и все. А так, в объективах нацеленных на нас камер, все должно выглядеть куда лучше — это если верить Зафоду, а он в этих делах разбирается. — Бог нахмурился. — Хотя как-то раз он с этим просчитался.

В голове у Гавбэггера слегка звенело от нетерпения.

— И как все будет? Я становлюсь на колени, и ты меня фигачишь по голове?

Тор почти оскорбился.

— Чего? Нет-нет. Так не пойдет. Это заурядная казнь. Нам надо устроить для этих людей настоящее представление. И не только для этих. Все должно транслироваться по суб-эте.

— Суб-эте? Ни разу в нее не заходил.

— Ни разу?

— Нет. Там одна фигня. Мне подавай классическое кино.

— Вот бы все были, как ты, но это не так. Нынче в этой Вселенной все карьеры создаются и разрушаются только в суб-эте.

— Но ты же бог, зачем тебе карьера?

Тор потеребил бороду, забыв про несколько искусно заплетенных в ней новых прядей.

— Хороший вопрос, но и ответ на него я тоже знаю. Я много над этим думал. Мы же боги, значит, и это у нас неземного размера, поэтому для поддержания здоровья нам нужна уйма любви и поклонения. Видел богов, из-за которых гибнут урожаи и пересыхают реки? Так вот, этих богов не любят. Это замкнутый круг, понимаешь? Ты даже представить себе не можешь, в какую депрессию могут впасть боги. Только что нами восхищались, и вот нас уже презирают. Поверь, я много думал.

Необходимое пояснение. Локи-Обманщик как-то сумел, пользуясь своим гипнотическим обаянием, убедить Асов в том, что решил исправиться, и открыл в Асгарде для богов психологическую консультацию. Клиентура его росла стремительно по мере того, как он избавлял одно божество за другим от комплексов вроде привязанности к единорогам и тому подобных. Тор и сам стал чувствовать себя значительно лучше и начал даже испытывать к брату некоторую симпатию, когда случайно узнал о том, что Локи заключил контракт с журналом «Ого-Го», и все сеансы терапии записываются и выкладываются в суб-этю. Хуже того, сеансы с Тором показались Локи слишком скучными, и он добавил в них побольше слез, вздохов и признаний насчет Эксцентрики Галлумбиц.

Гавбеггер глубокомысленно кивнул в знак того, что готов помочь в этом деле, хотя на самом деле он был готов только кивнуть.

— Круто. Теперь мне все понятно. Замкнутый круг. Ладно. Значит, поборемся немного?

Тор оглянулся через плечо проверить, на заподозрил ли его кто-нибудь в сговоре с противником.

— Для начала немного поболтаем. Ты, сука, угнал мой корабль, бла, бла, бла. Потом ты наносишь первый удар. Я делаю вид, что ранен. Может, похромаю немного. Туда-сюда, в таком аспекте. А потом БАЦ по кумполу, и песенка спета. Типа так, друг мой.

— Какая песенка?

— Это я так. Расхожее выражение у валькирий.

Гавбэггер посмотрел по сторонам. На лице Триллиан блестели слезы, но помешать поединку она не пыталась.

— Ладно, детка. Это все я. Я уgnал твой корабль.

Тор со свистом втянул в себя воздух и выпятил грудку, пытаясь не выказать ужаса от сценария, которому ему приходилось следовать.

— Ты! Корабль, который подарил мне отец, которому я дал имя любимого козла! — А сам при этом думал: *терпеть никогда не мог это ведро соплей, потому и загнал по дешевке первому встречному*.

— Да, уgnал — и повторил бы это и еще раз.

— Да, правда? Может, я и мягкосердечный бог, но такого простить не могу.

Ох, хватит этой светохрени, подумал Гавбэггер (слово «светохрень» он подцепил, готовясь оскорблять мыльно-оперную планету Светлый Путь, вся поверхность которой представляла собой телевизионную съемочную площадку, постоянно освещенную восемнадцатью искусственными солнцами для съемки в три смены). *Давай-ка немножко ускорим события*.

— Прекрати нести вздор, жалкий мелкий викинг. Твой отец тебя ненавидит, а мамаша — так и вовсе делает вид, будто ты не ее сын.

Тор невольно съежился еще на дюйм. Этого в сценарии не было.

— Что? Что ты сказал?

— Да это все знают, — копнул глубже Гавбэггер. — Тор-Пьяница, вот как они тебя называют. Думаю, тебе было лучше оставаться в баре.

Над головой вдруг возникло маленькое грозовое облачко, брызгущее белыми молниями.

— Ты стырил мою ладью, гад, — пробормотал Тор и тут же спохватился: *я бормочу... Боги не бормочут. Это катастрофа; они все меня возненавидят*.

— Разумеется. Все как ты говоришь. И еще одно, что всем давно известно: ты терпеть не можешь смертных.

— Я не... Чего? Это была ладья моего отца. Забыл про ладью?

— Ты считаешь смертных существами второго класса. Ты даже башмаки вытираешь о смертных побрезговал бы.

Тор вырос прямо на глазах. Сильно вырос.

— Вовсе нет.

— То есть ты бы вытер башмаки о смертного?

По толпе зрителей пронесся потрясенный ропот.

— Да. То есть нет. Ну, не знаю, если бы башмак был совсем грязный...

Гавбэггер побарабанил пальцами по подбородку.

— А еще я слышал про какое-то видео...

Больше он произнести ничего не успел, потому что Тор внезапно вырос как гора, занеся над головой Мъёльнир.

А как насчет «туда-сюда»? — удивился Гавбэггер, и тут молот стремительно опустился и с грохотом метеора, врезающегося в ледяное поле, обрушился ему на голову.

Прощай, Триллиан, успел еще подумать Гавбэггер, а потом удар вогнал его на пятьдесят футов в землю — как в могилу.

Тор так и не понял, удалось ли выступление. Прямой удар сверху вниз всегда хорошо смотрится на экране, но все-таки жаль, что ему не удалось оттянуть его еще ненадолго. Но разве у него имелся выбор? Зеленый парень как раз собирался упомянуть видео, коммент попал бы в самые разные браузеры, а там не успеешь опомниться, как все побегут смотреть тот самый древний сайт...

Он как раз собирался вернуться к Зафоду, чтобы обсудить это со своим менеджером, когда уловил с глубины пятьдесят футов слабую мысль. Мысль звучала так:

Закажи.

Или так:

Зарк... я жив.

Зафод просвистел первые такты «Садко в садке» — ста-ринной бетельгейзианской баллады про колючего моллюска, оказавшегося во вражьем плену.

— Что скажешь, Форд? Хватит этого?

В ответ Форд насвистел вторую строчку баллады.

— Ну, не знаю. Напряжения маловато. Никакого драматического эффекта.

— Ты прав. Все кончилось слишком быстро. — Зафод огляделся по сторонам. — Интересно, не найдется ли на здешнем рынке труда никого, кто хотел бы получить кувалдой по башке?

Тор ленивой трусцой пересек поле.

— И как вам? Хороший удар, правда? Ну, я немного вышел из себя — очень меня этот зеленый парень задел. Да ты не беспокойся, Заф, в следующий раз сделаю все как надо.

— В следующий раз?

— Ну да. Зеленый парень еще не мертв.

— Что-что? Ты уверен?

— Абсолютно. Он сейчас выбирается из этой ямы, и мысли у него самые что ни на есть нехорошие.

— Насколько ты с ним постарался?

— Ну, не знаю. Процентов на пятьдесят, типа того.

Зафод просвистел еще несколько тактов «Садко».

— Пятьдесят? Правда? Кто-нибудь раньше оставался жив после такого?

— Никто, кроме тех, кому отведено место за Длинным Столом.

Зафод сделал своему подопечному знак чуть уменьшившись в размерах.

— Скажи мне честно, Тор, ты вообще Гавбэггера можешь замочить? Только честно?

Тор присел рядом с ним на корточки.

— Заф, я мог бы уничтожить всю эту планету, потратив на это не больше семидесяти пяти процентов. — Он согнул и разогнул руку, поиграв мышцами. — Кстати, может, ты хотел бы, чтобы все отошли чуть подальше?

Гавбэггер высунул локоть из ямы.

Костюм к черту испорчен, думал он. А эта огромная обезьяна мне даже кожу не повредила.

Триллиан ощущала себя совершенно сломленной. Душа ее была разбита ударом молота, она никогда больше не будет прежней.

— Мы провели вместе всего один день, и это был самый главный день в моей жизни.

Рядом сидела на заборе Рэндом, изо всех сил не замечавшая жертвы, которую принесла ее мать.

— Гммммф, — неожиданно хмыкнула она. — А пройдохато жив еще. Так я и знала.

Триллиан Астра лишилась чувств — всего в третий раз за всю свою жизнь.

Огромный корабль конической формы пронирался сквозь туманность. Некогда гладкий фюзеляж из белого сплава сплошь покрывали шрамы, полученные за двести лет столкновений с космическими обломками. Из восьмисот его ракетных двигателей продолжало работать меньше сотни, а системы жизнеобеспечения едва справлялись с поддержанием годной для дыхания атмосферы. Запасы пищи иссякли уже давно, так что последние несколько месяцев команда ела и пила продукты повторной переработки. Вся команда изнемогала от голода и усталости. Дух у них упал ниже некуда, и никто из них не знал иного дома, кроме этого гигантского корабля, на котором они подрядились летать вплоть до полного выполнения задания.

Капитан, некогда дородный великан, усох до состояния огородного пугала, но до сих пор оставался образцом для своих подчиненных. Когда работа спорилась, глаза его свелись зеленым огнем, когда команда начинала халтурить или боцман дурно обращался с матросами — багровым. Команда любила его и пошла бы за ним хоть в ад, стоило бы ему скомандовать.

Звали его Эддон Чё, и сегодня наступил день, когда он мог наконец завершить работу, доставшуюся ему еще от отца, и, возможно, пожить немного своей жизнью.

— Штурман, повтори, — скомандовал он юному Вишнalu Ли-Сенцу. Тому едва исполнилось семнадцать, но он уже считался отличным пилотом.

— Мы на месте, капитан. В этом нет ни малейшего сомнения. Орбита странновата немнога, но атмосфера пригодна для дыхания.

Чё кивнул. Что ж, отлично — значит, приземлившись, можно будет не спешить со взлетом.

— Хорошо. Сажайте корабль. Поосторожнее с компенсатором, перебросьте всю энергию до последней искры в идентификатор.

Ли-Сенц поперхнулся.

— В идентификатор? Боже праведный. Вы уверены, капитан?

— Уверен, — суроно ответил Эддон Чё. — Второй попытки у нас не будет. А теперь приземляйтесь.

Ли-Сенц хрустнул пальцами и взялся за рычаги ручного управления.

— И да хранит нас Гарантия Неповреждаемости, — произнес он.

Две сотни голосов шепотом повторили его молитву.

Толпа на поверхности Бабули ощущала себя несколько обманутой. Перко Сент-Уоринг Крап, перебрав кофе, так и вовсе показывал себя с необычной и не самой привлекательной стороны.

— И это все? — вопрошал он. — Конец спектаклю? Срам, да и только. Жалкое зрелище.

Хиллмена Хантера увиденное тоже не особенно впечатлило.

— То есть удар, конечно, хороший — прямой такой, быстрый. Но этот парень, на которого ставят сыроманты, лезет обратно. И что мне с этого толку?

По лицу Баффа Орпингтона текли слезы.

— Он все как надо сделает. Подождите, сами увидите. Тор просто разогревается, только и всего. Физкультурная, так сказать, разминка.

— Ему стоит разминаться побыстрее, пока нам всем не пришлось поклоняться Сыру.

Однако болтовня на поверхности разом стихла при виде сотни спиральных светящихся колец, спускавшихся сквозь атмосферу. Кольца становились все четче и быстро превратились в дюзы двигателей исполинского корабля, медленно приближавшегося к земле. От корабля на глазах отваливались куски обшивки. Часть двигателей искрила и работала с перебоями, из за чего спускался корабль рывками. В конце концов он опустился прямо в ближайшее озерцо и скрылся в клубах пара.

— Ух ты, — произнес Форд Префект. — Жуть.

На несколько мгновений снова воцарилась тишина, а потом в брюхе у корабля откинулся люк, и из него высунулась длинная, вся в жилах силовых кабелей механическая рука. На конце ее мигала лампочкой камера, которая устремилась к толпе зрителей, с трудом уворачиваясь от воспрянувших духом в надежде на быстрое поедение коров.

Рука вытягивалась все сильнее — над головой у Гавбэггера, мимо ног Тора, отшатнувшись от Зафода, который зачем-то потянулся к ней — и, наконец, камера застыла перед Рэндом.

— Рэндом Дент? — спросила она механическим голосом — настоящим, из той далекой поры, когда роботы еще были роботами, а не личностями.

Рэндом не пошелохнулась.

— Э... Да, наверное.

На кончике приборного блока отворилось небольшое отверстие.

— Будьте добры, плюньте.

Рэндом сплюнула в отверстие, и каплю слюны мгновенно пронизали лазерные лучи. Прошло несколько секунд, и на блоке загорелся зеленый огонек.

— Личность подтверждена. Вот ваша посылка, и спасибо за приобретение на Ю-торге.

И механическая рука опустила в подставленную руку Рэндом конверт.

— Спасибо, — неуверенно произнесла она.

— Наслаждайтесь покупкой, — произнес блок. — В случае рекламаций, будьте добры, не стесняйтесь, запишите их на любой подходящей коряге, каковую корягу затем забейте в свой слуховой канал. — Механическая рука начала складываться обратно в люк. — Задание выполнено, — произнесла она. — Это последнее.

Из корабля донеслись приглушенные вопли восторга, потом он покосился и начал, не спеша, разваливаться.

Рэндом была молода, а легкие ее еще не очистились от концентрированной темной материи, поэтому, не задумываясь о возможных последствиях, она разорвала конверт и подбежала к изгороди, где Тор терпеливо выслушивал белиберду Хиллмена Хантера.

— Наденьте это на свой молоток, — произнесла она, перебив предводителя бабулистов.

Бог-Громоверхец нахмурился.

— Мне показалось, или я правда что-то слышал? Какой-то писк?

— Нагнитесь! — крикнула Рэндом.

Тор пригнулся, уперев руки в колени.

— А, глянь-ка. Девчонка. Боги мои, ты что, еще одна поклонница? Ты ведь автографа моего хочешь, да? Я редко общаюсь со школьниками, но могу сделать исключение.

Секунду Рэндом потеряла, кипя от негодования, но все-таки взяла себя в руки.

— Послушайте, метеоролог. Я изучила проблему бессмертных в суб-эте, и из тысяч ссылок на эту тему я не нашла ни одной, в которой давался бы хоть один испытанный и подтвержденный способ убить такого.

Зафод усмехнулся.

— Но это же Тор, детка. Его испытать и подтвердить невозможно. Он велик, причем велик ровно настолько, насколько ему хочется.

— Гм, ладно. Ну, все идет к тому, что он выставит себя перед всеми этими людьми великим болваном, когда не сумеет убить этого зеленого типа.

— Этого не произойдет, — заявил Тор, однако не слишком убежденно.

— Этого не произойдет, если вы наденете на свой молоток вот это.

— На молот ничего нельзя надевать, детка. Мъельнир должен остаться чист.

Рэндом заговорила медленно, чтобы Тор мог угнаться за мыслью.

— Мне удалось найти теорию одного малоизвестного ученого с какой-то занюханной планеты, согласно которой, бессмертного можно убить только объектом, претерпевшим ту же трансформацию, что и он.

Это дошло даже до Зафода.

— А что трансформировало Гавбэггера?

— Он упал в ускоритель частиц, пытаясь подхватить две оброненные резинки. Вот эти самые две резинки — я их купила на Ю-торге у верховного жреца Храма Гавбэггера.

Тор выставил вперед большой и указательный пальцы.

— Почему бы мне не надеть на молот эти резинки? — спросил он.

Тяверик Гавбэггер Бесконечно Продленный ощущал некоторую легкость в голове, и ощущение это ему нравилось, поскольку напоминало о тех временах, когда он был еще смертен. Он выбрался из расселины в земле и лежал, задыхаясь, в траве. Позади него разваливался на куски корабль курьерской доставки Ю-торга.

Новая загадка, думал он. Нет, этот день скучным никак не назовешь.

Вот так, лежа на земле и размышляя по обыкновению о себе и своей маловероятной смерти, он увидел, что на земле лежит еще кто-то.

Триллиан.

Именно в это мгновение Гавбэггер понял, что влюблен окончательно и бесповоротно, ибо именно в это мгновение он перестал думать о том, как Триллиан может быть связана с ним, и начал думать о самой Триллиан.

С ней все в порядке? Что случилось?

Гавбэггер с тряхнул оцепенение и вскочил на ноги.

— Я иду! — крикнул он, переходя на бег. — Я иду!

Тень пала на его лицо, и что-то, похожее на небольшую гору, заслонило от него Триллиан.

— Время играть по-крупному, — произнес Тор, наклонившись так, что Гавбэггер видел его голову вверх тормашками.

Как у него только шлем не сваливается, удивился Гавбэггер.

И тут удар Мъёльнира оторвал его от земли и швырнул прямиком в стратосферу.

Артур разговаривал с плывуном-колокольчиком, когда краем глаза увидел, как брякается в обморок Триллиан.

— Нет, — объяснял он. — Игра называется «городки». А «город» строят из кирпичей там, или из дерева... О Боже!

— Продолжай, — сказала птичка. — Все это очень запутанно. Значит, вот эта штука, которая бьет по чуркам, называется «бита»?

Однако слова «о Боже!» были адресованы не птичке; скорее Артур выпалил их непроизвольно при виде падающей Триллиан. Артур обронил стаканчик соевого йогурта и побежал к ограде, где лежала, не подавая признаков жизни, Триллиан.

Стыд какой, кипел он. Ее родная дочь... наша родная дочь идет от нее как ни в чем ни бывало. Что случилось с Рэндом? Этого ребенка пора прибрать к рукам.

Последняя фраза частенько повторялась в доме Дентов в годы Артурового детства. Его отец цитировал ее при малейшей возможности — то есть при малейшей Артуровой провинности. Прибиранье к рукам обыкновенно включало в себя наставительную, читаемую с самым строгим выражением лица лекцию, затрагивавшую такие темы, как Вторая мировая война, сарай на огороде и филателия. В конце каждой такой лекции Артуру давали попробовать несколько капель бренди из отцовской фляжки — чтобы волосы на груди росли быстрее. Поэтому воспоминания Артура об этих

дисциплинарных взысканиях сводились к стыду, некоторому удовольствию и головной боли поутру.

Артур опустился на колени рядом с Триллиан и осторожно подложил ей под голову локоть.

— Ну, ну, — произнес он. — Если ты меня слышишь, Триллиан, мне только хотелось, чтобы ты знала, что выглядишь классно. Я знаю, многие дамочки все время переживают, не растрепалась ли у них одежда, скажем, если они под машину попали, и все такое.

Надо сказать, по части утешения лиц женского пола Артур никогда не был особенно силен. Точнее говоря, если бы такое утешение входило в число требований при поступлении на работу, он никогда не прошел бы даже первого собеседования, не то что испытательного срока.

Необходимое пояснение. На протяжении последних трех десятилетий своей жизни землянин Артур Дент делал свою жизнь еще более жалкой, чем полагалось бы, демонстрируя впечатляющую способность говорить в общем-то правильные вещи в наименее подходящий для этого момент. Так, например, когда лучшего университетского приятеля Артура, Джейсона Кингсли, выставила из дома после трех лет совместной жизни горячо любимая им Стейси Хемптон, Артур заверил того, что он недолго останется один, потому что таких свистушек, как Стейси, на любой дискотеке пруд пруди. Когда же на Артурову тетушку-ирландку Мэдхбхдхб (произносится как «Хильда») свалился каменный церковный карниз, Артур прошептал ей на ухо: «Ну что, тетя, зато теперь тебя уже точно не убьют сигареты, а?» По части бес tactности Артура превзошел только Президент Галактики Зафод Библрокс, да и то лишь раз, когда подарил на день рождения Пи-Би Анджею, желеобразному королю Трясь-сити, плавки леопардовой расцветки.

Артур потыкал пальцем в щеку Триллиан.

— Триллиан, — произнес он мягко, но настойчиво. — Ну же. Очнись. — Она не откликнулась, поэтому Артур попытался припомнить курс оказания первой помощи, который его заставили пройти во время работы на Би-Би-Си. Насколько он помнил, большую часть того дня они пытались починить

кофеварку... впрочем, имела место также демонстрация искусственного дыхания рот в рот, при которой роль пострадавшего исполняла резиновая кукла. Рот в рот, говорите?

Артур не знал точно, верный ли способ лечения он выбрал, но решил, пусть и несколько неуклюже, попробовать.

Он опустил голову Триллиан на мягкую траву и склонился над ней.

— Надо зажать нос и запрокинуть голову, — произнес голос у него над плечом — это оказалась та самая птичка, с которой он только что разговаривал.

Где-то я с этой птичкой уже встречался, подумал Артур, подавив истерический смешок.

Он пальцами раздвинул Триллиан губы и сделал глубокий вдох.

Мне тревожно. Почему мне тревожно?

— Ну же, чувак. Давай!

Ну и наглая птичка.

Артур чуть помедлил и взялся за дело. Губы их сомкнулись, он зажал уголки ее рта пальцами и выдохнул. Мгновенной реакции не последовало; Артур ощущал себя так, словно дует в длинный туннель. Потом руки Триллиан обвились вокруг его шеи, и она откликнулась страстным поцелуем.

Что? Неожиданно... Хоть раз поцелуй мог означать мечту, ставшую явью.

Артур чуть отодвинулся и увидел, что Триллиан открыла глаза и что в них блестят слезы.

— Артур... Мне показалось...

Артур все сразу понял.

— Что я — Гавбэггер. Ты его любишь.

Было время, когда осознание этого факта разбило бы мир Артура в хлам, но теперь он не испытывал ничего, кроме жалости к Триллиан, которая вот-вот могла потерять свою любовь так же, как он потерял свою.

— Да, я его люблю, — кивнула Триллиан, и по щекам ее снова заструились слезы. — Что-то случилось в темном пространстве, и это ускорило процесс. Где он?

Артур поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть начало подъема Гавбэггера в стратосферу. Хорошо осознавая свою рекордную бес tactность, Артур попробовал уклониться от прямого ответа.

— А? Он где-то здесь. Ты лежи, приходи в себя, а я пойду и приведу его.

Рэндом смотрела на то, как взмывает в небо Гавбэггер, но это зрелище не наполнило ее торжеством, как она ожидала. Вместо этого она даже ощущала, пусть и чуть-чуть, вину за то, что, возможно, она тоже в некоторой степени ответственна за существовавшие между ними трения. Ощущение это скоро прошло, а на место его все-таки пришло торжество.

Так тебе и надо, урод зеленый. Проваливай на тот свет.

[совсем тихо]: как ты можешь? Зеленый урод? Ты же сама боролась за равенство всех видов в Галактике. Как мало потребовалось, чтобы ты сорвала маску.

Заткнись, подумала Рэндом. Ты нереальна. Тебя никогда не было... и потом, этот зеленый урод целовал мою мать.

Гавбэггер, размахивая руками, летел все выше до тех пор, пока не скрылся из виду.

Вот что случается с теми, кто сажает Рэндом Дент в трубу.

Перед ней возник Артур. Он стоял, скрестив руки, и весь вид его словно кричал: «Я несчастен!»

— Что ты наделала, Рэндом?

Рэндом тоже скрестила руки.

— Ничего. О чём это ты?

— Ты что-то дала Тору, я видел. И ему вдруг удалось прорвать оборону Гавбэггера. Поэтому спрашиваю еще раз: что ты наделала?

Однако Рэндом так просто не раскальвала.

— А я еще раз повторяю: ничего я не делала.

— В чём дело, Рэндом? Ты хочешь наказать свою мать, да?

— Нет.

— Тогда зачем ты с ней так поступаешь? Разве ты не видишь, что она любит этого типа, Гавбэггера? Нравится тебе или нет, но это так.

— Ты прав. Мне это не нравится.

— И поэтому ты помогаешь Тору?

— Ну, это было бы слишком. — Лицо у Рэндом оставалось каменным. — Чем я могу помочь Тору?

Артур решил зайти с другой стороны.

— Ты что, никогда не влюблялась, Рэндом? Вспомни, что это за чувство.

Рэндом дернулась как от удара и рука ее сама собой прижалась к груди — к тому месту, на котором любил свернуться обожаемый Фертль.

— Да, помню. Но любви моей больше нет. Так почему она должна быть счастлива?

— Ты это делаешь, потому что Триллиан тебя бросала?

— Да бросала. Но назло ей я прорвалась. Столько лет офисной работы, карьеры. Но я прорвалась.

Артур стиснул дочь за плечо и заглянул ей в глаза — глубоко-глубоко, минуя отголоски темного пространства, в самые нежные недра ее души.

— Ничего ты не прорвалась. Не работала ты ни в каких офисах. И Триллиан не бросала тебя на годы — всего один раз, на неделю она оставила тебя с отцом, когда ей нужно было работать. И все, ничего больше. И это ты притащила нас всех на Землю, и ты сама, своими руками сотворила свое жалкое настоящее. Ты сама, Рэндом. Поэтому брось свой чертов эгоизм и скажи, как спасти этого беднягу.

Чертовски убедительный, надо сказать, аргумент. Рэндом не могла не заметить, что она недооценивала своего отца.

— Но...

— Никаких «но»! — Артур грохотал как настоящий отец. — Отвечай, юная леди!

И темная пелена вдруг рассеялась, и Рэндом увидела суть того, что творила. Эмоции бурлили в ее юном сердце, и она признала свою вину, вздохнув и закатив глаза — а это больше, чем можно ожидать от большинства подростков.

— Отпусти, Артур. И не надо так переживать из-за всего этого. Ну ладно, может, я и дала Тору пару резинок, на которые у Гавбэггера аллергия. Возможно. Хватит с тебя такого

признания, *Артур*, или мне пасть на колени и умолять о прощении?

Артуру понравилось ощущать отцовскую власть.

— Ты, юная леди, — произнес он, — можешь называть меня «папа». И еще лет десять сможешь.

Ободренный успехом, Артур зашагал к перекрестью обугленного «Х», где Зафод массировал Тору плечо.

Что-то не верится, что я еще хоть раз когда-нибудь расскажу на это, подумал он, но тихо-тихо — на случай, если вдруг услышат его ноги и повернут обратно.

— Я так давно не бил никого по-настоящему, — говорил Тор. — Я понимаю, надо было тренироваться, но сам понимаешь, лень-матушка... Впрочем, хороший удар вышел, в замедленном повторе должен смотреться просто классно.

— Он мертв?

Тор склонил голову набок, вслушиваясь в небо.

— Не-а. Слышу, как он кашляет. Но он травмирован, сильно. Он гарантированно не тот, каким был только что. Еще один хороший удар его прикончит.

Форд подошел к ним одновременно с Артуром.

— Эй, ребята, это уже больше не интересно.

Тор вздохнул.

— Знаешь, мне и самому так кажется. Будь тут настоящая борьба или чего такого, героический поединок — а так просто я, здоровый парень, бью парня маленького.

Артур снова скрестил руки на груди и посмотрел на Зафода строгим отеческим взором.

— Все так, поэтому все это сейчас и закончится.

Зафод удивленно оглянулся на него.

— Мы что, играем в гляделки? Не моргать, так?

— Нет, Зафод, это не игра. Вы двое развлеклись? Повеселились — и хватит.

— Я бы не против, — признался Зафод. — Нет, честно, не против, но от этого поединка многое зависит. Вся карьера Тора, мои пятнадцать процентов. Боюсь, придется Гавбэггеру все-таки умереть.

— И не забудь «толстожопого».

Артур едва не задохнулся от потрясения.

— Форд! Это-то сейчас зачем?

— Ох, прости. Я некстати, да?

Артур ощущал себя довольно неуютно в тени Торова гульфика, но не отступал.

— Все дело в том, Зафод, мистер Тор, дело в том, что Триллиан увлеклась Гавббеггером. Точнее говоря, не просто увлеклась. И каким был бы я отцом ее дочери, если бы не выступил в его защиту?

Тор нахмурился.

— Что-то ты мне смутно знаком. Странное дело, обычно я или уж помню кого-то, или нет.

Артуровым ногам очень хотелось взять управление на себя и бежать с этого места быстрее даже, чем в тот раз, когда он хотел помешать матери полистать его тетрадку с вырезками из журнала для взрослых.

— Мы болтали как-то раз. На вечеринке. Вы пытались спикапить подружку.

— Спикапить? С какого пикапа?

— Знаете, такого, с кабиной, кузовом и четырьмя колесами?

— Ну?

— Так вот, не с этого.

Тор потер лоб, словно будун продолжал еще мучить его.

— Тогда ясно. Помнится, на той вечеринке я потерял столько нервных клеток, что их хватило бы на все имперское правительство на протяжении года. — Бог-Громовержец сделал шаг в сторону. — Он снижается.

— Ты сделал все, что мог, землянин, и я тебе аплодирую! — рявкнул Зафод. — А теперь отвали, пока мой клиент будет делать то, что в его силах.

— Я не могу уйти, Зафод, — упрямо буркнул Артур. — Я не смогу смотреть Триллиан в глаза. И ты не сможешь спать спокойно, если позволишь этому совершиться.

— Моя совесть будет спокойна.

— На твоем месте я меньше всего беспокоился бы насчет совести.

Зафод нахмурился.

— А насчет чего мне стоит беспокоиться? Валяй выкладывай, чувак. Ты же знаешь, я не умею читать между строк.

— Я бы беспокоился насчет того, что Триллиан отыщет меня и сунет перо промеж лопаток.

Зафод поежился.

— Ох. Она ведь может, правда? Я просто об это не думал. — Он покосился в сторону Хиллмена Хантера. — Я обещал тому парню смерть. Он с Земли, а ты сам знаешь, какие они бывают, тамошние жители. Им бы только крови.

— Это неправда, Зафод. Вовсе мы не все кровожадные монстры.

— Ох, правда? — фыркнул Зафод. — Как же вы тогда взорвали к черту всю свою планету?

— Не взрывали мы своей планеты! Это сделали вы! Вы, пришельцы!

— Вот так бы сразу. Поговорим о твоих обидах.

— *Моих* обидах? Да это ты готов к тому, чтобы человека убили за то, что он обозвал тебя толстожопым.

Зафод побледнел.

— *Как* обозвал?

Артур повернулся к коленке Тора.

— А вы готовы убить человека только ради того, чтобы получить работу.

— Со мной на эту тему говорить бесполезно, — заявил Тор, подергивая себя за бороду. — Я человеческую жизнь ни в грош не ставлю. Если тебя интересует мое мнение, ценности в людях не больше, чем в муравьях. И не в больших, жутких муравьях-мутантах, а в обычных, маленьких. Честно говоря, возобновление моей карьеры волнует меня гораздо больше, чем чья-то там отдельно взятая жизнь.

— И потом это нельзя считать настоящим убийством, правда? — добавил Зафод тоном, таким покровительственным, что одно это настораживало. — Он сам хочет, чтобы мы его убили.

— Больше не хочет, — сказал Артур.

— Правда? Ты уверен?

Тор отступил на шаг.

— Почему бы нам его самого не спросить?

Гавбэггер грянулся о землю с такой силой, что бессмертие вылетело из него подобием потустороннего призрака, оставив измочаленную смертную оболочку лежать в неглубокой воронке.

— Ох, — произнес он. — Это... Ох... Болеутоляющего ни у кого нет?

Форд вытянул из сумки полотенце.

— Пососите угол, — посоветовал он, протягивая его Гавбэггеру. — Вон ту, голубую полоску. Должно помочь.

Тор поднял Мье́льнир.

— Скажешь что-нибудь напоследок?

Гавбэггер выплюнул полотенце.

— Сделка отменяется. Мне нужно жить.

— Ага, вот, видите? — сказал Артур. — Он хочет жить. Не можете же вы сейчас убить его.

Тор усмехнулся; звук вышел такой, словно прокашливался огромный медведь, только что проглотивший несколько хорошо упитанных людей.

— Я не могу? Кто говорит, что я не могу? Ты?

Сквозь толпу вдруг протолкалась Триллиан и бросилась на колени у воронки с лежавшим в ней Гавбэггером.

— Нет, это я говорю, чудище здоровое. Я люблю этого мужчину, пришельца, кем бы он ни был, и тебе его у меня не забрать.

— Что-то ты мне смутно знакома, — сообщил Тор, но удара не наносил. Ему хватало проницательности, чтобы понять, насколько малосимпатичным будет выглядеть на экране то, как он опустит молот на раненого мужчину, не обращая внимания на защищающую его безоружную женщину.

— Зарк меня подери, Заф! — простонал он. — Это провал. А я так надеялся!

Зафод стиснул зубы. Впрочем, хоть маленькую победу из этой ситуации он извлечь еще мог.

— Ладно, по крайней мере отрекись от Сыра.

Гавбэггер закашлялся и застонал.

— Легко. Терпеть не могу Сыра.

Будем довольствоваться тем, что есть, подумал Зафод. Он повернулся к толпе и жестом профессионального проповедника воздел руки.

— Гавбэггер побежден, — возгласил он. — Он отрекся от Сыра и принял в качестве бога Тора.

Хиллмен Хантер торжествующе рубанул воздух ладонью, а Бафф Орпингтон бросился в самую гущу сыромантов и принялся пинать всех, кто подвернулся ему под руку.

Зафод мгновенно перевел дух.

Отлично. Беспорядки. Беспорядки мне всегда на руку. Я — агент Хаоса, подумал он. *И Разрушения. Из всех богов Вселенной эти двое поют наиволее слаженно. Можно сказать, в унисон. Может, надо завербовать обоих в помощь Тору.*

Триллиан поцеловала Гавбэггера в лоб и вытерла у него со рта голубую светящуюся кровь.

— Ты останешься со мной?

Гавбэггер улыбнулся, и это обошлось ему недешево.

— Так долго, насколько смогу. Этот молот выбил из меня бессмертие. Возможно, мне осталось меньше половины жизненного срока.

— Сойдет и столько, — сказала Триллиан и махнула отцу своей дочери, чтобы тот помог будущему отчиму ее дочери выбраться из воронки.

Рэндом искоса поглядывала на происходящее; к объятиям и прочим соплям она была пока не совсем еще готова.

Это темная материя? Спрашивала она себя. *Или это я сама?*

Эта мысль на краткий миг расстроила Рэндом, но вскоре ее вытеснила другая, более приятная: что ей, возможно, удастся воспользоваться ситуацией для того, чтобы выбить из Артура какие-нибудь полезные подарки.

Артур. Точно не пана. Ну, разве что па...

После того как Триллиан с Гавбэггером наскоро попрощались с друзьями, Тор отнес экс-бессмертного обратно на «Тангриснир» — к большой радости бортового компьютера.

— Привет, Тор. Я по тебе соскучился.

— Извините за компьютер, ребята, — смущенно сказал Тор полумертвому мужчине, которого он нес на руках, и молодой dame, цеплявшейся за руку полумертвого мужчины. — Папа запрограммировал корабль на поклонение мне и запечатал программу своим магическим глазом так, чтобы я не мог стереть ее. Это главная причина, почему я продал это корыто. И потом, зачем мне корабль? У меня есть Мъельнир.

— Я здесь, — сказал компьютер. — Я слышу, что ты говоришь, детка. Но я тебя прощаю.

— О'кей, — кивнул Тор, торопливо укладывая Гавбэггера на выросшую из пола кушетку. — Подержите его недельку на плазменной постели, и он будет здоров, насколько это вообще возможно для смертного.

— Смертного, — прохрипел Гавбэггер. — Ты уверена, что ты этого хочешь, Триллиан?

— Сойдет и так, — шмыгнула носом Триллиан.

— Вот и замечательно, — сказал Тор, испытавший внезапный приступ клаустрофобии. — Оставляю вас наедине друг с другом. А мне пора на банкет — кто-то зажарил просто жуткое количество говядины. Развлекайтесь, ребята.

— Нет, — взмолился корабль. — Не бросай меня!

— Уже опаздываю, — отозвался Бог-Громовержец и пулей вылетел из корабля.

— Неееееет! — хныкал компьютер. — Нееееееееет! Только не эээээто!

Триллиан, вспомнив свою степень астрофизика и опыт перелетов на «Золотом сердце», быстро оторвала «Тангриснир» от земли и вывела в стратосферу.

Гавбэггер чувствовал себя в коконе оздоровительной плазмы уже немного лучше.

— Куда летим? — поинтересовался он.

— Куда угодно, только вместе, — просто ответила Триллиан.

Гавбэггер рассмеялся, хотя это и причиняло ему боль.

— Очень романтично. Уверена, что тебе это будет нравиться и дальше?

— Вот и узнаем, правда? У нас в распоряжении вечность.

— Ну, не совсем, но и то время, что осталось, бесценно.

Триллиан закатила глаза.

— Господи, как мне осточертело это сюсюканье.

— Мне тоже, — признался Гавбэггер. — Может, хочешь оскорбить кого-нибудь?

— Я боялась, ты мне никогда этого не предложишь.

— Бывала когда-нибудь на Кривой Червоточине или Стрик-Ликомбдан-Цинге?

— Нет. А кто там живет?

— Уроды. Совершеннейшие задницы.

Триллиан сверилась с картой Галактики.

— Тогда чего мы ждем?

Она ткнула пальцем в светящуюся точку на дисплее, и «Тангриснир» растворился в вечернем небе.

11

Вогонский бюрокрейсер «Бюрократический тупик»

Гиперпространство кашлянуло и выплюнуло вогонский бюрокрейсер в полосу чистого как бархат космического пространства в 0,01 парсека от термосферы Бабули. На борту «Бюрократического тупика» триста членов экипажа вывалились из гиперкресел и принялись растирать пролежни от привязных ремней.

Простатник Джельц первым занял рабочее место. Не обращая внимания на раздражающую дурноту, последствие эрзац-маневров, он принялся нажимать кнопки и орать на менее стойких подчиненных.

— Поживее поворачивайтесь, слизнекопы бестолковые! — командовал он. — А ну, покажите хоть немного *хрюмпст*! Мы на счетчике, и счетчик этот атомный, он ни на секунду не отстанет!

Команда, стеная и охая, изображала *хрюмпст* и расползлась по боевым постам, по возможности перенацеливая свое раздражение на лежавшую под ними планету.

— Гиперпространство — это как выходной, — произнес Джельц. — Это не место для обитания. Так что забудьте его иллюзорные удобства.

Что касается удобств, их на борту «Бюрократического тупика» было немного, иллюзорных или настоящих. Мягкая мебель для команды относилась к категории «ферботен», ибо на ней они могли бы расслабиться. А от вогона расслабленного, не раздраженного, толку ненамного больше, чем от поролоновой дубинки в реальном бою.

Необходимое пояснение. Известен инцидент, при котором пожилой капрал нарушил правила и зашил себе в ягодицы две славные поролоновые подушки. К несчастью, в лесном городе Риис-Буухрохсе он подцепил микроскопического, передающегося воздушным путем паразита, и тот съел его заживо, начав с поролона. Паразит опустошил шесть палуб вогонского бюрокрейсера, прежде чем умер, не вынеся неопрятной обстановки.

Джельц открыл рот, чтобы рявкнуть на Непроходима, но краем глаза увидел, что маленький рядовой уже подпрыгивает рядом с ним.

Гrrрммммм, подумал он (вогоны даже в мыслях в основном хмыкают). Что-то парень движется чертовски быстро для нашего брата. Это хорошо или плохо?

Это, решил он, относится к разряду «обдумать позднее». Первоочередной задачей оставалась ликвидация землян. Злобы к этому конкретному биологическому виду у Джельца накопилось выше головы, так что на протяжении всего гиперпространственного транса он пестовал и лелеял сценарии гарантированного уничтожения. Наличие выживших на этот раз не допускалось.

— Выживших на этот раз не будет, — заверил он Тупа на случай, если парень усомнится в его хрюмпсте.

— Бадабинго, — отозвался Туп Непроходим.

Джельц нахмурился, хотя по причине обилия складок плоти на месте бровей заметить это мог разве что кто-то из самых близких родственников.

— Что ты сказал?

— «Бадабинго». Это выражение такое. В ходу, если не ошибаюсь, на Каппе Благулона.

— Выражение! — взвизгнул Джельц на добрую октаву выше своего обычного тона. — Мы не пользуемся выражениями!

Туп поспешил отступить на пару шагов, но не упал.

— Конечно, нет. Спасибо за напоминание, па-Простатник. Мне повезло, что у меня есть такой образец для подражания.

Джельц успокоенно перевел дух.

— Выражения, в особенности восклицания, приемлемы исключительно в поэтическом или ироническом контексте. Вот, например, когда мы торпедировали эко-планету Фолавиант, я сказал: «Не забудьте переработать электрические приборы».

— Просто дьявольская проницательность, Простатник!

Взаимоотношения вогонов со столь тонкой материей, как юмор, так сложны, что Джельцу пришлось пуститься в пояснения:

— Это действительно смешно, поскольку фраза «не забудьте переработать электрические приборы» являлась на Фолавианте официальным правительственным лозунгом.

— О, я понял.

— И потом, после того, как наши торпеды использованы, переработать их уже невозможно. Точнее говоря, наши торпеды вообще невозможно переработать.

— Бада... Отличная шутка.

— И еще один аспект. — Джельц поболтал слону во рту и сглотнул. — Мои торпеды в самом прямом смысле этого слова переработали всю планету. Ясно?

Кожа у Тупа сделалась бледно-зеленой.

— Да. Я воспринял все уровни.

Джельц осторожно помотал головой и с удовольствием отметил, что она абсолютно свободна от избыточно- приятного звона.

— Думайте о чем-нибудь горьком, — посоветовал он своей команде по внутренней связи. — Выберите себе объект для ненависти, и очень скоро вы сделаетесь самими собой. Могу

предложить вам в качестве объекта землян на той планете, к которой мы приближаемся. Уж наверняка приказ об их уничтожении доставил нам столько хлопот, что они с избытком заслужили вашу ненависть.

Похоже, так оно и было, поскольку очень скоро по «Бюрократическому тунику» разнесся лязг и грохот заряжаемых торпедных аппаратов и плазменных орудий.

— Гори, гори, — процитировал Джельц, — моя планета.

Он покосился на Тупа.

— Рифма?

Туп стиснул зубы, раздумывая. Впрочем, он хорошо знал, чего от него ожидают.

— Э... Тебя поджарим как котлету.

— Отлично, сын мой, — пробормотал Джельц. — Порой ты меня просто радуешь.

Город Конг, планета Бабуля

В банкетном зале Тор с Зафодом первым делом устремились к буфету, даже не подозревая о приближающейся к ним с небес, так сказать, аннигиляции. Слова «так сказать» относятся в данном случае не к аннигиляции, а к небесам — аннигиляции плевать, так о ней говорят или не так.

— Вы были великолепны, сэр, — заявила емельянская корова, отбивая собственное филе привязанным к копыту молотком. — Как вы управлялись с этим вашим молотом. — Корова изобразила решающий удар Тора, изо всех сил врезав по мясу. — Меня даже озnob прошиб.

Тор подергал себя за бороду.

— Правда? Тебе не показалось, что я несколько переигрываю? Возможно, современному богу не стоит увлекаться мелодраматическими эффектами?

Зафод оторвался от «Грызлодера».

— Вздор, Тор, старина. Ты ведь практически раздолбал этого зеленого парня. И помиловал в последнее мгновение. Просто гениально. Это войдет в учебники.

Тор прикрыл рот на случай, если где-нибудь поблизости окажется микрофон.

— Признаюсь тебе, Зафод. Ты был прав. Когда все эти люди мной восхищаются, я чувствую себя живее, реальнее, чем когда-либо со времен баллад. Мне, право же, начинает казаться, что плохие времена миновали, и я начинаю жить заново.

— Мы снова в игре, детка. Религия — это новый атеизм. Как только мы объединим колонистов верой, перед нами откроется вся Вселенная. Только подумай, сколько молоточков мы продадим! У меня на Асгарде есть знакомый парень, так у него на кузнице целая толпа эльфов работает. Одно мое слово — и он маленькие Мье́льниры на поток поставит.

Зафод сунул руку то ли в миску густого соевого супа, то ли в плевательницу — во всяком случае, перепачкал пальцы чем-то липким.

— Ты еще говоришь. Время — это колесо, вот оно хорошими временами и поворачивается.

— Отменное сравнение, сэр, — заметила корова. — Просто очень точное. Не угодно ли сочного стейка для подкрепления сил? Я вовсе не против, если вы будете жевать во время разговора.

Зафод не обратил на скотину ни малейшего внимания.

— Нам нужно замутить что-нибудь уже совсем крутое. Победа над Гавбэггером, конечно, сойдет для колонии или даже двух, но для восстановления твоей религии в рамках нескольких галактик нужно что-то такое, глобальное.

— Мне казалось, вы говорили... — начала было корова и осеклась, поскольку интуитивно поняла, что перебивать обещающего — не самый верный способ добиться того, чтобы тебя зарезали и съели.

Зафод с головой погрузился в ремесло менеджера.

— Даже не знаю... Скажем, победить чуму.

Тор не выказал особого энтузиазма.

— Брось, Заф. Я не одолею чуму молотом.

— Ладно. Пусть будет засуха. Ты можешь пробиться молотом сквозь скалу, к подземной реке.

Тор сграбастал корову и отправил целиком в рот — та едва успела выпалить слова восторженной благодарности.

— Ну, не знаю. У людей ведь появились вполне приличные геологи. Найти подземную реку не так уж и сложно.

— Тогда что-нибудь с саранчой. Или вулканами. — Зафод забрался на стол, чтобы заглянуть Тору в глаза. — Это будет долгожданный прорыв. Ты будешь круче, чем когда-либо в прошлом, нутром чую.

— Ты так считаешь? Правда?

— Абсолютно.

Дверь банкетного зала приоткрылась, и в образовавшееся отверстие просунулась голова Хиллмена Хантера.

— Как делишки, мои пузатые покровители? — даже не произнес, а пропел он. — Набрались по самое по это и готовы заняться делами? Вот, я принес контракт на должность официального божества.

Зафод кивнул своему клиенту.

— О'кей, я гляну. Стандартные божеские обязанности.

— Праздники божества?

— Тридцать два. Плюс еще по два за каждого ребенка, рожденного от тебя смертной.

Это произвело на Тора впечатление.

— Приятное условие.

Зафод положил руку ему на плечо.

— Для них оно тоже приятное, не забывай.

Хиллмен осторожно двинулся к ним, вихляясь из стороны в сторону и то и дело дотрагиваясь кончиками пальцев до лба.

— Как положено подходить к богу? — поинтересовался он. — Я тут попробовал несколько новых движений.

— Этот финт со лбом мне нравится, — кивнул Тор. — А свои вихляния туда-сюда брось.

— Можешь вихляться, подходя ко мне, — заявил Зафод. — Уж наверное, я тоже заслуживаю поклонения, хотя бы немножко, а?

Хиллмен забрался к нему на стол и протянул контракт.

— Вы вообще супер, мистер Библброкс. Что нам ни потребуется, вы все привозите на своем замечательном корабле.

Порой мне кажется, если бы вы не появились, нам бы ничего и нужно не было.

Даже Зафод не мог не заметить в этом заявлении подковырки, но он решил не обращать на это внимания.

— Эй, Хилли, что это приписано карандашом внизу страницы? Ты что, это сам дописал?

Хиллмен как мог убедительнее изобразил хитрого лепрекона.

— Ах, госспади, право, не стоит беспокойства. Тут про обязанности защитника. Типа, что правящий бог, в данном случае Тор, несет ответственность за оборону планеты от нападения пришельцев. Ну, понимаете, там с лазерами или атомными бомбами.

— Да без проблем, — великодушно согласился Зафод. — Вряд ли нам придется оборонять эту планету еще лет двести — в этом-то уголке Галактики. Верно?

Хиллмен побарабанил пальцами по столу и закатил глаза к небу.

— Ну, мало ли что, — сказал он.

Борт «Бюрократического тупика»

Простатник Джельц подрегулировал сиденье, поудобнее устраивая в нем свою заднюю часть, потом опустил всю свою тяжесть на гидравлический амортизатор.

— Опять кресло немного отсырело, — буркнул он.

— Мне очень жаль, Простатник, — пробулькал рядовой Непрроходим, которого Джельц настолько привык видеть рядом с собой, так сказать, у локтя, насколько привык к самому собственному локтю. Собственно, когда Непрроходим не болтался рядом где-то на уровне Джельцевых почек, Простатник ощущал в голове некоторый частичный вакуум.

Чего-то очень уж я стал зависим от этого мальчишки, подумал он. Пора послать его в какое-нибудь неприятное место.

— Моему креслу положено быть совершенно сырым если не мокрым. Всем известно, как я ненавижу скрипеть.

— Немедленно прослежу, чтобы все было в порядке.

Джельц остановил рядового, подняв палец вверх.

— Отставить. Сначала дело, кресло потом. Я готов потерпеть ради выполнения задания.

— Вот это беззаботность, сэр. Вы настоящий *хрюмпстер*.

Мостик постепенно оживал: по мере того, как не слишком уклюжие тела вогонов отходили от прыжка, они занимали боевые посты.

Необходимое пояснение. В последнем максимегалонском рейтинге индекс ловкости вогонов аналогичен таковому у арднююффов с Бритвы IV. Вогоны, надо сказать, радовались тому, что они сопоставимы по этой характеристике хоть с кем-то — до тех пор, пока не узнали, что арднююффи представляют собой гигантских беспалых одноногов, обитающих на луне со столь низкой гравитацией, что ее хватает лишь на то, чтобы они не улетали с поверхности планеты в космос. Впрочем, максимегалонская статистика бросила им в утешение еще пару костей: поставила их на пятую позицию по частоте космических путешествий и на первую — по наиболее характерному силуэту.

Список литературы:

Полный максимегалонский статистический сборник, т.т. 1—15000

и

Краткий справочник по «Полному максимегалонскому статистическому сборнику», т.т. 1—25000

Одним глазом Джельц уперся в экран, другим шарил по мостику — этот специфический навык он развил в себе, чтобы команда не распускалась. Перед ним висел в космосе маленький голубой, в завитках белых облаков планетоид, возможно, кишащий здоровыми биологическими видами — счастливыми или просто живущими в этом здоровом мире.

Здоровом? Что ж, ненадолго.

— Наконец-то, — пробормотал Джельц. — Наконец-то, раз и навсегда. Окончательно и бесповоротно.

— Наконец-то, — повторил за ним рядовой Непрроходим, и прозвучало это настоящим эхом, слабым и неверным.

— Что говорит нам корабль, рядовой?

Вогонский бюрокрейсер — замечательный аппарат для тех, кто работает внутри его корпуса. Если же вы работаете снаружи — драйте панели обшивки или прочищаете дюзы — вы запросто можете ослепнуть или просто рехнуться по причине его исключительной симметрофобии. Большая часть космических кораблей хотя бы уважает красоту. Вогонские корабли красоты не уважают. Они натягивают лыжные маски и нападают на эту красоту в темных переулках. Они плюют красоте в глаза, они продираются, не разбирая дороги, сквозь требования эстетики и аэродинамики. Именно так: они не столько летят по космосу, сколько продираются сквозь него. Однако внутри вогонский корабль полон суперсовременных технологических приспособлений — их там больше, чем можно ожидать в среднестатистическом заведении по разработке суперсовременных технологических приспособлений. Даже хорошо оснащенному боевому бронеборскому автобусу со Стритеракса пришлось бы притормозить, пропуская вогонский бюрокрейсер, а «Бюрократический тупик» относился к самым лучшим, самым современным бюрокрейсерам. Возможно, он не выиграл бы конкурс красоты, зато с помощью его датчиков запросто можно было сосчитать, сколько ну-чтоещетамских болотных кабанов кусают друг друга за ляжку в данный конкретный момент на другом конце Вселенной. И сколько блох скачет сейчас у каждого из этих ну-чтоещетамских болотных кабанов на холке. И, возможно, группу крови каждой из этих блох. А потом убить всех этих блох микроуправляемыми бомбами.

Рядовой Непрроходим сошел с привычного места у локтя Простатника и вразвалку заковылял к главному экрану. В принципе, он вполне мог и не ковылять, а даже не без изъяшества идти, но ему каждый день напоминали, что делают вогоны с теми, кто имеет наглость развиться выше их.

Ковыляя, Непрроходим не забывал следить за остальными находившимися на мостике рядовыми, не попытается ли

кто-нибудь захватить его место главного командирского подхалима. Подсиживать друг друга было в бюрокорпусе в порядке вещей. Для этого хватило бы всего крохи грамотно скормленной информации, и Непрроходим запросто мог обнаружить себя в списках чистильщиков дюз, а он сильно сомневался в том, что сможет провести остаток жизни в тоске и печали, глядя на корабль снаружи.

Экран занимал всю стену по левому борту и состоял из нескольких дюжин частично перекрывающих друг друга газовых дисплеев, на которые выводилась вся поступающая с датчиков информация. Непрроходим шарил по ним взглядом в поисках любой мелочи, способной спасти землян. Смысла врать командиру не было никакого, поскольку все показания подавались так, чтобы их мог прочитать даже идиот — чертовски предусмотрительный ход со стороны проектировщика, ибо изрядную часть команды и впрямь составляли идиоты. Вогону вообще легче жить, если он идиот.

Должно же найтись что-нибудь, думал Непрроходим. Я не хочу убивать этих людей. Я хочу поговорить с ними о музыке кантри. И, возможно, пообщаться с австралийкой. Они так любят погулять.

Он вглядился в цифры. Земляне находились на Бабуле, в этом не оставалось ни малейших сомнений. Компьютер насчитал на поверхности более двух сотен гуманоидов, из них не менее десяти процентов землян. Сканирование ДНК и биоритмов мозга подтверждало их происхождение.

— Ну, — пропыхтел Джельц. — Порадуйте меня новостями, рядовой.

— Земляне. Две с небольшим сотни. Пять в утробе у материей.

— Гори, гори, — пропел Простатник. — Торпедист, доложите расчет прицела.

— Подождите!

Непрроходим выпалил это прежде, чем успел подумать.

На мостике воцарилась почти комическая тишина. Непрроходиму казалось, будто даже инструменты прекратили щелкать и бибикать. Что там, даже планета на экране, казалось, застыла.

— Что? Что вы сказали, рядовой? «Подождите»? — голос Джельца звучал глаже океанской поверхности в штиль и опаснее той же поверхности, под которой шныряют акулы — по-настоящему голодные акулы, имеющие бо-ольшой зуб на сухопутных крыс, которые осмелятся вторгнуться в среду их обитания.

Джельц буравил Непроходима взглядом *обоих* глаз, что само по себе не обещало ничего хорошего.

— Зачем вы сказали «подождите»? Вы что, не хотите, чтобы мы завершили операцию?

Непроходим ощутил неприятную тяжесть в желудке. Очень неприятную.

Одно слово. Он произнес всего одно слово, и его карьере, его жизни пришел конец.

— Я не имел в виду «подождите», вовсе нет.

— То есть, вы не произносили «подождите»?

— Да. Да, я произнес «подождите».

— Значит, вы произнесли «подождите», но имели в виду что-то другое?

— Да, Простатник. Совершенно верно.

— Это огорчительно, рядовой. Я ожидаю от команды, что она будет говорить то, что думает.

— Я имел в виду то, что говорил, — жалко пробормотал Непроходим.

— То есть, ты имел в виду «подождите»?

— Нет, папа! Не имел.

Чудовищное нарушение! Взыывать к родственным чувствам ради снисхождения! Для настоящего вогона семья — ничто, работа — все.

Торс Простатника Джельца словно надулся от распирающего его гнева, а ухо в буквальном смысле завернулось трубочкой.

— Что ж, если так, сын. Если ты не имел в виду того, что произнес, и не хочешь сказать, что ты имел в виду, ты мне на этом корабле больше не нужен. Внутри, во всяком случае.

Непроходим пал на колени.

— Один шанс, Простатник! Последний шанс. Такова традиция!

Нижняя губа Джельца покривилась, как лист на огне. Не отказывать в последнем шансе действительно было традицией. Его наставник, полевой Простатник Тугриг Каттала, тоже предоставил когда-то шанс искупить вину ему самому.

Необходимое пояснение. В первой операции, в которой Джельц участвовал зеленым рядовым, он по ошибке получил отпечаток пальца Каттала на ордер БД140565 вместо БД140664, из за чего вышло больше шума, чем ожидалось, поскольку БД140565 представлял собой ордер на конфискацию атмосферы, тогда как БД140664 — всего лишь штраф за просроченный возврат прокатного видеодиска. В результате студент с Гаммы Благуона лег спать, забыв вернуть «Короля Мотыльков II», а проснулся на погибающей планете за тридцать секунд до смерти.

Старина Тугриг не был ко мне слишком строг, подумал Джельц. После мы славно посмеялись над всей этой историей.

— Очень хорошо, Непрроходим. Один шанс.

Пульс у Непрроходима снизился на несколько ударов в минуту.

— Задание?

— Да. Мне нужна рифма на «зловещий хруст». И не только на второе слово.

Непрроходим перебирал в уме слова.

— Э... веший... пуст...

— Быстрее, парень. Быстрее.

— Сейчас... Зловещий хруст... э... трепещи-куст!

— Объясни.

— Это такой вид искусства на Брекинде. Вроде актеров-мимов, которые изображают растения.

— Да нет, не может быть. Правда? Нет, правда?

— Правда. Проверьте.. если вам угодно, Простатник.

Необходимое пояснение. Конкурс «трепещи-куст» действительно проводится на ежегодном фестивале брекинданских искусств. Рекорд по количеству побед, одержанных подряд, до сих пор принадлежит молодому актеру, м-ру И. Двиню, который приписывал это своей привычке спать, зарывшись в листву. К сожалению, до победы на восьмом фестивале он не дожил,

поскольку бригада лесорубов приняла его, спящего, за корягу и выкинула в бункер измельчителя древесины.

Джельц прикинул, что за стишок получается. Что ж, могло и сойти. Полная белиберда, конечно, но кто ищет от стихов содержательности?

— Отлично, рядовой. Встаньте. Вы использовали свой шанс. А теперь попробуйте объяснить мне, почему вы приказали торпедисту не открывать огонь.

Пульс у Непрходима снова подскочил на порядок, и он принялся лихорадочно шарить взглядом по экрану. Цифры накатывали на него неумолимой приливной волной. Он искал что-нибудь, что угодно, что могло бы обосновать его непривычно выкрикнутую команду.

Но на экране не высвечивалось ничего, кроме частот сердцебиения, и кровяного давления, и уровня кальция... ничего необычного. И тут он заметил в одной из построек странную непрозрачную точку. Непрходим увеличил изображение и послал дополнительный запрос, но внятных данных по этой конкретной особи так и не получил.

Спасение.

Непрходим вернулся, исполнившись уверенности, на свое обычное место.

— Простатник...

— И постараися как следует. В противном случае у меня тут с дюжину нетерпеливых новичков, которые с радостью пойдут на убийство, чтобы оказаться ближе ко мне. Да, если ты не понял, поясню: убьют не кого-то, а *тебя*.

— Очень хорошо, Простатник. Я могу объяснить свой поступок.

— Просто замечательно, Непрходим. Итак, ты приказал моему торпедисту не открывать огонь. Возмутительно медленными, но неотвратимыми торпедами, потому что...

— Потому что торпед недостаточно, сэр.

— Что за вздор, рядовой?

— Их недостаточно, потому что на поверхности планеты находится бессмертный. Первого разряда.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Ошибка исключается. Наши сканеры не в состоянии просчитать его, сэр. — *Нам придется уходить ни с чем*, подумал Непрроходим, с трудом сдерживаясь, чтобы не запрыгать от радости (радость, равно как и любые ее проявления на борту «Бюрократического тупика» запрещены категорически, так что прыгать хоть на одной ноге, хоть на двух, там просто невозможно). — От бога у нас защиты нет.

— Бог, — произнес Джельц и захлопал в ладоши.

Это он от страха хлопает, надеялся Непрроходим.

— Это тот самый шанс, которого мы ждали!

Шанс унести ноги сразу же, как удастся раскочегарить ходовые двигатели, подумал Непрроходим, будучи все-таки оптимистом.

— Торпедист, открыть беглый огонь в приблизительном направлении этого бессмертного!

Непрроходим осторожно кашлянул.

— Сэр. Наши торпеды не причинят богу никакого вреда.

Джельц злорадно ухмыльнулся, окатив при этом Непрроходима слюной.

— Вреда не причинят, но отвлекут — запросто.

— Отвлекут?

Джельц был так доволен собой, что даже простил Непрроходиму его попугайские реплики.

— Да, сынок. Отвлекут этого бога, кем бы он там ни был, от секретного экспериментального оружия, которым мы сейчас очень осторожно зарядим торпедный аппарат.

— Экспериментальное оружие? — пискнул Непрроходим.

Джельц подмигнул ему.

— Секретное экспериментальное оружие, — уточнил он.

Бабуля

Артур Дент прикупил себе славный костюмчик в «Нью-Топ-Мэн» и почти наслаждался нехитрой возможностью носить нормальную взрослую одежду, хотя с учетом болтавшейся рядом Рэндом понимал, что всякое наслаждение нехитрыми радостями обречено на недолговечность.

— Это место не то, чтобы политический центр Галактики, — объяснял он Рэндом. — Но по крайней мере здесь нет визга и беготни.

— Пока нет, — возразила ему дочь. — Не сомневаюсь, ты и сюда навлечешь на нас какое-нибудь проклятие. У тебя на роду написано быть Ионой космического масштаба.

Артур не стал спорить. Все равно у него не имелось убедительных аргументов.

Артур с Рэндом сидели на скамейке на площади Джона Уэйна и ели домашнее мороженое в тени памятника означеному Джону Уэйну, изваянному в роли Шона-Боксера.

— Мы можем поселиться здесь. Ты можешь жить со мной или с Триллиан, когда она вернется из свадебного путешествия. Или с нами обоими. Как захочешь. У тебя теперь есть выбор.

У Рэндом в груди немного потеплело от удовольствия, но она поборола это ощущение.

— Я даже не знаю, стоит ли мне есть мороженое, — сказала она. — Это ведь молочный продукт, да? Почти то же самое, что сыр. Такое может не понравиться сыроядам, а мне положено уважать их религиозные воззрения.

— Это относится ко всем молочным продуктам? С этим могут возникнуть сложности. Может разорить коров.

Есть, впрочем, Рэндом не прекращала.

— Наверное, придется составить список. Ну, например, я не в силах отказаться от молочных коктейлей. Меня к ним как магнитом тянет.

Артур откинулся на спинку скамьи, подставив лицо солнцу.

— Я сегодня утром видел, как Асид Префлюкс выходит из булочной с сырным пирогом. С четырьмя сортами сыра, заметь.

Рэндом выронила изо рта кусок вафельного стаканчика.

— Что? После всего, за что он боролся? Вот ренегат!

— Он сказал, что несет его кому-то. В общем, не для себя брал.

— Я просто обязана с ним переговорить.

— Рэндом. Мне очень неприятно тебе это говорить, но ты еще не взрослая. И пройдет еще несколько лет, прежде чем ты сможешь править планетой.

Это был убедительный довод, и экс-президент Галактики в памяти у Рэндом не мог не согласиться с ним, хоть подростку этого и не хотелось.

— Может, и так, но я обязательно буду єю править, уж поверь.

— Верю.

Площадь постепенно заполнялась обычной дневной толпой, группами демонстративно счастливых землян, ни один из которых не предпринимал ни малейшей попытки убить другого.

Долго ли это продлится, думал Артур. До тех пор, пока кто-нибудь не обожествит, скажем, грибы и не запретит нам резать их на кусочки?

В дальнем углу площади показался Форд и начал пробиваться сквозь толпу, изо всех сил работая своими острыми локтями. Когда он приблизился, Артур увидел на его лице хорошо знакомое выражение.

— Глазам своим не верю, — произнес он, швыряя недоделенное мороженое на землю.

— Папа! — потрясенно выпалила Рэндом. — Вон же урна, совсем рядом!

Артур даже не думал раскаиваться. Он встал и наступил ногой на стаканчик.

— Все это ерунда, потому что, сдается мне, эту планету сейчас уничтожат. Я правильно понял, Форд?

Форд, запыхавшись, подошел к ним. Как писатель он не привык к физическим нагрузкам.

Необходимое пояснение. Обычным пределом физической нагрузки для Форда Префекта было нашарить в ведерке последнюю устрицу и вскрыть ее створки специальными щипчиками. Единственный же физкультурный опыт Форда сводится к получению высшего дана по боевому единоборству Ванг-До, когда он некоторое время обретался на курорте Хуниан-Хиллз. Увы, курорт Хуниан-Хиллз отличается виртуальностью предоставляемых им услуг, так что занимался борьбой Форд лишь у себя в голове, каковой факт довольно болезненно осознал, затеяв в баре на Бете Джсанглана драку с пятью журналистами из местного периодического издания «Большие шишки».

— Бери свое полотенце, Артур. Нам нужно улетать.

Артур топнул ногой от досады.

— Так я и знал. Дай угадаю: вогоны прилетели раньше срока?

Форд достал из сумки свой экземпляр «Путеводителя» и включил суб-эта-видеотрансляцию.

— Если это не вогоны, то разве что очень большая шоколадка «Тоблерон».

— Это никогда не кончится, да? — простонал Артур. — Эти чертовы зеленые садисты не успокоятся, пока не убьют нас всех.

Форд задумчиво побарабанил пальцем по нижней губе.

— Знаешь, не уверен, что они гоняются лично за мной. Только за вами, землянами.

Рэндом прикрыла глаза рукой от солнца.

— Я ничего не вижу.

— Да там они, там. «Путеводитель» никогда не ошибается.

— Да врет он все, этот ваш чертов «Путеводитель». Там больше вранья, чем правды.

Форд парировал стандартной формулировкой:

— «Путеводитель для Путешествующих по Галактике Автостопом» точен на сто процентов. Другое дело, иногда нельзя положиться на реальность.

Артуру начиналось казаться, что значительную часть своей взрослой жизни он провел, выслушивая банальности своего приятеля, причем в моменты, когда тому или иному миру наставал конец.

— Ладно, Форд, — нетерпеливо перебил он. — Что нам делать?

Вопрос, похоже, поставил того в тупик.

— Делать?

— С вогонами. Как нам остаться в живых?

— О... Да. Затем я сюда и пришел — сказать тебе. Видел, как я пересек площадь? На всех парах. Распихивал всех без разбора... может, и сбил кого — не помню, не заметил.

— Мы тебя видели. А теперь, что нам делать? Нас может отсюда подбросить кто-нибудь автостопом?

— Шутишь? — усмехнулся Форд. — Второй раз на такую штуку вогоны не попадутся. Даже щиты у них прикрыты щитами.

— Тогда чего?

— Бежать надо, быстро бежать. В космопорт. Если повезет, успеем сесть на «Золотое сердце».

— Я что-то вижу, — объявила Рэндом, тыча пальцем в небо. Там действительно спускалось к ним, описывая в атмосфере круги, что-то, напоминающее гроздь метеоритов.

— Ох, нет, — пробормотал Форд.

Он выхватил из руки у Рэндом мороженое и принял медленно, наслаждаясь каждой крошкой, лизать его.

Борт «Бюрократического тутика»

— Запустим голографы снарядов? — хмыкнул Джельц. — Торпедист, что скажешь?

Торпедист и не думал спорить.

— Почему бы и нет, Простатник?

Настроение у Джельца сделалось почти игривое.

— В самом деле, почему бы и нет? Думаю, крылатые кони вполне для этого сойдут.

— Хорошо, пусть крылатые кони, — кивнул торпедист и набрал на пульте программу.

— Гори, гори, — пропел Джельц.

Бабуля

Тор оглушительно рыгнул и стряхнул с одежды крошки. Потом щелкнул пальцами, Мъельнир послушно бибикнул и, выпрыгнув из зарядного устройства на стене, влетел к нему в руку.

— Что за агрессоры? — спросил бог у Хиллмена.

— Вогоны, милорд, судя по сигналам ответчика. На редкость вредные ублюдки. Специализируются на уничтожении планет.

Зафод пришел в восторг.

— Вогоны уже здесь? Вот это класс. Это войдет в историю. Ты разнесешь этих ублюдков в хвост и в гриву.

Тор сделал несколько пробных взмахов.

— Разнесу? Ты уверен, Заф, что это необходимо? Говорю тебе: я не собираюсь еще раз идти под трибунал... тем более, мы до сих пор не знаем, какой отклик мочилово с бессмертным получило в суб-эте.

Хиллмен безмятежно улыбнулся:

— Никаких трибуналов, милорд. Вы просто защищаете вашу планету. Все согласно контракту.

— Именно так, — подтвердил Зафод. — Это просто гениальный пиар. Уничтожение вогонского бюрокрейсера выведет тебя на первые страницы всех новостных агентств. Всех основных каналов. Би-Би-Эс, «Орбиты», «Новы»... даже «Левиафана», хотя там сейчас сплошь партизаны окопались. Религиозная аудитория любит тех, кто мочит нехороших парней, почти так же сильно, как мучеников.

Тор взмыл в воздух и сделал несколько пробных петель.

— Надеюсь, на этот раз мне удастся устроить все зрелищнее. Ну, в смысле, добавить драматизма. Чуть более похоже на папу. Ну, ты понимаешь... божественнее, что ли. Мне кажется, я сейчас и чувствую себя божественнее.

Зафод похлопал его по ляжке.

— Вот и круто. Тут, правда, или они, или мы, так что тебе, возможно, пора.

Тор застыл, не докрутив виража.

— Пора? Это звучит как приказ, Заф. А боги не подчиняются приказам смертных.

Зафод изобразил уязвленный вид.

— Я никогда и ничего тебе не приказывал, о Могущественный. Я даже в мыслях такого не имел. Я не более чем манипулирую тобой — ради твоего же блага.

Необходимое пояснение. Тот факт, что Зафод Библброкс вообще был способен манипулировать хоть кем-то, многое говорит о хрупкой самооценке той личности, которой он манипулировал. Особенно с учетом того, что сам президент Библброкс

узнал слово «манипулировать» всего за месяц до описываемых событий, да и то вряд ли читал в словаре дальше базового определения.

Тор пожевал кончик уса.

— Это...

— Это хорошо, парень. Это позитивно и уважаемо.

— Ты уверен?

— Абсо — Зарк меня побери — лютно.

— Очень хорошо, смертный. Я спасу эту планету от зла.

Зафод врезал кулаком по воздуху.

— Слышал это, Хиллмен? Вот это серьезный разговор.

Кто-то должен снимать этого парня на видео.

Тор выбрал на рукояти молота музикальное меню и прокручивал список до тех пор, пока не добрался до трека «Ну-ка, помолотим». В банкетном зале грянули первые аккорды древнего боевого гимна.

— Давай-ка! Налегай-ка! Меньше кричи — крепче мочи! — проорал Тор во всю глотку и исполнил вертикальный взлет на форсаже, оставив в поликарбонатной крыше банкетного зала звездообразное отверстие.

— Пошел! — с легким запозданием выкрикнул Зафод вслед своему клиенту. Он, правда, не знал, сможет ли Тор определить разницу между пятнадцатью и двадцатью процентами... впрочем, подумав, решил он, ему и самому это не по силам. Вот Левый Мозг — тот смог бы.

Хиллмен Хантер тоже думал о деньгах.

— Госспади, Зафод. Поговорите потом со своим клиентом, ладно? Эти гребаные панели чертовски дорогие. Он что, в дверь не мог выйти — в простую, нормальную дверь? Разве нельзя устраивать мочилово без нанесения ущерба казенному имуществу?

Зафод склонил единственную оставшуюся голову набок.

— Да ладно тебе, Хиллмен. Он же бог. Боги делают все по-большому. И рассказ об этом в какой-нибудь священной книге, когда ее кто-нибудь напишет, выйдет интереснее.

— Вот этот том пошатнет несколько устоев, — задумчиво пробормотал Хиллмен.

Зафод обвил рукой плечи ирландца.

— Я предоставлю тебе несколько исключительных прав.

Хиллмен крепко-накрепко прижал к груди контракт.

— Вы это уже сделали, горлопан вы этакий, — произнес он.

Волосы Тору разевал встречный ветер, на зубах хрустели жуки.

— Забрало, — скомандовал он, и под полями его шлема с треском выстроилось голубое силовое поле.

Вот в таких мелочах и заключается вся прелест профессии бога. В победе над гравитацией, бьющем в лицо ветре, в мускулистых ногах... Все по-божески. Ради такого Тор и поддерживал форму. Ну, в первую очередь, ради полетов и мочилова.

Хорошо бы еще меня любили, подумал он, но вслух этой мысли не высказал.

Когда-то, давным-давно, бог мог просто сидеть на горной вершине и громовым голосом вешать всякую ерунду, а смертные у подножия пытались интерпретировать невнятное эхо его голоса, почитая это истиной в последней инстанции. Один частенько рассказывал в Большом Зале историю о том, как он соблазнил жену какого-то смертного, а мужу ее кричал вот так, с горы, чтобы тот пошел и трахнул себя.

Представьте себе мое удивление, продолжал Один, *когда в следующее мое посещение Земли я обнаружил на том самом месте храм с высеченной над входом надписью: «УШЕЛ ОТ СТРАХА СЕБЯ»*. *Наверняка открывал прихожанам путь к истине и просветлению*.

И, разумеется, все валились под стол от хохота — кроме Фригг, которая вообще не одобряла привычки мужа ходить налево.

Однако теперь везде понатыкано записывающих устройств. Стоит богу сказать что-либо, и это мгновенно разнесут по всей Вселенной. И никакой выгоды от неопределенности не извлечь, потому что нет и самой неопределенности. Скажи бог «жопа» — все и услышат «жопу», возможно, даже

с убранными шумами и фоном. А скажи бог «я не знаю», и это тоже услышат все. Локи, у которого есть привычка вываливаться из Асгарда, чтобы побухать по выходным со смертными, как-то ухитрился целый вечер жаловаться во всеуслышание на свои проблемы с эректильной дисфункцией. Ну, или, как он деликатно выражался, «мой сыплющий молниями стержень лишился молний. Точнее говоря, он и стержня лишился».

После этого случая все мало-мальски обладавшие мозгами боги держали, выезжая по делам куда-нибудь во Вселенную, рот на замке, а молот наготове: в конце концов, разнесенный в пыль астероид говорит куда красноречивее любых слов.

А когда я сокрушу вогонов, думал Тор, ни одна сволочь не сможет обратить эту картину против меня.

И тут ему в голову пришла еще одна мысль.

Если вдруг только кто-то где-то не обожает вогонов.

Прежде чем он успел обдумать возможное развитие этого хода мыслей и возможное влияние этого на его рейтинг, из облаков вынырнули выпущенные первым залпом торпеды, изрядно смахивавшие на лошадей.

Борт «Бюрократического тутика»

Рядовой Непрходим рассыпался на части, хотя по внешности его вы бы этого не заметили. Внешне он пыхтел и пускал слюну — примерно так же, как и все остальные члены команды.

— Состояние бога? — спросил Джельц.

— Что?

— Прошу прощения?

— Что, сэр?

Веки у Джельца недобро затрепетали, равно как и кожные складки между ноздрями.

— Каково состояние бога?

Непрроходим заставил свои глаза не вращаться в глазницах, а сосредоточиться на экране.

— Взлетает. С большой скоростью. Летит нам наперехват, Простатник.

— Отлично. Наконец-то выдался шанс испытать «ГЛИСТ-Э»!

Обычно Непрроходиму нравились удачные аббревиатуры, но в этот день все буквы казались ему одинаковыми «К» — символом кошмара. Ну, еще катастрофы и катаклизма.

— Ну же, сын. Я знаю, что ты просто умираешь от желания узнать, что это означает.

— И я хочу знать! — оживился торпедист.

— «ГЛИСТ-Э» означает «Громоздкая, Летальная, Испепеляюще-Сублимирующая Торпеда, Экспериментальная модель».

Непрроходим сильно сомневался в том, что слово «экспериментальная» в названии снаряда можно считать обнадеживающим.

Все же, даже несмотря на охватившее его полное кошмара отчаяние, ему удалось уцепиться за одну-единственную мысль.

Они собираются убить бога. Бога!

— Простатник, сэр. Разве нам не положено сделать устное заявление касательно наших намерений?

— Такое заявление землянам уже оглашалось. Если эти отбившиеся от стада его не слышали, потому что их там не было, это еще не значит, что я должен тратить драгоценные секунды на то, чтобы его повторять.

— Но бессмертный, сэр. Специальная инструкция касательно контактов со сверхъестественными представителями гласит, что перед открытием огня по бессмертному с ним необходимо попытаться вступить в контакт.

Это был открытый вызов Джельцу, но тот даже обрадовался. Надо, надо вправлять мозги этим щенкам, когда они пытаются уличить его в отклонении от инструкций.

Вот за это мне и дали еще одно прозвище, вспомнил он, и ему сразу же сделалось значительно легче. Джельц-Инструкция. Идеально.

— Поскольку этот бог — агрессор, — объявил он, — это отменяет действие специальной инструкции.

Внутри Непрходима все сжалось, но он заставил себя одобрительно кивнуть.

— Разумеется. Точно подмечено, Простатник.

— Неплохой вопрос, рядовой, — благосклонно кивнул Джельц и повернулся к торпедисту: — Расчет выстрела «ГЛИСТ-Э»?

— С этим могут возникнуть сложности, сэр, — признал торпедист. — Не знаю, из чего состоит это существо, но наши лазерные прицелы сбиваются.

Джельц поудобнее устроился в кресле.

— Нет-нет. Цельтесь в землян. Посмотрим, сильно ли этот бог любит своих людей?

Хитро, в отчаянии подумал Непрходим. *Очень хитро*.

Для Тора пробил его звездный час. Кони-торпеды неслись плотным табуном к планете — с топотом копыт, ржанием и прочими звуковыми эффектами.

Тор громко заржал, потом вспомнил про снимающие его спутниковые камеры, чертыхнулся и закрыл рот.

Черрррррт, подумал он, *надо же так облажаться*.

Он сменил «Ну-ка, помолотим!» на классическую инструментальную пьесу «Уборка урожая», настроив Мье́льнир на трансляцию. Тор всегда любил этот мотив как фон для боевых сцен, хотя в последнее время эффект был слегка подпорчен одной фирмой-производителем газированных напитков, использовавшей тот же мотив при озвучке своей рекламы (на последней загорающая звезда нетрадиционной сексуальной ориентации потягивает рекламируемое пойло из банки, одновременно соблазняя стайку фанатов).

Довольно многие боги помоложе предпочитают отслеживать полет выпущенных залпом снарядов с помощью современной техники, но Тор любил делать все по старинке.

Ничто не производит такого впечатления на смертных, как хорошо развитая мускулатура, говаривал Один. *Круши все, что можешь сокрушить*.

Обыкновенно слушать Одина ненамного приятнее, чем выдергивать из ноги случайно застрявший в ней меч, но порой его суждения не лишены смысла.

Круши все, что сможешь сокрушить, подумал Тор, занес Мъельнир для удара и уклонился влево, чтобы напасть на первый косяк торпед снизу.

Ух ты, классные у них голограммы.

Кони неслись к поверхности Бабули, тряся головами; даже пыль летела у них из-под копыт. Сквозь полупрозрачные голограммические бока просвечивали красные головки детонаторов и стальные корпуса термоядерной смерти.

Тор с неописуемой легкостью скользил между ними, давя голыми пальцами системы управления, разбивая молотом стальные корпуса. Торпеды неслись с изрядной скоростью, но для уроженца Асгарда справляться с ними было не сложнее, чем с засахаренной грушей, подвешенной к небу на бечевке. Он вихрем проносился между снарядами, а за ним возмущенным шлейфом тянулась его фирменная грозовая туча, и вырывавшиеся из нее молнии, повинуясь взмахам его свободной руки, выводили из строя детонаторы. Кони дрогнули, замерли и рассыпались вихрем пикселей.

Один из детонаторов успел-таки запустить в заряде ядерную реакцию. Тор проглотил эту торпеду, и грохнувший у него в животе атомный взрыв не нанес никому ущерба. С земли казалось, будто Тор проглотил солнце. Планета вздрогнула, и сквозь стиснутые зубы бога прорвалось несколько лучей неяркого света.

Бабуля

Это зрелище произвело впечатление на Хиллмена.

— Вот это, я понимаю, бог. Не то, что были здесь до него... типа «мертв, но сплю». Вот это, мать его, парень, с ним не забалуешь.

Зафоду начало казаться, что с Тором он малость продержевшился.

— Сдается мне, нам стоит подумать насчет премиальных. Я хочу сказать, Хилли, торпеды-то не маленькие.

Хиллмен даже не посмотрел в его сторону.

— Во-первых, не зовите меня «Хилли». «Хилли» звала меня бабул... бабушка, а вы все, вместе взятые, ее мизинца не стоите. А во-вторых, насчет премиальных — поцелуйте меня в задницу.

Борт «Бюрократического тутика»

Джельц поднял палец вверх, привлекая внимание команды.

Я мог бы сломать папин палец, в отчаянии, близком к суициду, думал Непрроходим. А потом заткнуть ему чем-нибудь рот... может, своей ногой. Как он тогда отдаст приказ?

Папа запросто откусил мне ногу, сообразил он. А потом напишет приказ кровью на столе.

Палец покачался в воздухе, призывая всех затянуть дыхание.

А потом опустился и надавил на кнопку связи.

— Убить этого бога, — как-то даже флегматично произнес Джельц.

И тут поднялся и ткнул в экран переднего обзора палец Непрроходима.

— Мне кажется, это Тор, сэр. Тот самый Тор. Вы уверены, что хотите...

— Убить этого бога, — повторил Простатник Джельц, на этот раз с ударением на каждом слове.

Торпедист трижды дернул храповик, потом прижался ртом к переговорной трубе.

— «ГЛИСТ» пошел. Богу осталось жить всего ничего, сэр, — доложил он.

Бабуля

Форду Префекту удалось взломать несколько сайтов субэты, и теперь он наблюдал разворачивающееся над Бабулей сражение на экране своего «Путеводителя» одновременно в нескольких ракурсах.

— Мой букмекер принимает десять к одному на вогоньков, — сообщил он Артуру. — Поставил несколько тысяч на старину Рыжую Бороду. — Он пожал плечами. — А почему бы и нет? Если выиграю, так по-крупному. А проиграю — все равно никто из вас не услышит моих стенаний.

— Полагаю, неуязвимого для бомб полотенца у тебя нет? — предположил Артур.

— А то! Есть и неуязвимое для бомб полотенце, и преобразовывающая материю подушка впридачу.

Артур даже улыбнулся.

— Эй, настоящий сарказм. Отлично, приятель, ты все-таки учишься.

Что-то на экране «Путеводителя» отвлекло Форда от разговора. Он ткнул пальцем в угол окна, увеличивая изображение.

— Что это, Зарк подери, за фигня?

Артур придинулся к нему взглянуть.

— Еще один конь?

— Нет. У этой красотки голограмм нет. Посмотри, какая здоровая! Я астероиды видел мельче этой штуки.

Артур попытался плотнее запахнуть полы халата, которого на нем не было.

— Но Тор ведь ее проглотит, правда? Он ведь бог. Нам нечего бояться, да?

— Она нацелена не на Тора, Артур.

— Дай угадаю куда...

— Не бери в голову.

— Тоже верно. Слушай, у тебя не осталось больше ни одной палочки радости?

Верхние слои атмосферы Бабули

По правде говоря, Тор немного красовался перед камерами: крутил фигуры высшего пилотажа, камнем падал сквозь фосфоресцирующие облака, заголял для смотрящих трансляцию дам загорелое бедро. Для вящего эффекта он разносил в хлам торпеды в такт музыке.

Слишком легко все это получается, подумал он. Еще немногого, и зрителям может надоесть.

И тут его барабанные перепонки засекли свист другого двигателя. Негромкое пыхтение небольшого реактивного движка, толкающего что-то тяжелое. Эти вогоны пытались что-то мимо него тайком протащить.

Небрежным ударом молота Тор разнес последнего коня... то есть последнюю торпеду и окинул взглядом темнеющий небосвод. Его божественный взор обнаружил какую странную штуковину, закладывающую вираж в направлении города смертных.

Эти ублюдки пытаются меня зарплаты лишить.

Вплоть до этого мгновения Тор полагал, что обойдется с бюрократическими агрессорами милосердно. Ну да, он уничтожил их снаряды, но до сих пор никто еще не плавал в космосе, глотая легкими вакуум. Что ж, после того, как он хладнокровно разберется с этой хитроумной новой бомбой, возможно, он все-таки проделает Мье́льниром в бортах вогонского корабля несколько дырок.

Тор сложил руки на груди и с безумным ускорением пронзил ионосферу Бабули. Конечно, находиться одновременно в двух местах он не мог, зато перемещаться из одной точки в другую умел едва ли не быстрее любого другого существа во Вселенной.

Необходимое пояснение (краткое, чтобы не слишком прерывать повествование). На деле в рейтинге самых стремительных существ Вселенной Тор занимал пятую строку. А без Мье́льнира, стабилизирующего полет, так и вовсе восьмое. Первое место занимал Гермес, использовавший свою божественную скорость в основном для того, чтобы ущипнуть Ареса за интимное место и удрачить.

Кончики волос на бороде у Тора начинали тлеть от сопротивления воздуха. Он выложился почти на девяносто пять процентов. Нет, у него оставалась еще кое-какая энергия... впрочем, на такой скорости его все равно не засекла бы ни одна камера во Вселенной.

Теперь он ясно мог разглядеть новую торпеду: набор нескольких массивных цилиндров с небольшим движком в кор-

ме. Тор принюхался но не смог опознать, с каким взрывчатым веществом имеет дело. Запах слегка напомнил ему вонь собственной одежды после ночи беспробудного пьянства на границе горизонта событий черной дыры, но все же отличался.

Что за штука?

Впрочем, это мало что меняло. Даже без взрывчатки эта штуковина при падении вырыла бы кратер размером больше всего города, да и энергия столкновения могла бы уничтожить изрядную часть континента. В общем, даже если бы кто-то из землян и выжил после взрыва, их все равно поглотила бы лава.

Тор коснулся корпуса и прополз по нему к носовому конусу. До столкновения с землей оставалось еще несколько секунд — для бога с его способностями все равно что вечность.

Что лучше, спросил он себя, пригибаясь от ветра, утащить эту штуку обратно в космос? Или столкнуть с курса, чтобы она упала в океан? Что будет выигрышнее смотреться на экране?

Тор пожевал кончик уса и вспомнил, что Зафод говорил что-то такое.

Что...

Борт «Бюрократического тутика»

— Активируйте взрыватель «ГЛИСТА»! — скомандовал Джельц.

— Есть, Простатник! — откликнулся торпедист.

Простите нас, безмолвно кричал Непрходим Вселен-ной. Мы — вогонь.

Бабуля

Теперь исполинскую торпеду можно было отчетливо разглядеть невооруженным взглядом. Оставляя за собой прерывистый как строчка морзянки инверсионный след, она неумолимо приближалась к Иннисфри.

— Точка-тире, точка-тире-точка, — произнес Форд. — Полагаю, вся эта штука гласит: «Артур Дент — рукоблуд и законченная задница».

Артур слишком устал, чтобы обращать внимание на подначки.

— Думаешь, сейчас время для хохмочек, Форд? Правда?

Похоже, все население Бабули столпилось на площади Джона Уэйна. Все различия в цвете кожи, социальном статусе или убеждениях стерлись — либо благодаря глубинным свойствам того, что называется человеческая душа, либо благодаря тому дерму, в котором они все оказались по уши.

Рэндом бочком подобралась к отцу и взяла его за руку.

— У этой планеты могло быть будущее, — вздохнула она. — Я собиралась представлять ее народ...

Артур хмуро смотрел на массивное орудие разрушения, приближавшееся к ним все ближе.

— Твоя мать меня убьет, — пробормотал он и снова поднял взгляд, потому что по толпе пробежало невольное «Ох!»

Ну, по крайней мере такое не каждый день увидишь, подумал он, пытаясь утешиться дежурными фразами и эмоциями.

Тор шагал по обшивке гигантской ракеты. Вниз головой — по стороне ее, обращенной к Земле.

Рэндом положила голову ему на плечо — в первый и, возможно, последний раз.

— Мы спасены, папа? Сколько раз может спастись одна и та же группа людей? Вряд ли у Вселенной остались еще шансы для Дентов?

Между ними каким-то образом ухитрился втиснуться Форд.

— Минимум один еще шанс. Насколько мне известно, бога невозможно убить ничем.

И тут «ГЛИСТ-Э» взорвался. Ну вроде того.

Это не напоминало обычный взрыв — в том смысле, что все, кто ожидал традиционных «бамм!», или «бабах!», или «тарарах!», столь излюбленных кинорежиссерами и авторами компьютерных игр по всей Вселенной, посчитали бы себя слегка надутыми. Взрыв не сопровождался ни ударной вол-

ной, ни вспышкой, ни градом обломков — просто раздалось громкое «уфффф», а потом на месте, где только что была торпеда, вспух идеальной формы куб из какого-то зеленого материала. Материал трещал и искрил разрядами, создав на несколько секунд помехи местным спутниковым сетям, а потом рассыпался на шестнадцать кубов поменьше.

Форд озвучил то, о чем сразу же подумало большинство людей:

— Какие-то маленькие кубики. Гораздо меньше, чем Тор.

Один за другим кубики полопались, и их содержимое просыпалось на землю серым пеплом. Тор исчез.

— Где-то завалялась ведь у меня палочка радости, — сказал Форд, роясь в сумке. — И пара яиц морского дракона. Так хоть уйдем с песней.

Что-то блеснуло в небе над головой у Зафода.

— Глянь! Видал?

Хиллмен не потрудился отвечать, потому что решил, что не будет больше разговаривать с Зафодом, мать его, Библ-броксом.

Зафод уже несся бегом через бульвар.

— Сувенир! — крикнул он через плечо. — Сувенир!

Добежав до места, куда падал с неба серебристый объект, Зафод принял маневрировать, пытаясь занять позицию точнее.

Могу ли я? — думал он. Возможно ли такое?

— Камера! — взвизгнул он на всякий случай. — Кто-нибудь, да снимайте же это!

Ну, конечно, может ведь и убить...

Но если он останется жив, сколько может стоить такое видео? Сколько новых подписчиков на его суб-эта-сайт?

Объект падал не так, как полагалось бы нормальному объекту.

Еще бы он падал нормально, подумал Зафод. Это божественный талисман, изготовленный из божественных материалов... из металлов, добытых на Асгарде.

Он парил, он вспыхал, он покачивался. Принимал тот или иной размер и сразу передумывал.

Зафод сунул руки в карманы — подальше от соблазна. Этот фокус надлежало исполнять без помощи рук.

Объект все снижался. Зафод приплясывал на своих лишенных каблуков башмаках, изгибал шею туда-сюда, и наконец шлем Тора опустился точнехонько на голову Зафоду Библброксу, мгновенно уменьшившись до подходящего размера.

— Да! — возопил Зафод, еще раз врезав кулаком по воздуху. — Видал, Хилли? Нет, ты, черт тебя подери, видал такое? И ведь до последнего времени у меня было две головы, так что это потребовало от меня больше ловкости, чем тебе могло бы показаться. Теперь попробуй только сказать, что я не гений! А ну попробуй!

Хиллмен все-таки нарушил свой обет молчания.

— Я просил не называть меня «Хилли», говнюк вы этакий. А насчет гениев, так бог, которого вы мне впарили, точно не гений.

Зафод разом посеръезнел.

— Я не потерплю ни одного дурного слова в адрес Тора, — заявил он. — В конце концов, он погиб, спасая вас.

Хиллмен ткнул пальцем в небо, где завис над городом вогонский бюрокрейсер.

— Не очень-то у него получилось, а?

Борт «Бюрократического тупика»

У Простатника Джельца от удовольствия вспотело под мышками. Как настоящий *хрюмпстер*, незнакомый с подобными эмоциями, он даже решил было на мгновение, что корабль провалился обратно в гиперпространство. Но нет, мир за иллюминатором оставался четким, материальным и готовым к уничтожению.

— Подготовить еще дюжину торпед! — приказал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Похоже, артиллерия у землян отсутствовала как класс, так что теперь, когда их бога отправили в мир иной, они ос-

тались совершенно беззащитны. Джельц задумчиво пожевал толстую нижнюю губу. Если боги и так живут в раю, куда они деваются оттуда после смерти? Правда ли, что боги страдают чудовищным нарциссизмом? Или они поклоняются каким-нибудь оберст-богам и переходят после смерти на новый райский уровень?

А ведь я придумал совершенно новую загадку, подумал он, и мысль эта снова доставила ему немалое удовольствие.

— И что ты думаешь теперь о своем отце, Туп? — спросил он у продолжавшего подпрыгивать рядом Непроходима.

Непроходим помедлил с ответом. Про недавнюю победу, если это можно так назвать, он и не вспоминал. Простатник мог, например, решить, что его рядовой не слишком показал себя в этом конфликте, даже несмотря на стопроцентную законность их действий. Наверняка боги выразят протест, но вряд ли это будет серьезнее исполненного крепких выражений письменного заявления — во всяком случае, теперь, пока у галактического правительства не стоит на вооружении «ГЛИСТ-Э». И, если подумать, не пора ли богам поплатиться немного за свое долгое владычество? Эти типы с Асгарда владели своей недвижимостью, можно сказать, с сотворения мира — и даже севшей батарейки правительственной казне не заплатили.

— Ну, Непроходим? Что скажешь?

На деле Непроходим был потрясен до мозга костей. Они только что убили бога. Стерли с лица Вселенной бессмертного. Это ведь не пройдет бесследно? Наверняка равная, но противоположно направленная реакция уже в пути. И даже если обойдется без последствий, это все равно так невыносимо печально...

Натянув кожу на двух подбородках, Непроходим вскинул голову.

— Я оглушен, Простатник. Вы совершили то, чего не удалось бы никому другому.

— Гмммм, — промычал Джельц; протяжное «м» прозвучало очень удовлетворенно. — Но ведь совершил, да? А то в

Мегабрантисе начали шептаться уже, что я не тот, что прежде. Только представь себе: «Джельц-Инструкция» — и не тот.

— «Инструкция»?

— Новое прозвище. Нравится?

— А что случилось с «Законченным Ублюдком»?

Джельц положил на плечо сыну почти бескостную руку.

— Я надеюсь, настанет день, когда Законченным Ублюдком будут звать тебя.

Эту почти трогательную сцену прервал торпедист. Ну, может, и не трогательную, но, во всяком случае, лишенную какого бы то ни было насилия.

— Сэр. Земляне. Нас сносит.

Джельцу вдруг сделалась ненавистна мысль разбираться с этими землянами. Конечно, лихорадка боя уже схлынула, но дело есть дело, так что... Он обратил левый глаз на экран и увидел, что «Бюрократический тупик» и впрямь сносит с геостационарной позиции над главным городом планеты.

— В общем-то, все равно, — пробормотал он. — Наши торпеды способны разить и из-за угла. — Он махнул рукой торпедисту. — Уничтожьте их. Сопротивление бесполезно, и все такое.

— Есть, сэр! — с избыточным энтузиазмом откликнулся торпедист. Смысл жизни вагона — в выполнении порученного задания, и вовсе не обязательно волить от восторга, разлагаая на элементарные частицы другую цивилизацию. Этак другие члены команды сочтут тебя психом и захотят отослать своих дочерей в другую звездную систему, пока они не начали встречаться с тобой. — Полдюжины небольших зарядов хватит, чтобы испарить землян всех до одного. С вашего позволения, Простатник, позвольте предложить: в нашей компетенции конфисковать приобретенную этими землянами планету. Уверен, бюро по криминальным активам с удовольствием прибрало бы...

Джельц весьма впечатлился.

— Ба, торпедист, отменное предложение! Почему бы тебе не придвинуть кресло поближе к моему? Пожалуй, я не против погладить тебя по головке.

— Это огромная честь для моей сальной шевелюры, сэр. Только минуточку, дайте мне взорвать этих типов.

— Вот так надо, салага... — обратился Джельц к сыну, но Непроходим его не слушал: в голову ему пришла мысль — настолько дерзкая, что изо всех сил старалась сбить его с ног и испарить мозги.

Рядовой Непроходим отстегнул с шеи фартук-слюнявчик, бегом пересек мостик и врезал им по башке торпедисту как раз в то мгновение, когда палец того завис над кнопкой «огонь». Стальной ковшик рассек слой подкожного жира и соприкоснулся с черепом. Зрачки торпедиста сошлись к переносице, разошлись и закатились.

Второй раз за считанные минуты команда замерла в ожидании того, как решится судьба Непроходима. Не то, чтобы на борту вогонских кораблей не встречалось открытого насилия, но насилие, мешающее исполнять приказ Простатника, никак не укладывалось в рамки привычного.

Булькнув животом и зашипев амортизатором кресла, Джельц повернулся к нарушителю порядка.

— Рядовой Непроходим. Это уже второй раз за день. Я заинтриго-о-ован.

Необычно растянутое последнее слово словно бы намекало на то, что Непроходиму стоит немедленно объясниться, и что объяснение этого безумного поступка должно отличаться стопудовой убедительностью. Можно сказать, что в истории убедительных объяснений оно должно занять едва ли не первое место. Возможно, даже превзойти объяснения Джаммуя Тоталля, кровопускателя с Кирста, который (совершенно случайно, во сне) вышиб жене мозги перстнем с печаткой, а потом заявил, что сделать это его заставили кости предков, каковые кости он в подтверждение своего заявления даже выписал с другой планеты, искусственно состарил и закопал под корнями дерева ванго-панго.

Кожа у Непроходима вспотела с внутренней стороны — такое с вогонами случается редко, зато усугубляется возбуждением пыльных клещей, заставляющим кожные поры поглощать влагу из окружающего воздуха и накапливать ее в подкожных клетках.

— Мне казалось, ты держишь себя в руках, Туп, — продолжал Джельц с явным неодобрением. — Твоя мать уверяла, что хватит и гомеопатических средств, и, да поможет мне Зарк, я ее послушал. Но в следующий раз ты без разговора отправишься прямиком в аквариум с пиявками, мой мальчик. А теперь, как я сказал уже, я заинтриго-о-о-о-ован.

— Неправильно это все! — выпалил Непроходим.

— Что ты хочешь этим сказать? — искренне удивился Джельц. — Неправильно в этическом отношении? В смысле добра и зла? Только не говори мне, пожалуйста, что ты заделался моралистом... твои хилые ножки этого не перенесут. — Джельц внезапно задохнулся от ужаса. — Или ты хочешь сказать, что ты эволюционировал?

Непроходим стиснул кулаки и не двинулся с места.

— Во-первых, Простатник, здесь, должно быть, сломан пылевой фильтр, потому что я весь вспотел внутри. А во-вторых, я хотел сказать, что это неправильно, потому что это не по инструкции.

Джельц встряхнул усами.

— Не по инструкции, говоришь? Не по... — Он резко повернулся к связисту. — Запишите этот разговор, слышите? Возможно, мне придется объяснять эту казнь его матери.

Непроходим бросился в атаку, потому что иначе ему бы не оставалось ничего, как растянуться на полу и хныкать в ожидании конца.

— Нам приказали уничтожить землян, так?

— Надеюсь, у тебя найдутся аргументы убедительнее, потому что это...

— Эти люди купили планету у магратиан, так?

— А! Я вижу, куда ты клонишь, но галактическому правительству магратиане неподконтрольны. У них собственная маленькая республика, подающая, надо сказать, чудовищный пример колониям.

— Вы правы, Простатник. Разумеется, правы, но у магратиан с правительством официально оформленные деловые отношения. Торговый договор.

— Ну, допустим.

Забыв про необходимость скрывать свою ловкость, Непроходим бросился к ближайшему пульту.

— Смотрите! — объявил он, торопливо открывая страницу мегабрантианского управления по делам новых миров. — Статус планеты Бабуля одобрен центральным ведомством.

— Вогон редко находит бумагопроизводство скучным, Попрыгунчик, — сухо заметил Джельц. — Но признаюсь, если ты немедленно не приступишь к сути...

— Перехожу, Простатник. Центральное управление зарегистрировало Бабулю как планету-налогоплательщика, члена планетарного союза, подчиняющегося галактическому правительству.

— Ты повторяешь одно и то же, только разными словами. Я ради этого тебя в университет посыпал? — Джельц взял микрофон и нажал кнопку соединения с торпедным отсеком. — Нам все-таки надо еще уничтожить землян.

— Посмотрите сюда, в последний параграф. Как и положено в таких случаях, Мегабрантис одобрил гражданство обитателей планеты. — Непроходим почувствовал, что потение уменьшилось, зато из пор его тела тонкими струйками вырывался со свистом пар. Он говорил теперь юридическим языком, а на свете не найдется вогона, способного спорить с законом. — Формально земляне больше не земляне, а бабулиане. Или бабулианцы, или бабулинисты? Не знаю точно. Но одно я знаю точно: если вы сейчас расстреляете этих людей, вы расстреляете группу законопослушных налогоплательщиков, ни разу не уклонявшихся от этой своей обязанности. Только представьте себе, Джельц-Инструкция изжаривает граждан, не успевших заплатить налоги! Что скажет на это Хупц Прриходитезавтра, ваш старый приятель со Стены Хрюмпста?

На этом собственный запас хрюмпста у Непроходима иссяк, он пошатнулся и упал спиной на мониторы, от чего по сенсорным экранам побежали радужные круги.

— Bay, — произнес Джельц, а это слово он произносил не слишком часто. Он выбрался из кресла и понес свою тушу к радужным мониторам. — Рядовой Непроходим. Ты сорвал

операцию. — Простатник навис над своим сыном, лицо которого из оливкового сделалось бледно-салатного цвета.

— Я сделал то, что обязан был сделать.

Джельц протянул руку — скорее из чистой формальности, чем из попытки взяться за руку Непроходима, ибо с таким же успехом он мог бы попытаться взяться за резиновую перчатку, наполненную мягким бутербродным маслом.

— Ты увидел силу закона. А чем поддерживается порядок, как не законом? Встань, сын мой. Подойди и встань рядом со мной.

Непроходим, ожидавший, что вот-вот превратится в кляксу на переборке, поднялся на подкашающиеся ноги и откашлял кварту жидкости (а с ней пару симбиотических безволосых флабузов, которых все вагоны носят в желчных пузырях в качестве средства от камней).

— О нет. Бедные Хэнки и Спэнки...

Джельц носком башмака отшвырнул мокрые комки в сторону.

— Забудь этих паразитов. У нас в блоках переработки отходов таких несколько миллионов.

Он включил одну из подвешенных к потолку специально ради подобных, связанных с падением вагонов ситуаций лебедок. Непроходиму хватило еще хитрости делать вид, будто она ему нужна, и с ее помощью он выпрямился.

— За всем за этим наверняка стоит Тугриг, — по секрету сообщил сыну Джельц. — Не удивлюсь, если он там на Мегабрантисе прослушивает все наши переговоры в ожидании, пока я провалю операцию. Нет ничего хуже, чем уничтожить...

— Не тех людей? — предположил Непроходим.

Джельц усмехнулся шутке своего подчиненного.

— Не тех налогоплательщиков, рядовой. Поосторожнее с юмором: у других членов экипажа с этим похуже, чем у нас с тобой. Твой сарказм могут расценить как проявление сочувствия.

— А... — отозвался Непроходим, интуитивно нашупав самую удачную реплику для случаев, когда ты представления не имеешь, чего отвечать.

Джельц попятился и плюхнулся обратно в командирское кресло.

— Старина Тугриг, поди, ждет на базе, что я вернусь по уши в дерьме. А вместо этого — благодаря тебе! — мы возвращаемся героями, со скальпом бога на поясе и хорошими вестями для налоговой инспекции.

— Выходит, все в выигрыше... кроме Тора.

— Что я тебе говорил, сын?

— Осторожнее с э... шутками.

— Совершенно верно. А теперь втискивайся ко мне в кресло, и мы насладимся иллюзорными прелестями гиперпространства вместе.

Голова у Непрходима шла кругом, руки тряслись. Он пришел на помочь землянам, и это каким-то образом обернулось благом для всех.

Это все закон, сообразил он. Нас спас закон. Придется теперь использовать это слово.

Он так и стоял, потрясенно подняв руки, пока двое юнг не взяли его под макитки и не отвели к капитанскому креслу.

Джельц наслаждался собой, что он позволял себе всего дважды в год и всего на пару минут. *Посмотрите на моего сына — как потрясен он тем, что в первый раз сидит на колене у капитана. А я-то хотел отослать его с корабля... но после его сегодняшних поступков парень останется со мной. Он станет одним из великих. Разрушитель миров. Гроза жалобщиков. И придет день, когда мой сын станет настоящим Законченным Ублюдком.*

Бабуля

Типичное описание поведения разумных существ, над которыми нависла угроза уничтожения со стороны парящего над головами инопланетного корабля сводится к паническому бегству прижимающих к груди убогий скарб туземцев, а также к образованию непроходимых автомобильных пробок на мостах и в туннелях. Исключением является храфхрафский

фильм «Взрыв Красной Бурды», где в минуты, предшествующие полному уничтожению, все рады и счастливы, поскольку жизнь обитателей Храфхрафа протекает в обратном направлении по времени, вследствие чего с их точки зрения они только что выбрались из серьезной космической катастрофы целыми и невредимыми.

На Бабуле никто и никуда не бежал, да и скарба к груди не прижимал почти никто. Обитатели планеты стояли на площади Джона Уэйна, чуть покачиваясь, как трава на ветру, и, разинув рты, ждали с неба смерть.

Все, кроме Асида Префлюкса, сидевшего на скамейке с банкой мягкого сыра.

— Как я заблуждался, — всхлипывал он, закрыв глаза ладонями. — Как заблуждался! Чтобы понять Сыр, Сыр надо поглотить!

Хиллмен Хантер стоял в тени памятника и очень старался не привлекать к себе лишнего внимания на случай, если во всех бедах вдруг обвинят его. Большинство предметов падает сверху вниз, но обвинения всегда летят на самый верх, а Хиллмен предпочитал избегать боли до самого конца, какой, он надеялся, случится относительно безболезненно.

— До скорой встречи, Бабуля, — прошептал он.

Не спеши, произнес бабулин голос у него в голове.

Пока Хиллмен обдумывал эти загадочные и, как он надеялся, пророческие потусторонние слова, в лицо ему шлепнулся комок мягкого сыра, залепивший ухо и набившийся за воротник.

— Славно поработал с богом, дебил, — крикнул ему через площадь Асид Префлюкс.

Дрянь дело, подумал Хиллмен.

В толпе мелькнула пара секаторов, и Хиллмену показалось, что он разглядел нож для бумаги.

Ну почему обязательно найдется кто-нибудь с ножом?

К счастью, именно этот момент выбрал вогонский бюрокрейсер, чтобы в сиянии красивого голубого фейерверка гипердвижков исчезнуть из реального пространства. Только что он висел здесь, и вот с «пшиш-хлоп-бах!» исчез, не оставив

за собой ничего, кроме тающего в небе облачка выхлопной плазмы.

— Аххх, — выдохнула толпа.

Зафод с его врожденным чувством момента забрался на пьедестал памятника.

— Богоны побеждены! — возгласил он, стоя на сгибе локтя Джона Уэйна. — Тор спас вас!

— Тор? — удивленно переспросил Хиллмен. — Какой Тор? Мертвый, исчезнувший?

Зафод бросил на него взгляд, красноречиво говоривший о том, насколько Хиллмен туп, и уж если З. Библброкс считает кого-то тупым, значит, подразумевается, что этот кто-то тупее даже самого Зафода, а это само по себе уже означает изрядную тупость, что не так обидно, если этот кто-то настолько туп, что не способен даже понять означенного взгляда, но все-таки обидно, если этот кто-то его все-таки понимает.

Хиллмен был вовсе не туп, просто на него нашло недолгое помрачение, и этот момент быстро прошел.

— Конечно! — выкрикнул он срывающимся голосом. — Тор нас спас!

Зафод закатил глаза.

— Да. В самый последний момент. Тор спас нас всех.

Хиллмен тоже забрался на пьедестал.

— И он вернется, когда в нем возникнет нужда.

— Ну, сообразил, — вздохнул Зафод.

— Господин Тор будет общаться со своим народом через меня, и только через меня!

— Обещаю вам, это так. Что бы вам ни сказал Хилли, значит, Тор, спасший нас всех, желает этого от вас.

— А если мы не послушаемся? — поинтересовался Асид.

Зафод нахмурился и надул щеки так, словно тот высказал откровенную глупость.

— Тогда Тор будет очень огорчен. И его молот тоже.

Хиллмен хмуро взглядывался в толпу, почти не надеясь, что толпа поведется на эту псевдорелигиозную ерунду. К его удивлению, в него не полетел ни один предмет садового ин-

вентаря. Асид запустил руку в банку с сыром, но даже он не спешил вынимать ее оттуда.

Похоже, они меня не убьют, сообразил Хиллмен.

— Хвала Господу!

— Не Господу, — поправил его Зафод. — Хвала Тору!

Хиллмен улыбнулся и приготовился к запоминающемуся концу выступления.

— Бабуля просила жертвы, — произнес он, с трудом удерживаясь на краю пьедестала. — Бабуля просила грабаной жерт...

Слово «грабаной» было впоследствии заменено на видеозаписи невинным бибиканьем, поскольку после принесенной Хиллменом жертвы все, что он сказал в своей первой жизни, сразу вдруг стало неизмеримо более важным и исполненным мудрости.

Следующее, что произнес Хиллмен, было «Хрркккаааррркшшш», хотя последние «шшшш» вполне могли быть шипением истекающих газов, поскольку именно в этот момент свалившийся с неба носовой конус разбитой Тором торпеды врезался памятнику Шона-Боксера в голову, отчего шов на талии бронзовой фигуры разошелся и левая боксерская перчатка, с силой развернувшись по часовой стрелке, практически разорвала Хиллмена пополам.

— Ох, б... — охнул Хиллмен и добавил последние в этой своей жизни слова: — Иду к тебе, Бабуля.

Историки стерли первую фразу и оставили вторую, которая с тех пор получила столько толкований, что лишь спустя пятнадцать тысяч лет студент-третекурсник, плохо вызубрив урок, случайно обнаружил ее истинный смысл.

12

Счастливых финалов не бывает. Любая разумная раса имеет по меньшей мере один афоризм, подтверждающий эту точку зрения, хотя ни на одной планете во всей Вселенной не найти ни одного надгробия, на котором было бы высечено: «В ЖИЗНИ ЕМУ НРАВИЛОСЬ ВСЕ, ОСОБЕННО СОБСТВЕННАЯ СМЕРТЬ». Как писал в своих мемуарах Роллид Клит, независимый порнорежиссер с Дентрассиса, *«то, что вам кажется счастливым финалом, на деле является лишь короткой передышкой перед тем, как маньяк-убийца, которого вы считали мертвым, возвращается и вырезает всех, кроме девицы с самыми большими сиськами, которую убьют первой в выходящем в следующем году сиквеле»*. Или, как кратко сформулировал некто Зем с Зеты Скворнелла, *«постель никогда не остается сухой надолго»*. Ну и, наконец, наиболее часто цитируемое изречение на тему финалов, счастливых или нет, принадлежит старому столпнику с Гавалиуса. *«Такой вещи, как финал, — говорил он, — нету вообще. Равно как, если на то пошло, начала. Существует лишь середина»*. Цитирующие, правда, часто опускают продолжение фразы: *«Середины — это дерьмо. Ненавижу середины. Середины все до одной сожалеют о прошлом и ждут, что с ними еще произойдет что-нибудь»*

интересное. Да пошли они, эти середины, зарк знает куда. Как правило, первое предложение публикуется на фоне фотографии какой-нибудь симпатичной китожабы на фоне заката одного или двух солнц.

Со времени прерванного нападения вогонов едва прошла неделя, и люди как раз начали забывать, насколько им повезло остаться в живых, и начали переживать по поводу обычных повседневных проблем вроде того, можно ли поделать что-нибудь с туманом, наползающим ежедневно с моря ближе к вечеру, и почему никто не догадался захватить с Земли побольше арахисового масла, и чем это так воняет рядом с яствами, и что, возможно, стоило бы попросить планету побольше, потому что от этой искусственной гравитации некоторые из пожилых людей неважно себя чувствуют.

Хиллмен Хантер сидел у себя в кабинете и читал ежедневную порцию жалоб и кляуз. Большинство из писавших застуживали кары огнем и серой... ну, может, еще и молотом — в зависимости от конкретных ситуаций. Конечно, Хиллмен не мог не видеть реальных преимуществ обладания отсутствующим богом, способным общаться с паствой только через избранного представителя, но надо ли было Тору приносить себя в жертву так рано? Разве не мог он провести пару недель, занимаясь мелкими земными проблемами, прежде чем совершить это свое жертвоприношение?

Ну, конечно, свои преимущества имелись и у жертвоприношений. С тех пор как Хиллмена вернули из мертвых в медицинском блоке «Золотого сердца», все гораздо охотнее принимали тот факт, что он является полномочным представителем Тора на Бабуле. Ну, и новая пара ног тоже оказалась кстати.

Хиллмен изо всех сил старался быть полным мудрости и благочестия, но каждая гребаная минута ежедневного разбирательства грабаных бумаг сводила его с ума. А еще опоясывающий его талию шрам чесался, как... как... в общем, сильно чесался.

Я Хиллмен Хантер, бабуля. Я типа как Христофор Колумб, основатель колонии и все такое. Кой черт я должен ставить печати и разбирать грязное белье?

Загудел зуммер внутренней связи, и над столом возникла голограмма секретарши.

— Угу, Мэрилин. Чего там?

— Того, что записавшиеся на прием пришли.

Хиллмен вздохнул — почти с облегчением. Иметь дело с живыми людьми было нескованно лучше, чем тупить над грудами бумаги.

Хуже, чем лопатой махать, подумал он.

— О'кей, бабуля. Пусть войдут.

Мэрилин нахмурилась.

— Простите, Хиллмен. Как вы меня назвали?

Блин, подумал Хиллмен.

— За Бабулю! — поспешил произнес он. — Это наш новый официальный лозунг. А ты что думала?

— А... Да, хорошо, — отозвалась Мэрилин — таким скучающим тоном, что Хиллмен даже удивился, как это она расслышала его оговорку.

Вот уже второе, что я им втюхал за неделю. Сначала эти штучки с Тором, теперь это.

В кабинет вошли Артур Дент и его дочь Рэндом, и конечно же, девчонка села, не дожидаясь приглашения.

Эта девчонка даже сидеть ухитряется угрюмо, подумал Хиллмен. Но не дура, нет.

— Прошу вас, Артур, садитесь.

— Спасибо.

— За Бабулю! — гаркнул Хиллмен, решив, что свежеиспеченный лозунг стоит время от времени подпускать в разговор.

Как говаривала бабуля, если что-нибудь с дермейцом, его должно быть побольше.

— Пардон? — озадаченно спросил Артур.

— Это наш новый... э... лозунг. Вести народ и все такое.

За Бабулю!

— И где вы его собираетесь использовать?

— Ну, право, не знаю пока, — нахмурился Хиллмен. — При сборе урожая, или путешествии за океан... что-нибудь в этом роде. При героических событиях. Как вам?

— Кратко, — искренне сказал Артур.

— Точнее сказать, сжато, верно? Вы даже не представляете, сколько мы заседали, обдумывая этот лозунг. Через год он будет у всех на устах, вот поверьте.

Рэндом облокотилась на стол.

— Я слышала, что вы назвали планету в честь вашей бабушки.

Хиллмен смущился.

— Правда? Не помню. Но, наверное, вы правы. Бог свидетель, я об этом много лет уже не задумывался. Госспади...

— Не напрягайтесь.

— Чего?

— Каждый раз, когда вас что-то напрягает, вы превращаетесь в Пэдди-Лепрекона с его жутким ирландским акцентом.

— Ну и что, — пробормотал Хиллмен, разом поднявшись на новый уровень смущения. — Я ирландец.

— Но не такой. А суть в том, что вы назвали целую планету в честь вашей бабушки.

— Ну, в первую очередь потому, что размер у планеты такой, — сказал Хиллмен и решил, что пора переходить в наступление. — И потом, ну и что, что я дал название планете? Я заплатил большую часть денег за нее, а вы видели список предложений по названию? — он достал из папки листок бумаги. — «Дубовый Холм». «Тетушка ЙоЙо»... наверное, величайшая тетушка в мире. «Фрэнк». Планета Фрэнк, а? Право же, детка. «Бабуля» и в половину не так плоха, как вся эта чушь.

У Рэндом дрогнул подбородок.

— Возможно. Но давать имя планетам, придумывать лозунги для масс — как-то очень это мне напоминает диктатуру.

— Богом здесь Тор, — скромно возразил Хиллмен. — Не я.

Артур вмешался в разговор прежде, чем Рэндом успела прицепиться к этой фразе.

— Как вам новые ноги?

Хиллмен потопал под столом копытами.

— Суставы отличаются немного, но я к ним уже привыкаю. Видели бы вы, как я поднимаюсь теперь по лестнице. Гребаной пулей.

— Не сомневаюсь, — хихикнула Рэндом. — Тор всегда предпочитал козлов, так что народ видит в этом знак.

Хиллмен нервно сломал карандаш.

— Знак чего? Того, что Зафод Библброкс — тупица?

— По крайней мере вы живы, — утешил его Артур. — И, возвращаясь к вашим... э... копытам. Зафод пообещал вам ноги гуманоида, как только вы окрепнете для новой операции. Он нашел вполне подходящую пару в глубине холодильника.

— Вы умирали всего на двадцать минут, — радостно добавила Рэндом. — Так что вы потеряли не больше половины IQ. Думаю, разницы никто и не заметит.

Артур решил, что настало время снова поменять тему разговора.

— Какие-нибудь подвижки есть с нашим гражданством?

— Есть, — кивнул Хиллмен, радуясь возможности не обсуждать его козлиные ноги. На самом-то деле он вовсе не хотел оперироваться второй раз. Быть наполовину козлом оказалось вовсе не так плохо. Половина колонии относилась к нему с благоговейным почтением — буквально кланялись, когда он проходил мимо. Ну, и некоторые из дам помоложе и прогрессивнее задавали ему очень интимные вопросы, касающиеся физиологии. Очень интимные.

— Всего пара мелких вопросов, — произнес он, спрятавшись за монитор, чтобы скрыть внезапный румянец. — Артур Филип Дент... блаблабла... да, да, так... А, вот. Что записать в графе «род занятий»?

Артур потер подбородок.

— Ну, все это было так давно... Я работал когда-то на радиостанции. И еще сандвичи. Я делаю классные сандвичи.

— Значит, массовые коммуникации и общественное питание. Полезные навыки для нового мира. Не вижу проблем с вашим гражданством.

— А с моим? — поинтересовалась Рэндом, хотя это произвучало скорее угрозой, нежели вопросом.

Хиллмен откинулся на спинку кресла.

— Это от вас зависит, Рэндом. Вы здесь только для того, чтобы подстрекать сыромантов?

— Сыроманты самораспустились, — ответила Рэндом, насупившись. — Коровы добились отмены ограничений. И Асид открыл для себя йогурт. Теперь они, похоже, гадают по пирогам. Кексомантия.

— Значит, ты не имеешь отношения к этому их новому помешательству?

— Нет. У меня более высокие цели.

— Правда? Найти себе симпатичного парня, завести семью?

— Я хочу стать президентом.

Хорошо, что Хиллмен в этот момент ничего не ел; в противном случае он наверняка бы поперхнулся.

— Президентом? Бабули?

— Галактики. Я уже делала это раз.

— Это долгая история, — вмешался Артур. — Ей нужно в школу.

— У меня восемь кандидатских степеней и две докторских! — возмутилась его дочь.

— Виртуальных, — терпеливо поправил ее Артур. — Не уверен, что они считаются.

— Конечно, считаются, папа. Не будь же таким кроманьонцем.

— Не я устанавливаю правила.

— Опять клише. Ты весь состояишь из клише. Вся твоя личность сложена из клише, как из кирпичей.

— Очень наглядное сравнение, милая. Может, степень в области искусств?

Все время этого диалога Хиллмен шарил по суб-эте.

— Здесь немного такого, что могло бы вас заинтересовать, Рэндом. Но есть кое-что.

Рэндом выбрала из своего арсенала улыбку «скорее ад замерзнет, чем вы найдете что-нибудь, что могло бы меня

заинтересовать» и включила ее Хиллмену на полную мощность.

— Не уверена.

Хиллмен откликнулся улыбкой «о, правда?» и надул губы, выдерживая интригующую паузу.

Первым сдался Артур.

— Что?

— Нет, ничего. Рэндом права. Ее это не заинтересует.

— Ну же, Хиллмен. Ведите себя по-взрослому.

Хиллмен повернул монитор в их сторону.

— Вот, смотрите. Круксванский университет принимает виртуальные степени, если вы сможете пройти контрольный экзамен. Они могут извлекать воспоминания с помощью вот этой похожей на робота-осьминога штуки.

— Это не лишено интереса, — признала Рэндом, взглянувшись в экран. — И они предлагают дополнительные программы.

— Я мог бы ходатайствовать за вас, — произнес Хиллмен.

Этот тон Рэндом узнала по многолетнему опыту виртуальных переговоров.

— В обмен на что?

— В обмен на небольшую помощь. Буду с вами откровенным, Рэндом. Я важный человек. Я не могу тратить свое драгоценное время, разбираясь со всякими пустяками. Вот, видите, стопка кляуз. Нарушения норм здравоохранения и пожарной безопасности, экипаж корабля Ю-торга ищет себе жилье, налоговые декларации с Мегабрантиса. Ваш отец говорил мне, вы занимались политикой, так что...

— Так что вам необходим помощник?

— Вы смотрите в корень. И найдется ли здесь кто-либо, обладающий лучшей квалификацией для этой работы?

— Уж наверняка не вы, — неодобрительно буркнула Рэндом. — И что я с этого буду иметь?

— Опыт работы в реальном мире. Уютный домик в деревне, и для начала я положу вам оклад третьего разряда.

— Пятого, — из чистого принципа возразила Рэндом.

— Значит, пятого, — поспешил поправился Хиллмен, протягивая руку.

— Поберегите руку, — буркнула Рэндом. — Рукопожатиями обменяемся после подписания контракта.

Хиллмен отодвинул кресло.

— Вижу, вы вся из насмешек. Что ж, ладно, девушка. Начинаете завтра с восьми ноль-ноль, и не опаздывать. Я буду в десять тридцать. Можете приготовить к этому времени чай.

Артур чувствовал себя так, словно над одним его плечом парил ангел облегчения и надежды, а на другом уgnездился с кружкой пива, почесываясь, дух нехороших предчувствий.

Больше позитива, посоветовал он себе. Все очень даже может выгореть.

— Пойдем, приготовлю тебе ленч, — сказал он Рэндом. — Сандвичи сойдут?

Может, они даже не убьют друг друга.

Хиллмен сунул руку под стол и почесал поросшее грубой шерстью бедро.

— Да, и мне еще нужен специальный шампунь для... гм... новых частей тела. И вы можете помогать мне хранить мои подковы.

Артур чуть подправил свою последнюю мысль на *может, они даже не убьют друг друга в первый месяц*. Потом перехватил испепеляющий взгляд Рэндом и решил, что и две недели было бы слишком оптимистичным прогнозом.

Несколько заполненных развлечениями недель Зафод мешался у всех под ногами, потом как-то вечером решил ускользнуть в невероятное пространство. Конечно, он предпочел бы прикрыть свой уход дождем конфетти на параде в его честь, но этому мешало некоторое количество золота, от которого он освободил сейф Хиллмена в качестве компенсации за принесенную Тором жертву. Ну, и имелось еще некоторое количество — с полдюжины — дам, которым он всякого наобещал. Под «всяким» имеется в виду вечная любовь, путешествие к звездам или его личный пин-код.

Я ведь здесь и месяца не пробыл, думал он, поднимаясь по трапу к люку «Золотого сердца». Страшно представить, что я наворотил бы здесь за год.

Зафод Библброкс. Лучший взрыв со времен Большого. Круто.

Форд Префект понимал, насколько не хватает Зафоду парада в его честь, поэтому принес полный карман риса, чтобы пожелать кузену счастливого полета.

— Счастливого пути, мистер президент, — крикнул он, швыряя в воздух над головой Зафода пригоршню риса. — Ручаюсь, на этой планете останется пара дамочек, которые будут без вас скучать.

Лицевые мышцы Зафода изобразили очень сложное выражение — нечто среднее между царственным достоинством и болью.

— Спасибо на добром слове, братец. Но я пытаюсь смыться отсюда украдкой.

— Украдкой? Слово недели?

— Именно. Я и без твоих воплей наделал шуму с этим мешком.

Форд пожал плечами.

— Эй, ты же Зафод Библброкс. Большой Б. Людям положено кричать в твоем присутствии. Окажись я на твоем месте, я бы ни за что не уходил без шума.

Зафод застыл на верхней ступеньке трапа.

— Зарк... Ты прав. Жаль, что никто не сказал мне этого перед Бронтитоллом. Не размазался бы тогда физиономией по битым яйцам.

Необходимое пояснение. Во время предшествующего по времени, но не произошедшего еще приключения Зафод отправился во времени на планету Бронтитолл, где главным разумным видом были (точнее, будут. Пожалуйста, меняйте в дальнейшем тексте пояснения прошедшее время глаголов на будущее — сам «Путеводитель» сделать этого не может, поскольку будущее определенное и в особенности неопределенное приводит к его зависанию) люди-птицы. Благополучно украв и уменьшив в размерах их священную статую Артура Дента (не спрашивайте,

почему именно его), Зафод попытался удрать в космопорт, но срезал дорогу через инкубатор. Увы, инкубатор охранялся лазерными датчиками, датчиками движения, несколькими злобными духами непреклонувшихся яиц, не говоря уже о самонаводящихся пулеметах. Зафоду испортили прическу, а он, падая, разбил кладку целого поколения людей-птиц. На суде Зафод со свежей укладкой не только прикрылся дипломатической неприкосновенностью, но и засудил птичье правительство за чрезмерные меры безопасности, создающие угрозу безопасности жителям Галактики.

— Что-то не помню я ничего про Бронтиолл, — заметил Форд. — Только не говори, что ты оттягивался где-то без меня.

— Нет. Я ничего без тебя не делаю, Форд. Ты единственный, кому я доверяю. Единственный, от которого ничего не скрываю.

— Что у тебя в мешке?

— Сувениры. Несколько пирожков, от которых отказались кексоманты. И маленькая микроволновая печка.

— Круто. Сможешь есть пирожки горячими.

— Об том и речь.

Зафод с лязгом забросил мешок в люк.

— Уверен, что тебя не надо куда-нибудь подбросить?

— Нет, Заф, спасибо. У меня здесь есть одно дело. Видишь ли, про эту планету пока нет ни строчки в «Путеводителе». Пошатаюсь здесь еще пару недель, напишу им статейку. Заодно позагорю немножко.

— Звучит заманчиво, — не без зависти произнес Зафод.

— Так чего не останешься?

Зафод замер на трапе, подогнув одну ногу и опершись о нее рукой. Откуда-то изнутри корабля светила химическая лампочка, окрашивая его челюсть красным.

— Не судьба, Форд, — ответил он, и внезапный порыв ветра растрепал ему волосы. — У Вселенной другие планы на Зафода Библброка. Мое место там, где страдают одинокие самки. И где стол с бесплатными коктейлями для знаменистостей — в таких местах ты меня тоже можешь искать. В об-

щем, везде, где с людьми, которым и без того хреново, происходит какая-нибудь особо поганая фигня, Зафод Квант Библброкс сделает все, что в его силах, чтобы они немного развеялись.

— Квант?

— Это я на пробу. Как тебе?

— Неплохо. Очень героически звучит. И уж наверняка лучше прошлого.

— Сам знаю, — скорбно ответил Зафод. — Прунтипенд... Кто-то, между прочим, мог бы мне это и раньше сказать.

Они попрощались как в детстве. Топ, топ, стукнуться локтями, дай-пять и еще раз локтями...

— Ладно. До встречи, Форд, — сказал Зафод, вступая в силовое поле люка.

— Еще одно, — вспомнил Форд. — Артур на этой планете, так что, сам понимаешь, рано или поздно...

— Кто-нибудь постарается взорвать ее. Не беспокойся, я буду приглядывать по суб-эте. Малейший намек на вагонов, и я прилечу.

— Полагаюсь на тебя.

«Золотое сердце» бесшумно взмыло с бетонной площадки космопорта.

— Никогда не мешает иметь запасной план, — заметил Зафод, когда планета исчезла из виду.

Левый Мозг засиделся в своей плазме, поэтому немного перевозбудился.

— Глянь-ка, уж не великий президент Галактики почтил нас своим присутствием?

Зафод швырнул мешок с золотом в кладовку.

— Привет, ЛМ. Классно поработал со световыми и шумовыми эффектами.

Левый Мозг огрел Зафода своей стекляшкой.

— Меня не греет должность твоего техника по спецэффектам. Ты ведь был законно избранным президентом Галактики. У тебя хоть капля достоинства осталась?

Зафод почесал в затылке.

— Не понял вопроса.

Он двинулся на мостик, миновав по дороге несколько дверей, запрограммированных узнавать его, издавая соответствующие возгласы.

— Ооо! Он в хорошей форме! — восхитилась дверь в служебный коридор.

— Классный причесон, Зафи, — пропел лифт, который всегда отличался некоторой фамильярностью.

— Как жаль, что я не живой организм, — вздохнула дверь на мостик.

В общем, на мостик Зафод взошел с поднявшимся эстиметров на пятнадцать настроением. Первым делом в глаза ему бросилась подпрыгивавшая в центре главного экрана иконка с молотом.

— Когда пришло сообщение? — спросил он у Левого Мозга, который, конечно же, парил в воздухе над его плечом в подозрительной близости от места, к которому раньше крепился.

— Несколько часов назад. Кажется, мне осточертела эта бестелесная жизнь, — признался Левый Мозг. — Мне не хватает моей шеи.

— Да фигня вопрос, — хмыкнул Зафод, усаживаясь на капитанское кресло. — Присобачим тебя на старое место, как только попросишь.

— Нет уж, спасибо, — возразил Левый Мозг. — Проще принять таблеток успокоительных... Или купить голограммическое тело. Все лучше, чем расхаживать рядом с головожопым вроде тебя.

Зафод несколько раз повторил про себя слово «головожопый», обдумывая его так и этак — и тут же выкинул из головы.

— Воспроизведи сообщение.

— С фоновой музыкой?

— Нет, не надо. Только само сообщение... и я не хочу, чтобы это кто-нибудь мог подслушать.

— Отлично. Включаю защиту.

Иконка с молотом на экране дернулась и превратилась в окно видеосвязи. В окне маячили косматые черты Тора.

— Эй, Заф. Привет, привет. Это... Готов поспорить, это даже не... Ладно, ладно, теперь вижу. Камера работает. — Бог собрался. — Привет, Зафод, это твой клиент, Тор-Громоверхец. Как ты уже, наверное, догадался, я не мертв.

— Уж догадался, — хмыкнул Зафод, врезав по воздуху кулаком.

Необходимое пояснение. Концепция принесения богом себя в жертву безотказно действует с незапамятных времен, с того самого случая, когда Раймон Печально Известный, бог-правитель Тарпона VII увилинул от необходимости определять, кому принадлежит новорожденное дитя, успешно имитировав смерть от чудовищного передоза. Раймон вдруг обнаружил, что мертвым он нравится людям гораздо больше и что решения они теперь принимают на основе того, что он нашептал на ухо глухому схимнику в пещере. При этом деньги на банковский счет Раймона продолжали поступать исправно, а требовалось от него теперь всего-то являться святым духом какой-нибудь девственнице раз в несколько тысяч лет и произносить что-нибудь загадочное вроде: «нас спасут камешки — не забывай возжелеть камней». Случайно найденная Раймоном методика оказалась столь успешной, что скоро по всей Галактике боги имитировали смерть, проклиная при этом Раймона за не самый приятный выбранный метод ухода из жизни.

Тор придинулся вплотную к камере.

— Это все твое замечание насчет жертвы. То, что ты тогда сказал. Я шел по этой длинной торпеде и вдруг подумал, что, если я позволю ей себя убить, земляне решат, что я погиб за них. В общем, врубил я скорость на сто процентов и направился к кораблю вогонов, и тут услышал, как срабатывает детонатор. Я было спрятался в этом их конфетти — хотел отсидеться минуту, а потом обработать немного корпус их корабля Мъельниром, чтобы он выглядел как после близкого разрыва шрапнели, но они вдруг ушли в гиперпространство. Не знаю отчего. Да и хрен с ними. Короче, дело обстоит вот так. Я сейчас возвращаюсь на Асгард, но если понадоблюсь

вам там, всегда готов воскреснуть. Правда, боюсь, я потянул немного брюшину, так что дай мне немного времени восстановиться. Позвони, дай знать, сработала ли штука с жертвой. И пришли мне немного золота — я пообносился так, что самому противно. И последнее — пригляди там за моим шлемом. Должно быть, я потерял его при взрыве, а это мой любимый. Ладно, отключаюсь, мне еще звонят. — Тор стукнул себя в грудь кулачищем и подмигнул в объектив. — Классно сработано, менеджер.

Зафод слегка потрясенно закрыл окно.

— Ух ты, — произнес он. — Даже не верится, что идея с жертвой сработала. А еще удивительнее то, что Тор уловил намек. Обыкновенно мои намеки столь тонки, что большинство людей хорошо, если со второго раза их понимают.

Левый Мозг выпрыгнул вперед и повис перед носом у Зафода.

— Ты ведь не помнишь, чтобы говорил что-нибудь насчет жертвы, правда?

— Нет, — признался Зафод. — Но из этого еще не следует, что я этого не говорил.

— Значит, ты и впрямь поверил в то, что твой клиент мертв?

— Разумеется, нет. Бога не убьешь. Даже тот парень, что сиганул в белую дыру, еще жив, пусть части его и размазаны по нескольким измерениям.

— А что с той особенной бомбой?

— С «ГЛИСТ-Э»? — фыркнул Зафод. — Как по-твоему, кто загнал ее вогонам? Странно еще, что она просто не упала. Я поставил на нее движок от газонокосилки.

Левый Мозг помолчал, если не считать пощелкивания роботов-пауков, собиравших конденсат с его бровей.

— Ладно, мы снова остались вдвоем. Чем бы тебе хотелось заняться?

Зафод взгромоздил ноги на пульт.

— Не знаю пока. Чтобы видео с самопожертвованием разошлось по сети, требуется еще некоторое время, так что у

нас в распоряжении несколько свободных дней. Чем мы занимались до начала всей этой истории?

— Собирали средства на твою новую президентскую кампанию.

Это удивило Зафода.

— Собирали? Но я и так президент.

— Ты был президентом, — поправил его Левый Мозг терпеливым тоном учителя, в очередной раз объясняющего, почему не стоит пить подкрашенную воду, — до того момента, как тебя приговорили к тюрьме строгого режима.

— Но все до сих пор обращаются ко мне «мистер президент».

— Ко всем бывшим президентам обращаются «мистер президент».

— Это не слишком сложно?

— Нет, если у тебя есть хотя бы половина мозгов.

Зафод нахмурился.

— А что, эти половины надо умножать?

Левый Мозг окутался паром.

— Забудь половины. Ты был президентом, а теперь ты не президент. Это ты в состоянии понять?

— Так кто тогда сейчас президент?

— В настоящий момент?

— Да. В настоящий.

Левый Мозг не стал тратить время на поиски, потому что всем прекрасно известно, кто является в настоящий момент президентом Галактики — за исключением обычных пассажиров «Золотого сердца», да и то Форд Префект мог бы и знать (хотя не обязательно).

— Спиналь Мозжко из племени Всадников без Головы с Беты Джаглана.

Зафод выпрямился — что не так легко сделать, сидя с задранными на пульт ногами. Остатки каблуков заискрили, с такой силой стукнул он ими друг о друга.

— Что? Мозжко? Но у него же нет голов! Ни одной. Полный ноль на плечах.

— Это мы уже проходили, Зафод.

— Нет. Последние двадцать минут не проходили. А ты знаешь, на что похожа моя память.

— Я удивляюсь, что ты вообще помнишь о том, какая у тебя память.

— Да. Именно. Ладно, ЛМ, вводи координаты моего избирательного округа.

— У тебя нет избирательного округа, а если и был бы, то вся Галактика.

— Тогда летим в центр Галактики. Если Зафод Библброкс возвращается, люди должны знать об этом. Мне нужно наблюдать в клубе, перепихнуться с кем-нибудь в сортире... может, сходить на реалити-шоу.

— Мне кажется, первым делом стоит добиться замены приговора на более мягкий — хотя бы строгий режим отменить. Тогда ты смог бы завести избирательный штаб.

— Правильно мыслишь, ЛМ. Кого нам подкупить?

На этот раз Левый Мозг справился у своей базы данных.

— Как ни странно, Спиналя Мозжко.

— Старина Мозжко... было всегда в нем что-то этакое...

— Он без голов.

— Ни одной. Ублюдок.

Левому Мозгу потребовалось несколько секунд на то, чтобы взломать страничку с президентским графиком на неделю.

— В настоящий момент Мозжко отдыхает у себя на конюшне, на Бете Джаглана.

— Тогда летим на Бету Джаглана.

Левый Мозг нахмурился, вводя в навигационную систему координаты.

— Ты хоть понимаешь, что Мозжко тебя ненавидит, Зафод? Возможно, тебе потребуется что-нибудь соблазнительнее того мешка золота, который засекли мои сканеры на входе.

Зафод выставил вверх все три больших пальца, и лишенная тела голова не сразу заметила на конце одного из них что-то блестящее. Крошечный рогатый шлем.

— Может, у меня и найдется кое-что для торга, — сказал Зафод.

Открытый космос

Чтобы попытаться дозвониться до Зафода, Тор уцепился за небольшой астероид и сидел теперь в пузыре кислорода, переключаясь на входящий звонок. В общем-то, он мог бы обойтись и без пригодного для дыхания воздуха, но так меньше болела голова, да и говорить по телефону проще, не прибегая к магии, чтобы твой голос услышали в безвоздушном пространстве.

— Бог-Громовержец на связи, — произнес он в рукоять Мъельнира. — Говорите же.

На торце молота возникло изображение маленькой золотой фигурки.

— Эй, громовержец, что происходит?

— Слон? Рад тебя видеть. На самом деле происходит много чего. У меня появилась паства. Настоящие верующие. Правда, воин среди них всего один, но для начала и это неплохо.

Шахматная фигурка затянулась сигаретой.

— Это круто, Тор. А я звоню тебе с еще одной хорошей новостью.

— Правда? Какой?

— Это насчет твоего видео, — ответил Слон. — Оно на первом месте в рейтинге по количеству просмотров. Натуральная сенсация в суб-эте.

Тор пришел в ужас.

— Когда ее снова загрузили? Черт, я в одном бюстгалтере... Вселенная этого никогда не забудет.

— Нет. Не этот ролик. Новый — где ты молотишь зеленого парня, который всех оскорблял. Похоже, довольно многим хочется посмотреть, как он поплатился за свои штучки.

— На первом месте? Правда? Фантастика!

— Ага! Классная техника удара. Кстати, я ведь тебе именно так советовал. Ты снова на коне, друг мой.

Тор ухмыльнулся.

— Просто здорово. Позвони маме с папой. Всем позвони. Устроим нынче вечером у меня в чертоге большую пьянку. Хочу меда, и свиней, и говядины, и девственниц.

— А осьминогов?

— Нет. Осьминогов не надо. Но достань всего, чего сможешь, и проследи, чтобы валькирий пригласили.

Слон взмахнул кулаком.

— Гром вернулся, — произнес он.

— Верно, — кивнул Тор. — Гром вернулся.

Он дал отбой, оттолкнулся от астероида, потом развернулся и ударом топора вышвырнул астероид в другое измерение.

— Эй! — возмутился дух Фенрира. — Это был мой зуб!

Борт «Бюрократического тутика»

Рядовой Непрходим лежал на своей койке и смотрел на собственное отражение в зеркальце Барби.

— Ты сделал все как надо, — снова и снова повторял он себе, для разнообразия меняя порядок слов в предложении — так подсознание его могло и поверить в то, что слышит что-то новое.

— Ты как надо сделал все. Все ты сделал как надо. Как надо. Он помолчал.

— То, что ты там сделал — правильно. Как надо.

Лицо в заключенном в розовую рамку зеркалеказалось дружелюбным, но невеселым. Верно, он спас землян, но в списке «угрожающих развитию» оставалось еще столько рас, а фокус с «законопослушными налогоплательщиками» мог пройти далеко не всегда, тем более, что Простатник Джельц вряд ли попался бы на него еще раз.

Теперь он первым делом будет проверять это. И кого следующего мы должны уничтожать?

— Что-нибудь придумаешь, — сказало лицо в зеркальце, казавшееся без слюнявчика почти симпатичным.

Теперь Непрходим никуда не выходил без слюнявчика. Меньше всего ему хотелось казаться добродушным, что расценили бы как признак эволюции. Более того, после того как на мостице его обозвали Попрыгунчиком, Непрходим до-

бавил в свой гардероб гирьки для ног. Самое последнее дело прыгать козлом на мостики вогонского корабля.

— Настанет день, и мы станцуем, — сказал он своему отражению.

— Настанет день, и мы споем, — ответило лицо в зеркале. — Ты там все как надо сделал. Абсолютно как надо.

Из динамика в изголовье раздался голос отца.

— Рядовой! Мне тут звонит совет по делам планет или кто-то вроде того — утверждает, что из-за их календаря с високосным годом мы недостаточно внимания уделили их принудительному разрушению. Хочу, чтобы ты на это посмотрел.

— Иду, папа, — откликнулся Непрроходим, пряча зеркальце и привязывая к пальцам ног щипцы. — Уже вышел.

— Ты мой славный маленький Абсолютный Ублюдок, — пробормотал Джельц и отключился.

Нет пока еще, подумал Непрроходим. *Пока*.

Бабуля

Артур Дент начинал понимать ощущение одиночества, в котором пребывала его дочь.

— Теперь я понимаю, что ты имела в виду, — сказал он ей как-то утром перед работой. — Мы везде немного чужие. Нашей планетой была Земля, но ее больше нет. И даже на ней, пусть мы и называли ее своим домом, мы не бывали. Бог знает сколько времени. Мы оба почти всю жизнь прожили вдали от нее. Я на своем острове, ты на Мегабрантисе. Мы космические кочевники (классное, кстати, название для рок-группы), межзвездные скитальцы, и нам в этой чужой бесконечности не за кого держаться, кроме как друг за друга.

— Что это ты положил сегодня в мои сандвиchi, папа? — ответила на это Рэндом. — Или ты забыл, что я стараюсь стать вегетарианкой, а говядина — не вегетарианскоe блюдо.

— Эта говядина просто сама просится на сандвич, — невольно ответил Артур и вдруг заметил, что Рэндом вовсе не так бесконечно несчастна, как прежде. Возможно, ежедневные

конфликты в офисе Хиллмена Хантера давали выход ее раздражению, так что не исключено, что именно работе Артур был обязан относительно приятной дочерью-подростком, которая почти каждое утро выходила к завтраку вместо того, чтобы замыкаться в коконе жалости к себе.

— Салату?

Рэндом чмокнула его в щеку.

— С удовольствием. Только чтоб не засохший.

— Засохший? Как можно? Что мы, варвары? Как бы я посмел называть себя изготавителем сандвичей?

И так далее, и тому подобное. Когда Артур закончил оправдываться и перешел к перечислению своих заслуг в ремесле изготавления сандвичей, Рэндом уже затолкала свой ленч в сумку, одолженную ей Фордом, и убежала на работу.

Пару недель Артур высидал дома в роли примерного папочки и теперь искал повода отправиться в путешествие.

— Ты и я, никого больше, — говорил он Форду. — Как в старые добрые времена, только без взрывающихся планет и всех остальных, что были с нами тогда.

— Не выйдет, дружище, — отвечал Форд, изо всех сил стараясь выглядеть огорченным, что получалось не слишком убедительно с учетом скрывавшей лицо маски из вулканической грязи и двух очаровательных массажисток, хлопотавших над его подколенными сухожилиями. — На этой планете просто уйма оздоровительных заведений, и мне необходимо перепробовать их все. Это мой долг перед подписчиками «Путеводителя».

Артур глянул на прейскурант.

— Разве тебе не положено жить на командировочные в размере тридцати альтаирских долларов в день?

— Альтаирская биржа нестабильна, — отозвался Форд, возможно, покраснев немного под маской. — Сегодня ты купишь на эти тридцать баксов дом в пригороде с гаражом на двух детей и три целых четыре десятых жен. А завтра тебе повезет, если их хватит на баночку антипохмельных пиявок. Для надежности я охватываю все секторы туристического бизнеса — от бюджетного до V.I.P.

И Артуру пришлось готовиться к отлету одному.

Одному. Страшное слово. Он, Артур Дент — одинокий человек. Один как перст. Как ноль без палочки. Один-одинешенек.

Все это звучало несколько пессимистично и эгоцентрично — даже для человека, только что получившего посылку с адресом: *Бабуля, Эгоцентричному Пессимисту*. Поэтому Артур решил оформить поездку как исполнение родительского долга.

— Слетаю на Круксван проверить этот твой университет, — сказал он Рэндом. Она, конечно, возражала бы, но он заранее подготовился к ее доводам. — Знаю, знаю, что ты собираешься сказать, но каким бы я был отцом, если бы отпустил дочь куда-то во Вселенную, не проверив прежде? Через несколько дней вернутся из путешествия твоя мать с Гавбеггером. И Форд побудет с тобой до моего возвращения. Это всего в дюжине прыжков отсюда, так что займет не больше недели. Ну, максимум двух. И вообще с виртуальной точки зрения тебе уже сто лет, так что прожить без меня пару недель для тебя проще простого. Я оставлю тебе все телефоны, по которым со мной можно связаться, и запас замороженных сандвичей, так что все будет о'кей. Вопросы есть?

Рэндом подумала немного.

— А каких сандвичей? — спросила она.

И вот теперь Артур сидел в уютном амортизационном кресле бизнес-класса гиперпространственного лайнера, который снаружи подозрительно смахивал на мужские гениталии, но изнутри смотрелся вполне симпатично, если выкинуть из головы два гиперпространственных ускорителя и трубу пассажирского салона. Оплатил он свое место остатками со счета, который открыл еще до жизни на Лемюэлле.

Во времена Фенчёрч.

Это хорошо, подумал он. Я наконец-то делаю что-то полезное вместо того, чтобы шататься по дому, мешая карьере Рэндом. Зато теперь я могу помешать ее образованию.

Артур позволил раздеть себя до полетного белья, намазать маслом и опустить в кресло. Прозрачный, наполненный гелем

кокон окутал его, и он выбрал на тачскрине Путеводитель «Автостопом по Галактике», а в оглавлении — иконку Круксана. В открывшемся списке статей оказалось примерно три сотни наименований.

Хватит, чтобы занять себя на все время путешествия, подумал он.

Когда все пассажиры заняли места, и автоматические двери с шипением закрылись, Артур с облегчением обнаружил, что сидит в ряду один. Он не считал себя особенным уж снобом, но порой намазанный маслом мужчина в исподнем предпочитает выбираться из кресла, не ловя на себе посторонних взглядов.

Они взлетели, и Артур смотрел, как уменьшается на его мониторе диск Бабули. Вскоре вся туманность превратилась в кружевной платочек космической дымки на паутине звезд.

Кружевной платочек космической дымки, подумал Артур. Если бы Форд умел так писать, он мог бы недурно зарабатывать.

В углу амортизирующей подушки засветилась маленькая синяя иконка, и Артур послушно пососал трубочку с газом от укачивания.

Гиперпространство... Я по тебе соскучился.

Прыжок прошел мягче, чем он ожидал.

Должно быть, это новые кресла.

Ощущение напомнило ему падение в сугроб, когда он катался в детстве на санках, только без набившегося за шиворот снега. Наоборот, ему стало тепло и покойно. Правда, в дальнем уголке хорошего настроения притаилась маленькой занозой боль утраты. Гиперпространство может и отнимать дорогие тебе вещи, особенно если ты родом из плуральной зоны.

Артур Дент расслабился и принял смотреть на окутывающую его Вселенную. Вокруг кокона его кресла плыли астероиды, космические создания и лица миллионов других путешественников. Каждому из них на дисплее «Путеводителя» соответствовал маленький цветной флагок с описанием, но они сменяли друг друга так быстро, что Артур не успевал прочесть ни слова.

После этого похожего на сон первого прыжка корабль вышел из гиперпространства, кренясь на борт, словно брошенный блинчиком камень. Табло «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ» помигало и погасло.

Стоит, пожалуй, сходить в сортир, подумал Артур. До следующего прыжка.

Разумеется, кресло переработало бы все его выделения, но Артур чувствовал, что есть еще вещи, которые не стоит делать на глазах у других в прозрачном пластиковом коконе.

Он чуть сгрустил воздух из кресла, посидел немного, приходя в себя, и вдруг к удивлению своему заметил, что соседнее кресло занято. Новый пассажир обращался к нему так фамильярно, словно они уже встречались. Взгляд у Артура еще не прояснился, но голос был ему знаком, как и наклон головы, и откинутая за ухо прядь волос.

Фенчёрч?

Артур протер глаза и посмотрел еще раз. Да, Фенчёрч, и она оживленно болтала с ним так, словно они не расставались.

Этого не может быть. Я сплю.

Но он не спал. Фенчёрч вернулась к нему. Она выглядела в точности так, как прежде, если не считать синих веснушек над бровью и чуть выступающей по оси лба косточки.

Почти такая же. Возможно, отличающаяся на одно-два измерения. Ее Артур пропал — так же как моя Фенчёрч.

Фенчёрч закончила свой рассказ и рассмеялась своим звонким смехом с характерным выдохом в конце, который всегда напоминал Артуру мамин пылесос.

Если я хоть немного знаю Фенчёрч, она еще не договорила, подумал Артур, по-прежнему продолжая бороться со звоном в ушах. Сейчас расскажет что-нибудь еще.

Он не ошибся. Фенчёрч хлопнула его по руке, закинула за ухо выбившуюся прядь волнистых волос и открыла рот.

— А вот еще... — сказала она.

Что «еще»? — хотел спросить Артур. Что было до этого «еще»? Расскажи мне все по порядку.

Он хотел сказать эти слова экзотической, но все-таки знакомой Фенчёрч, но когда поднял руку погладить ее по щеке, увидел, что пальцы его сделались прозрачными.

Что? Ох, нет. Нет.

На него накатила волна тошноты, колючего статического заряда, пронизавшего все его члены и окутавшего туманом сознание.

Плюральная зона, догадался он. Людям из плюральных зон нельзя путешествовать через гиперпространство. Их может зашвырнуть куда угодно.

Артур увидел, что Фенчёрч протягивает к нему руки. Ее прекрасные губы сложились, чтобы позвать его, а потом она стала стремительно удаляться от него по разноцветному гибкому туннелю.

Это не она удаляется, понял Артур. Это я. Я удаляюсь.

Галактика завертелась вокруг него, и ничто не защищало его нагое тело от холода и излучений, и все же он не умер и даже не испытывал боли, просто испарялся по мере того, как гиперпространство уносило его все дальше от жизни. В конце концов зрелище окружающего мира стало невыносимым, и Артур закрыл глаза, что не изменило ровным счетом ничего, поскольку веки тоже сделались прозрачными, и он попытался сосредоточиться на единственном месте, где испытывал подлинный покой. Он старательно воссоздал в уме все до единого бамбуковые стволы, из которых складывалась его хижина, и каждый белый камешек, лежавший на стыке песка и воды. Он не думал ни о бешено клубящихся туманностях, ни о красных звездах, вышвыривавших в космос щупальца протуберанцев. В общем-то он редко думал о таких вещах, поэтому очень скоро они стали единственным, о чем он мог не думать.

Спустя какое-то время, которое невозможно измерить даже самыми дорогими электронными часами, Артур понял, что снова ощущает себя телесным. Он напряг слух и услышал шум прибоя. Он высунул язык и ощущил на нем соль.

Возможно ли это? — подумал он.

Артур Дент открыл глаза и обнаружил, что сидит на пляже, очень похожем на пляж из его виртуальной жизни. Изгиб береговой линии немного отличался, но это почти ничего не меняло, даже маленькая хижина стояла за полосой кустарника.

Возможно ли это? — подумал он. Или скорее — вероятно ли это?

Он прищурился, вглядываясь против лучей закатного солнца, но даже так не мог не заметить на горизонте угловатую желтую штуковину.

Что? Не может быть.

Артуру стоило бы добавить: «Это невероятно!» — но эти слова лишились права на существование со временем его знакомства с Зафодом Библброксом. В мире нет ничего невероятного, а раз нет, то значит, это невероятное где-нибудь да есть.

Рядом с ним опустился на песок и сложил крылья плывун-колокольчик.

— Чертовы вогоны, — произнес он, брезгливо перекосив клюв. — Уже несколько дней как прилетели. Наверное, кто-то забыл оформить надлежащие бумаги на строительство хижины.

— Как всегда, — сказал Артур и закрыл глаза. Ему ужасно хотелось оказаться в другом месте, с кем-нибудь другим.

Необходимое пояснение. Почти невероятное невезение Артура Дента породило в ткани судеб вакуум, в свою очередь породивший почти невероятное везение существа, проживавшего на другом краю Вселенной. Некий м-р А. Гражжаг, малоизвестный спортивный комментатор с Ун-Хью, успешно пришел в сознание после того, как на протяжении нескольких месяцев линия на экране монитора, показывавшего его мозговую активность, почти не отличалась от прямой. Он очнулся и прочитал приглашение на прием с коктейлями, устроенный администрацией лотерей по поводу сорванного им джек-пота. В это самое мгновение в его палату с радостным визгом ворвалась подруга его юности, случайно увидевшая м-ра Гражжага в передаче, посвященной знаменитым коматозникам. Они поженились и произвели на свет двух очаровательных наследников, которые, однако, не пожелали пойти по стопам отца и заниматься шоубизнесом, а предпочли изучать медицину и юридические науки.

Знай Артур про семью Гражжагов, это, возможно, и ободрило бы его немного.

Но не слишком сильно.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Любберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т. (4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Йон Колфер
А вот еще...

Роман

Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Технический редактор О.В. Панкрушина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевослина, д. 25

лас Адамс мечтал написать шестую часть «Автостопом по Галактике» – но, увы, не успел. Продолжение культового сериала хотели создать многие писатели – но наследники Адамса предложили сделать это И. Колферу – давнему поклоннику «Автостопом по Галактике» и автору не менее культового сериала о приключениях Артемиса Фаула.

**Своеобразный выбор? Или все-таки –
ИДЕАЛЬНЫЙ выбор?**

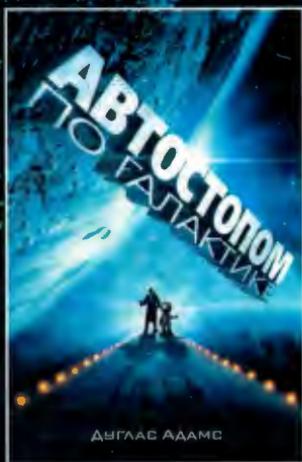
Вселенная велика – и в ней может случиться все, что угодно. А иногда и то, что не может случиться в принципе.

Пантеон безработных богов, любимый всеми нами Галактический президент, влюбленный пришелец, компьютер со странностями и, конечно, неподражаемый А. Дент... и многое, многое другое.

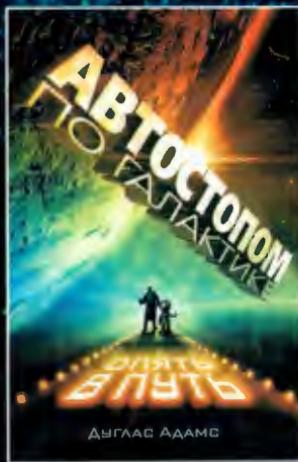
Что именно?

Прочтайте – и узнаете!

Книги 1 и 2

Книги 3, 4 и 5

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-43216-0